

**Сборник проповедей «Слова о покаянии,
причащении Святых Христовых Тайн и
исправлении жизни».**

**Слова во Святую Четыредесятницу и
приготовительные к ней недели
Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и
Шацкий, Затворник Вышенский, святитель**

Часть 1. В неделю мытаря и фарисея

В неделю мытаря и фарисея (не надейся на свою праведность)

Вот снова подошли приготовительные к Великому посту недели! Благодарение Господу, сподобившему нас дожить до сего времени душеспасительного! Помолимся, да поможет Он нам и воспользоваться им, по Его благим о нас намерениям. В сем отношении, впрочем, не нахожу нужным много говорить вам. Не в первый раз встречаете вы время сие; не раз слышали объяснение значения сих дней и указание того, что должно взять себе от них в урок; не раз, верно, и самым делом испытали, как проводятся они на созидание себя и как проводятся на разорение. А при этом какая нужда в пространных наставлениях? Довольно сказать: «Братие и отцы, сотворите так, как уже знаете, как внушает вам ваша совесть и учит ваш опыт, только чтоб все обращалось в созидание ваше и спасение душ ваших».

При всем том не хочу, однако ж, оставить вас без каких-нибудь, хотя общих, напоминаний в руководство к спасительному препровождению наступившего времени.

Есть больные, которые ездят лечиться на воды. Как издали начинают они помышлять о предстоящем путешествии и как заботливо готовят все, чтоб скоро и удобно доехать до целительных вод и сколько можно плодотворнее воспользоваться урочным временем лечения! Вот и у нас приближается свой курс спасительного врачевания душ наших – святой пост. И мы будем здесь и купаться в слезных водах покаяния, и принимать внутрь многоцелебное врачевство – Тело и Кровь Господа нашего. Надобно готовиться к нему и нам, и притом сколько душа выше тела, столько наша забота о сем должна быть сильнее и действеннее, чем у тех.

На первый раз нет нужды многим себя обременять. Позаботимся только войти в намерения матери нашей, Церкви, и воспроизвести в себе указываемые ею приготовительные расположения. В пост будем трудиться над очищением своей совести и исправлением своей жизни. А как успешность сих

трудов зависит от умягчения сердца сокрушением, то вот Святая Церковь заранее и предрасполагает нас к сему чувству и разными способами хочет возбудить и укрепить его в нас. Ныне притчею о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10–14) она внушает нам, что самый верный путь к сокрушению есть уничтожение в себе фарисейского самомнения и укоренение в сердце мытарева покаянного вопля: «Боже, милостив буди мне грешному» (Лк. 18, 13). В следующее воскресенье притчею о блудном сыне (Лк. 15, 11–32) она научает, что как бы ни было глубоко чье падение, но, если он с сердцем сокрушенным и смиренным обратится к Господу, вопия: «Недостойн называться сыном Твоим; прими меня в число от наемников Твоих» (Лк. 15, 19), будет принят в объятия Отца Небесного многомилостивого. Если б чья душа оказалась слишком окамененною и нечувственною, Святая Церковь, далее, хочет сокрушить ее, живописуя Страшный Суд. Если же кто так свыкся с своим унижительным в грехе состоянием, что стал бы считать его натуральным своим положением, и не воображая лучшего, – Святая Церковь воспоминает для такого падения прародителей, чтоб раздражить в сердце его скорбь о потерянном и возбудить ревность к возвращению его, приводя на мысль, как оно было велико и как потому стоит пожалеть о нем и всячески потрудиться, чтобы опять соделаться обладателем его.

Вот намерения Святой Церкви Божией! Войдите в них и ходите по указанию попечительной матери своей!

На нынешний день и на всю следующую неделю возьмем урок у мытаря и фарисея и будем изучать его. Он короток: не надейся на свою праведность, но при всем богатстве добрых дел всю надежду спасения полагай в милости Божией, из глубины души вопия: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Смотря на фарисея – укоренного, не думайте, что дела правды, благочестия, благотворительности и строгого воздержания ничего не значат пред очами Божиими. Нет! Господь укорил фарисея не за дела, а за то, что он начал хвалиться ими, что на них одних основал всю свою надежду, забыв о грехах, от которых, конечно, не был свободен. Равно, смотря на мытаря, не подумайте, что грехи маловажны пред

Богом. Нет! Господь хвалит мытаря не за то, что он грехами своими поставил себя в такое состояние, что и на небо воззреть не был достоин, а за то, что, доведши себя до сего злым произволением своим, он жалел и сокрушался о том, в одной милости Божией чая обрести себе избавление, – хвалит за этот поворот от греха ко Господу, за дух смирения и болезнования сердечного, в коем взывал: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Взявши теперь истинное от того и другого лица, мы получим такой урок: «Трудись и работай Господу усердно, по всей широте заповедей Его, но надежду спасения полагай – всю – в единой милости Божией. Ты никогда не дойдешь до того, чтоб всегда и во всем быть исправным пред очами Божиими, потому, при всей кажущейся исправности своей, не переставай взывать из сердца: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Вот урок – напечатлейте его в сердце своем! В пособие вот что сделайте: пробегите в мыслях коротко жизнь вашу и посмотрите, есть ли в ней грехи; грехи – словом, делом и помышлением? О, конечно, найдется их многое множество! Но если так, то как не взывать каждому: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Соберите потом все дела свои добрые или те, кои самохвальство ваше считает добрыми, и смотрите, много ли их окажется? Сколько могли мы и сколько должны были сделать в триста шестьдесят пять дней года; а что сделали?! И эту ли малость выставлять на вид, трубя: «Я не таков как прочие» (Лк. 18, 11), – особенно когда против нее стоят беззакония, им же нет числа! Ибо из двадцати четырех часов каждого из трехсот шестидесяти пяти дней сколько найдется таких, которые не были бы отмечены чем-либо греховным?! А сознавши это, как не взывать: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Притом вся ли чиста и эта малость? На каждом ли из сих немногих дел виден ответ славы Божией? Трудясь над ними, не себе ли и человекам угождали мы паче, нежели Богу? А если так, то как давать им какую-либо цену и, смотря на них, выситься в самопрельщении, говоря в себе: «Не таков, как прочие»? Нет! Наведите только на дела свои необманчивое

зеркало правосудия, в слове Божиим начертанного, – трудно поверить, чтоб совесть не заставила каждого из вас взывать: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Может статься, между вами и нет таких, которые в самохвальстве дерзостно вслух говори ли бы: «Не таков, как прочие»; но редкий, думаю, найдется, который не ниспадал бы в самомнение и в самочувствие, когда без слов по сердцу проходят помыслы, дающие немалое значение нашим трудам и нашей деятельности в среде других. Неправо и это чувство самодовольства! Надобно чувствовать, и чувствовать глубоко, что мы совершенно ничего не стоим и ни на чем своим опереться не можем. Опора у нас одна – милость Божия; а эти внутренние самохваления прогонять должно. Один святой подвижник всякий раз, как помысл говорил ему: «То и то у тебя хорошо», подозревая в сем лесть врага, отвечал: «Будь ты проклят с этим твоим «хорошо». Так делал святой отец; тем паче так следует делать нам, грешным.

В нравственном деле нет злее помысла, как помысл самомнения. Он прямо нападает на чувство сокрушения и охлаждает его. Как огонь не может быть вместе с водою, так с чувством праведности не уживается сокрушение. Как паралич поражает органы движения, так самочувствие подсекает всякое напряжение сил на добро. Как злая роса губит прекрасные цветы, так обманчивое самодовольство губит в нас все доброе. Изберите же, братие, благое и отриньте злое!

В песнях церковных самодовольный фарисей сравнивается с плывущим по морю на корабле, а самоуниженный мытарь – с плывущим на худой ладье. «Но того, – говорит, – потопила буря самовозношения ударом о камень гордости, а сего глубокая тишина самоунижения и тихое веяние воздыханий покаянных привели безопасно к пристанищу Божеского оправдания». В тех же песнях еще фарисей сравнивается с едущим на колеснице, а мытарь – с идущим пешком. «Но последний, – говорит, – припрягши к сокрушению смирение, упредил первого, заградившего себе путь камнями самохваления».

Слыша такие внушения, братие, умудряйтесь «такое тещи, да постигнете» (1Кор. 9, 24). Пусть будут у вас море – слезы, ладья – самоуничтожение, ветры – воздыхания, а мытарев глас – все распоряжения по плаванью. И несомненно достигнете вы в пристанище милосердия Божия и скоро вступите на берег оправдания, где вкусите сладостный покой совести во всепрощении Божиим.

Да дарует сие великое благо всем нам щедродательная благодать Божия! Аминь.

12 февраля 1861 года

В неделю мытаря и фарисея (самодовольство и самооправдание – это самая пагубная прелесть)

С нынешнего дня начинается Триодь постная. Се, начинает веять постом! Надобно готовиться к сретению его, и не к нему только, но паче к тому, для чего установлен пост, – к покаянию и исправлению жизни неисправной. И вот вы слышите умиленную песнь: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»

Отверзи двери покаяния! Кто же их затворил?! Они отверсты крестом: стоят и будут стоять отверстыми для всех людей, пока стоит мир, а для каждого из нас – пока есть дыхание жизни в ноздрях наших.

Так, отверсты двери милосердия Божия – и кто затворит их? Но вход к сим дверям проведен чрез другие двери – двери сердечного болезнования и сокрушения. Надобно прежде пройти сии, чтоб потом войти в те. Возболезнуй и сокрушись, и Господь примет тебя!

Сокрушись – а сердце не сокрушается; возболезнуй – а оно не хочет болезновать. И вот запертый в себе человек окаменением сердца и, не имея сил совладеть с собою, вопиет к милосердому Богу: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Твоя дверь всегда отверста, Господи, но моя – заперта, и нет мне выхода! Моего окамененного сердца дверь отверзи мне сокрушением, чтоб мне выйти к Тебе и войти в двери милосердия Твоего!

Внемлет Господь воплю человека бедствующего и дает ему познать, как надобно действовать на себя, чтоб отворилась дверь сердца его. Вчера пели мы: «Покаяния отверзи ми двери», ныне, в ответ на то, слышим от Господа притчу о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10–14). В следующее воскресенье, в ответ на ту же песнь, услышим притчу о блудном сыне (Лк. 15, 11–32). Далее с тою же целью приведетсЯ нам на память картина Страшного Суда и падение первозданных прародителей наших. Господь говорит как бы нам: «Действуйте по указанию истин, возвещаемых вам сими евангельскими сказаниями, и, может быть, достигнете того, что отверзутся наконец двери

сердца вашего сокрушением». Чает Он, что как молот тяжелый, ударяя о камень, разбивает его и умельчает, так и истины сии, одна другой поразительнейшие, сокрушат, наконец, окаменение сердца нашего, извлекут из него вопли раскаяния и выжмут слезы умиления.

Войдемте же, братие, в намерения Божии и последуем спасительным указаниям Господа милосердного.

Изменяет сердце Господь, но нам и самим надобно подвигать и нудить себя и, по крайней мере, не препятствовать вседействию в нас спасительной благодати Божией.

Нынешняя притча о мытаре и фарисее указывает главное в нас препятствие к сокрушению сердца в чувстве своей праведности и научает нас, прогнав сие чувство, установиться в расположении духа мытарева, чтоб его словом вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!» (Лк. 18, 13). Господь выставляет двух человек и говорит как бы нам: «Вот, смотрите – приходили ко Мне двое: один смело приступил, уверенный в своей праведности, в своих предо Мною заслугах, и не получил оправдания, а другой воззреть на Меня не мог, а только бил себя в перси и просил милости, и Я помиловал его. Идите и вы – творите так же. Сбросьте эту пагубную одежду самооправдания, облекитесь во вретище самоукорения – и будете помилованы».

Самодовольство и самооправдание – это самая пагубная прелесть, в которой враг успевает задерживать очень многих и не совсем худых людей. Прелесть сия ноги подкашивает и останавливает шествие. Кто чувствует себя праведным, тому какая нужда много беспокоиться и искать милости? Цель достигнута – праведен человек, что и трудиться? Остается только посматривать кругом, себя высить, а других унижать. На самом же деле это значит – помыслом разорять то, что достигнуто трудом, и губить себя. Вот почему в отеческих наставлениях непрестанно повторяются уроки смирения и самоуничижения и с особенным напряжением выставляются укоры самомнению и самовозвышению!

Кто хочет разогнать сей туман прелести, пойдемте учиться сему у фарисея. Фарисей, кажется, не считал нужным

скрываться: он откровенно высказал, что у него на душе, и тем обличил сеть врага, которою опутал он его бедную душу и держал ее в самопрельщении. «Не такой, как прочие» (Лк. 18, 11). Первая прелесть! Фарисей был не худого поведения. Посмотрел он на явных грешников и, естественно, счел себя лучше их. Но зачем было ему смотреть на неисправно живущих? Посмотрел бы на живущих хорошо. Увидел бы, конечно, очень много таких, которые гораздо выше его по жизни, и уж не сказал бы этих пагубных слов: «несмь, якоже прочии» (Лк. 18, 11).

Вот и наука нам, братие. У врага всегда та же уловка – и теперь, как и тогда. И теперь, как и тогда, внушает он: «Вон – посмотри, и тот – такой-то, и тот – такой-то, ты же – совсем иное дело!» Послушает бедный человек этой льстивой речи и в самом деле начинает думать, что он хорош, а там – отуманивается самомнением и лишается милости Божией. Но зачем тебе смотреть на живущих нерадиво? Смотри на строгих ревнителей добродетели и благочестия – и просветишься познанием своих недостатков. Или, лучше, не смотри ни на кого из живущих здесь, ибо кто чист? Минуй всех и содержи в мысли только те образцы, которым подражать обязывает тебя слово Божие. «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1Кор.11, 1), – говорит Апостол. «Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин.13, 15), или «будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф.5, 48), – говорит Господь. Вот на кого смотри и с кем сличай жизнь свою! С добродетелями святых Апостолов, с деяниями Господа Спасителя, с совершенствами Отца Небесного. В сей чин вставляя себя, кто осмелится подумать: «Не таков, как прочие»? Не скорее ли, стыдом покрывшись и очи потупя долу, вопль испустит из сердца: «Боже, милостив буди»? Тут то же произойдет, что бывает, когда кто вступит в общество высшего тона, не зная его приемов, или явится в блестящее собрание не в принятой одежде. Так, сопоставление себя с высшими и совершеннейшими бывает самым сильным и действительным врачевством против самомнения.

Далее фарисей говорит: "Пощуся дважды в неделю, десятую часть доходов своих раздаю бедным и на Церковь» (Лк. 18, 12). Вот вторая прелесть! Смотреть только на одни дела правые, скрывая от себя самого грехи свои, и в делах правых смотреть только на внешнюю их сторону, не обращая внимания на внутренние чувства и расположения, с какими они совершаются. Так поступал фарисей и омрачался самомнением. Не делал он правильного осмотра дел своих и не шел в сем деле правильным путем. «Я, – говорит, – то и то добро сделал». Но сколько было случаев, в которых не сделал он добра, которое мог и должен был сделать, и сколько было таких, в которых сделал зло вместо добра, – об этом молчит, покушаясь скрыть то и от себя, и от Бога. «Остановись, фарисей, – сказать бы ему, – припомни-ка и всё зло свое и потом, положив на одну сторону добрецо свое, а на другую всю массу злых дел своих, смотри, что выйдет? И наперед можно угадать, что; если б ты сделал так, не повернулся б у тебя язык сказать: «Я не таков, как прочие люди» (Лк. 18, 11). Если б затем добросовестно обсудил ты, по каким побуждениям делано тобою то малое добро, о котором говоришь, то есть: не по тщеславию ли, не из человекоугодия ли, не затем ли, чтоб вес возыметь и выгод своего положения не потерять, не потому ли, что так сложились обстоятельства, сердце же не лежало к ним – вообще, угождение ли Богу и славу Его имел ты в мысли или себя и свои интересы? Если б обсудил ты с сей стороны свое малое добро, не осталось бы у тебя ничего, кроме опасливого вопля: «Боже, милостив буди мне грешному!» Не сделал этого фарисей и попал в сети самохвальства и за самооправдание покрыт Божиим осуждением.

Итак, хотите ли, братие, избегать опасного самопрельщения, учитесь сему у фарисея по противоположности: не делая того, что он делал, и делая то, чего он не делал. Когда подступит враг и начнет трубить в сердце вашем пред вами, что вы не то, что другие, то и то хорошо делаете, – возьмите вы себя и начинайте водить по всем худым делам своим, толкуя себе: «А это кто сделал? А это кто? А это кто?» Тогда пробудится обличительней голос совести

и заглушит это смутное шептание самовосхваления: «Не такой, как прочие!» Если, несмотря на то, сердце все еще будет надыматься самовозношением, обличите его самого строгим укором, говоря: «Пусть и было сделано какое добро, но ты злыми своими помышлениями все его перепортило и пересквернило то тщеславием, то человекоугодием, то чаянием каких-либо сторонних выгод; если же при совершении каких дел и не было таких чувств, ты теперь сквернишь их и отнимаешь у них все достоинство тем, что надымаешься ими!» Так обличив себя, мы отнимем у себя всякую опору к самооправданию, и нам некуда будет обратиться, как к заступлению единой милости Божией, к которой и начнем нелицемерно вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!»

О, когда бы помог нам Господь войти в сии оправдательные чувства мытаря и установиться в них! Кажется, они так естественны для нас, а между тем не всегда-то и нелегко мы встречаем их в себе. Обучать себя надобно и сему, как и всякому добру. Обучать! И вот какой надо употреблять прием к такому обучению: войдите внутрь себя вниманием. Есть у нас там необманчивое зеркало дел наших – совесть, но зеркало заброшенное, нередко и испачканное. Извлечем его на середину, вычистим и выясним словом Божиим, определительно восстановив в нем написание всех обязательных для нас слов, дел, чувств и помышлений. Установим его потом против своего лица или сознания, так, чтоб сему лицу некуда было укрыться и ничем нельзя было прикрыть себя. Как без света видеть ничего нельзя, осветим свою внутреннюю храмину страхом Божиим, при действии которого все черты лица или сознания нашего, до малейших подробностей, и будут ясно видны в зеркале совести. Когда установимся так внутри, то несомненно войдем в чувство мытаря. Не дела только, но и все помышления злые, исходившие и исходящие из сердца, будут печатлеться на лице сознания, отражаться в совести и привлекать суд действием страха Божия. И как мытарь, стоя издалека, не смел приблизиться страха ради, не смел воззреть на небо стыдения ради от обличений совести и бил себя в перси, будучи недоволен собою и скорбя о своем безобразии, так и у нас

страх будет сменяться стыдом, стыд – обличением и обличение – болезнованием о себе. И некогда будет родиться самомнению и возродить самовозношение и самооправдание. Ибо как деятельность внутри нас не прекращается, сердце же поминутно "кует злая" (Притч. 6, 14), то минуты не будет, когда бы не было в нас побуждения бить себя в перси и взывать: «Боже, милостив буди!» Блаженное состояние, действительно привлекающее милость и оправдание Божие!

Нам обычно слово: «Я грешный, я грешная», – Богу приятное слово! Но позаботимся, чтоб его не язык только произносил, но и сердце чувствовало. Убедим себя, что чувство праведности есть уклонение на путь пагубы, и потом, мало-мало начнет оно показываться, будем гнать его, как самого опасного врага, который подкрадывается, чтоб похитить у нас самое дорогое наше благо – оправдание пред Богом. Чтоб ни в чем не поблажить сему искушению, распорядимся так, чтоб всякому нашему делу и предприятию предшествовало чувство грешности нашей и было бы оно во главе всего. Милостыню ли подаешь, подавай с мыслию: «Недостойн я за нее получить милость Божию». Пост держишь или другую какую строгость налагаешь на себя, такие имей при сем мысли: «Другие этим сумму дел своих достохвальных увеличивают, а мне это епитимия, надо потрудить себя за грехи свои». В церковь идешь или дома совершаешь молитвословие, говори себе: «Потружу себя, быть может, сжалится Господь и простит мне грехи мои». И особенно в деле молитвы, умом и сердцем к Богу обращаясь, не зрите себя иначе, как самыми неисправными и паче всех милости Божией требующими, подобно святому Пимену, который говаривал: «Я на себя так смотрю, как на человека, который по шею погряз в тине и только уста имеет вопиять: «Боже, помилуй мя!»

Так устроясь, благодатию Божиею избежим мы прелести самомнения и устраним главное препятствие к отвержению двери сокрушения сердечного, коею исшедши, конечно, сретим и двери милосердия Божия! Аминь.

9 февраля 1864 года

В неделю мытаря и фарисея (убеждение усовестить душу возыметь стыд и омерзение ко греху и греховному состоянию своему)

Мытаря и фарисея представляет ныне очам нашим Святая Церковь (Лк. 18, 10–14). И кто не возжелал бы сподобиться блаженной участи первого и избежать горького осуждения второго? Грешны мы и, может быть, грехолюбивы: но есть ли кто, который хотел бы и погибнуть во грехах своих? Приидите же, поучимся у мытаря, как, несмотря на грехи, избежать участи осужденных и привлечь милостивое оправдательное слово Господа.

Мытарь не смеет «очей возвесть на небо»: ему стыдно, срам покрывает лицо души его. Мытарь бьет в «перси свои»: он сознает себя достойным всякого наказания за злое произволение сердца своего. Но он не бежит от Бога и не отчаивается в спасении своем, а к Тому же, Кого оскорбил и Кто готов праведно наказать его, к Тому Самому благонадежно обращаясь, взывает: «Боже, милостив буди мне грешному!» (Лк. 18, 13).

Устыдим же себя, восприяв в чувство срамоту и унижение греха; осудим себя, дав всю силу гласу совести, или нелицемерной правды Божией, чрез нее вещающей; но притом, вслед за мытарем, поспешим и в своей душе образовать тот же вопль: «Боже, милостив буди нам грешным!»

Все же сие от тебя самой зависит, грешная душа. Сама ты, а не другой кто, должна все сие воспроизвести в себе и восчувствовать. Мытарь бил в перси свои, но он еще прежде сего помышлениями ума избил душу свою и изранил сердце свое. Войди же в себя, собери спасительные помышления и ими попекись сокрушить ожестовшее сердце свое. Вознесись горе; ниспустись в преисподняя; осмотри себя и окрест себя и всюду ищи стрел на поражение, бичей – на уязвление, молотов – на умягчение окамененного сердца своего.

Помяни милости Божии к тебе – и устыди себя. Помяни правосудие Его – и устраши себя. Помяни близость конца – и

поспеши умиловить нераскаянного Решителя участи своей. Саму себя веревкою самовластия твоего привлеки к себе и, хоть по чувству самосохранения, извлеки из себя сии спасительные внушения и ими себя проникни.

Говори себе: «Ущедрил тебя Господь в творении, Промышлении, паче же – в Искуплении, банею пакибытия (Крещением) обновил тебя, питал тебя Плотию и Кровию Своею и едино с Ним чрез всю вечность быть обетовал тебе; сколько раз, падшую – восставлял, нечистую – очищал, больную духом – врачевал; сколько раз давал тебе ощущать близость Свою и объятия любви Своей; сколько раз давал вкушать сладость пребывания в воле Его и в исполнении святых заповедей Его! Все это презрено тобою; ни во что все попечения о тебе; назад заброшены все милости к тебе.

Бог держит тебя в деснице Своей, Он "близ" есть (Пс. 118, 151) и видит все движения сердца твоего. Это пред лицом Его ты позволяла себе сочетаваться с лукавыми помышлениями, противными Ему. Это пред лицом Его ты разгоралась страстями, кои суть мерзость Ему. Это пред лицом Его ты делом совершала зачатый внутри грех, оскорбляющий Его.

Ты знала, что это – зло, и не уклонилась. Могла не хотеть, и похотела. Могла, похотевши, не делать, и сделала. Никто не неволил тебя. Злое произведение твое царило в тебе и по злым путям влачило тебя.

Грех манит к себе сладостию, а потом мучит тлетворною горечью. И вот свет ума померк в тебе, змии страстей грызут тебя и туга крайнего недовольства томит тебя. Ты похожа на иссохшую ветвь, на разбитый сосуд, на птицу с выщипанными перьями. И это еще не конец. Помни, что хворосту сухому конец – пожжение, в коем горят и не сгорают».

Сии и подобные помышления внедряй в душу свою, грешник, и усовести ее возыметь стыд и омерзение ко греху и греховному состоянию своему, восчувствовать досаду на злой произвол свой и опасение за вечную участь Свою. Это произведи, а дальше найди, и не оступись в пропасть нечаяния и отчаяния. От Бога же не беги, ибо куда бежать от Него?! Он держит тебя в узах бытия, и ничтожество не поглотит тебя, хотя

б ты и хотел того. К Нему убо прибегни и в лоно милосердия Его пасть устремись. Ты живёшь еще на земле, Живодавец длит твою здешнюю жизнь, чтоб длением милости привлечь тебя к Себе. Он дает тебе еще жить, ожидая, что ты наконец бросишь грех и обратишься к Нему. Ты – смоковница, еще на год оставленная в вертограде живущих на земле (Лк. 13, 6–9). Умудрись же воспользоваться даром сим.

У евреев были грады убежища (Чис. 35, 6). Укрывавшиеся в них избегали ударов мщения (Втор. 4, 42). Для грешника град убежища – покаяние. Сюда прибегни и укройся от меча правды Божией. Сам Бог, готовый карать, указывает тебе сие убежище и зовет в него. От потопа одна была отверстая дверь спасения – дверь ковчега. Одна дверь спасения и от потопа греха – дверь покаяния. Слышишь – поют: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Иди! Отверсты, и рука изнутри простерта к принятию тебя. Смотри – все вошли! Вон исповедавшийся разбойник приближается и получает в наследие рай; приходит обремененная грехами блудница и слезами уничтожает рукописание; Закхей кается пред Господом – и оправдывается; Петр плачет – и приемлется; а Давид давно там. И весь дом наполнен грешниками – оправданными. Сам Домовладыка дружелюбно вводит всех кающихся и их, отчуждавшихся от Него, чрез покаяние соделывает Своими присными.

Воодушевься же! Подойди и ты и, став подле мытаря, его гласом воззови: «Боже, милостив буди и мне грешному!»

И будешь несомненно помилован и спасен, если доведешь себя до того, чтоб из сердца твоего искренно исторгся такой покаянный вопль. Оправдавший мытаря и тебя оправдает, когда взойдешь в подобонастроение ему. Сказавший: «Когда, вздохнув, воззовеши, тогда спасеши», – спасет и тебя, если и ты так же сильно вздохнешь и воззовешь. Призывающий к Себе всех труждающихся и обремененных, чтоб упокоить их (Мф. 11, 28), упокоит и тебя, когда, восчувствовав бремя грехов, к Нему прибегнешь, ища покоя от угрызений совести.

Такого мытарева благонастроения и такой, ради него, свыше даруемой милости оправданий да сподобит Господь и всех нас, грешных! Аминь.

24 января 1865 года

Часть 2. В неделю блудного сына

В неделю блудного сына (Церковь хочет возвесть нас до воодушевленной решимости, оставляя грех, идти путем правым к Отцу Небесному)

В прошедшее воскресенье учила нас Святая Церковь смиренным чувствам раскаяния, коими привлекается милость Божия; ныне хочет она возвесть нас до воодушевленной решимости, оставя грех, идти путем правым к Отцу Небесному. Для того в притче о блудном сыне (Лк. 15, 11–32), с одной стороны, изображает горестное состояние грешника в отпадении от Бога, с другой – отраду и покой, в какие кающийся приемлется Небесным Отцом. Пойдемте вслед сего грешника за его падением и восстанием. Редкий из нас, здесь присущих, не найдет в нем своей истории, в каких бы то ни было чертах – светлых или мрачных.

Возвратитесь мыслию к тому времени, когда в прошлый год мы поговели, исповедались и причастились Святых Христовых Тайн. В каком блаженном состоянии была тогда душа наша! Как светло все виделось ей: и в себе, и вокруг себя, и над собою, и в дали прошедшего, и в глубине будущего! Какая тишина царствовала в области сердца! Какой пошел порядок в жизни, какая степенность в замыслах и крепость в исполнении добрых преднамерений! Какая готовность искать Единого Бога и ходить неуклонно путем заповедей Божиих! Нам казалось, что никого нет блаженнее нас, и мы говорили себе: «Никогда уже не изменим теперь начатой исправной жизни, чтоб никогда не потерять сей отрады и всегда принадлежать Небесному Отцу, прикосновение попечительной десницы Коего так сильно ощущало тогда сердце наше».

Как действительно блаженны те, кои самым делом устояли, хотя не в полной мере, в этих благих расположениях своих и обещаниях совестных! Но все ли таковы? Не большая ли часть из нас повторила историю блудного? Припомните!.. Вот прошел вразумительный и остепеняющий пост и настали светлые праздники; за ними подошло цветущее и улыбающееся время года. Мы позволили себе небольшую льготу, как бы какое право

отдыха, по выдержании подвига строгой жизни, какую проводили мы дотоле. Чтоб совсем предаться утехам, нам и в голову не приходило. В первый раз мы хотели только однажды прогуляться, не помышляя о дальнейшем. Но это первое развлечение оставило заметный след в душе и довольно расшатало установившийся было благочестивый порядок. Ревность о строгой жизни ослабела и мысль часто отбегала на вкусенное невинное удовольствие. Иное из положенных благочестивых занятий опущено, хотя не без заметки, но и без должного сокрушения. Вот представился случай, и у нас – опять развлечения и утехы. Тут мы утешались уже смелее; и если благие мысли приходили остепенять нас, мы отвергали их с дерзостью как безвременные. Плодом сего были мрак и смятение. Мы чувствовали, как тяжело и стеснительно принятое нами правило благочестивой жизни; и нам часто впадало на мысль, не бросить ли; придет-де благоприятное время, опять начнем работать Богу, а теперь можно послабить. И пошло послабление за послаблением! Между тем привычная страсть подняла голову и начала свои беседы с сердцем. Как знакомые, скоро опять сладили! Помыслам страстным не было уже поперечения. Попускались соуслаждения и предметами, и делами страсти. Соуслаждения колебали волю. Частые повторения этого внутри родили склонение на прежнее; произошло сосложение с грехом – и внутреннее падение совершилось! Представился случай – и падение совершено уже и делом. Далее падение за падением – и все, внутри и вне, пришло в прежнее греховное настроение. Нравственное расстройство было полное; и мы стали похожи на блудного сына, когда он, все промотав в удалении от отца, пас свиней и питался их пищею. Сличи, подвергшийся сему несчастию, то, что теперь есть в тебе, с тем, что было, поскорби и поплачь! Как было все светло, а теперь – мрак вокруг: все чистые понятия и спасительные истины Божии будто покрадены и на мысль не приходят, а пришедши, кажутся очень невнятными. Как отрадно было нам присутствовать в церкви, а теперь холодом веет от всего церковного; тогда идти не хотелось от священнодействий, а теперь мы бегом бежим от них. Внешнее наше состояние не

изменилось, может быть; но внутри тоска и туга точат сердце. И никакие уже утхи и наслаждения не могут утолить этого безотрадного внутри томления! Все сие ведает падший и испытывает делом, и, может быть, ведает и испытывает более того, что может сказать описательное слово стороннего наблюдателя. Но, бедная душа! Ужели же невовратно предашь ты себя в руки падения своего? И, поревновав падению блудного, не поревнуешь подражать ему и в восстании?

Приди в себя! Смотри, какое там запустение, какие оскудение во всем и расстройство! Это ли красота, какую украшена ты в творении и какою украшал уже тебя Господь – Искупитель твой? Тебе ли, образ Бога носящей, так пресмыкаться долу и валяться в нечистотах? Воскреси в мысли достоинство свое и поревнуй восстановить его!

Не смотри на то, что внешние твои соотношения исправны. Не это дорого, а дороги твои вечные отношения к Богу и святым Его. А они каковы?! Мысль о Боге страхом поражает, но не страхом сына, а страхом преступника. Так ли сему подобает быть у нас, чад Божиих?! Поставь себя в сонм Ангелов и святых. Устоишь ли среди них? Конечно нет. Но так ли сему подобает быть у нас с тобою, призванных быть сожителями святых и присными Богу? Что же? Так и останешься и не поревнуешь упорядочить эти расстроившиеся отношения?! Поспеши же – или погибнешь!

Ныне-завтра смерть. С закрытием глаз закроются для нас двери милосердия Божия, если не попечемся войти в них прежде того. А тогда что? О! Той беды и слово выразить не сильно! Не отлагай же! Вот подходит благоприятное время святого поста. Отселе еще положи намерение воспользоваться им во спасение и готовиться к тому. Всячески сам себя шевели и раздражай уснувшую ревность о спасении всеми способами, какие оставлены твоей свободе всеустрояющею благодатию Божиею.

А Господь "близ" (Пс. 118, 151)! Он ждет только, чтоб ты сказал: «Восстав, иду!» (Лк. 15, 18). И прежде чем приблизишься ты к Нему, Он сретит тебя и заключит в Отческие объятия любви Своей. Смотри, сколько уже обитает в доме Его рабов,

служащих Ему! И между ними сколько таких, кои падали падением, подобным твоему! Смотри: вот Магдалина, вот Закхей, вот Мария Египетская, вот Пелагея и прочие, коим числа нет. Не отчайся же и ты, но и не медли. Беззаконий твоих не помянет Господь и за радость возвращения твоего, которое обрадует все Небо, возвратит тебе все потерянное тобою.

Все сие сам знаешь. Испытал уже сладость восстания, его удобства и утешительные плоды. Возымел ты несчастье снова пасть; поспеши же осчастливить себя новым восстанием. Сколько бы ни падал кто, Господь любовно примет его, когда восстанет. Но если он бросит себя и с услаждением обречет себя на то, чтоб валяться в тине греховной, бросит и его Господь; и кто весть, вспоманет ли о нем когда?! Возбуди же сию память Божию о тебе своею заботою о восстании, и Он приидет и Сам восставит тебя; подаст тебе всемогущую руку Свою и извлечет из глубины, в которой погрязает ты. Не отложи воспользоваться остающею еще для тебя мерою долготерпения Божия и все употреби, чтоб воодушевить себя на труд восстания. Собери вокруг сердца все возбудительные истины, – и с неба, и с земли, и от настоящего, и от будущего, – чтоб взойти наконец до решимости сказать: «Восстав, иду!» И затем встань и иди! Иди к Отцу Небесному, Который ждет тебя, и не только ждет, но и ищет, и всеми мерами печется об обращении твоём, изъявляя готовность быть благопоспешником тебе в сем трудном и решительном для тебя деле.

Сего пожелаем мы ныне взаимно друг другу, в большом ли или в малом кто находится падении, пожелаем и понудим друг друга, чтобы не поодиночке, а всем вместе возвратиться к Отцу и стать едино с Ним, и всем Домом Его, и всем Царством спасаемых убоженных и имеющих быть убоженными вовеки. Аминь.

19 февраля 1861 года

В неделю блудного сына (что значит пробудиться от сна греховного)

Притча о блудном сыне (Лк. 15, 11–32), которую вы ныне слышали в Евангелии, есть, может быть, живая история не одного из нас, здесь присутствующих. Припомните прошедший пост! Как остепенились мы, как говеть начали, как каялись, получили разрешение и приобщились Святых Христовых Тайн. Ради нашего покаяния и обещания жить исправно Отец Небесный отдал нам присужденную Его благодатью часть благодатного достояния нашего. Хорошо было нам в тихом и светлом доме Отца! Но вот настала весна, и начались развлечения и увеселения. Внимание рассеялось, и ревность духа гасла и гасла. Затем следовало падение, сначала, может быть, внезапное; за ним второе, третье и так далее. Душа ожестела; понятия омрачились; чувства и желания огрубели. И к настоящему времени мало ли таких, кои совсем походят на блудного сына, оскудевшего и гибнущего от голода?

Но, если подражали мы блудному сыну в падении, поревнуем подражать ему и в восстании. Расточили мы, подобно ему, свое благодатное достояние; поспешим теперь, подобно ему же, снова возвратиться в объятия Отца Небесного, всегда простертые к принятию нас. На то назначен подходящий пост. Притча же о блудном читается ныне затем, чтоб заблаговременно напомнить нам дело поста и предрасположить к построению в уме нашем всего пути восхождения к Господу, от Которого удалились.

Будем же учиться сему у блудного сына. Чем началось обратное шествие блудного к отцу? Тем, что он в себя пришел. Это и для всех – первый шаг в движении от греха к Богу; можно сказать, еще и не шаг, а только начало шествия, точка отправления. Грех погружает душу в сон самозабвения, нечувствия и беспечности. И глубоко спит грешник! Но как спящего надо разбудить, чтоб он встал и пошел, так и грешнику надо быть возбуждену от усыпления греховного, чтоб, пробудившись, увидел он опасность своего положения и взошел

до решимости встать и идти ко Господу. Для сей-то цели возбудительные гласы слышатся отовсюду окрест нас. И совесть, и слово Божие, и слово отеческое, и чин Святой Церкви, и чин создания Божия, и обстоятельства счастливые, и обстоятельства несчастные – все будит, все говорит грешнику усыпленному: «Восстани, спяй! Восстани ...и освятит тя Христос» (Еф. 5, 14). Что будет говорить нам пост, что великопостное пение и чтение, что самый благовест тогдашний, как не то же слово: «Восстани, спяй, и воскресни от мертвых» (Еф. 5, 14).

Возбуждает собственно Дух Божий, проникая до духа человеческого. Но нам надобно и самим себя тревожить и понуждать, ибо без нас и Дух Божий ничего не произведет в нас. Молись и проси Господа о возбуждении, но и сам не сиди, опустя голову и сложа руки; сам раздражай в себе дух заботы о спасении своем и о славе Божией. Действуй противоположно тому, что сделал с тобою грех. Как туман густой, оседши, скрывает от взоров наших все предметы, так грех кров за покровом налагает на очи ума нашего и скрывает от него все предметы, которые непрестанно видеть он должен и в видении их ходить.

Дух наш создан для Бога и Божественного порядка вещей, в созерцании коего должен пребывать и в нем, как в атмосфере какой, ходить и действовать.

Бог, в Троице поклоняемый, мир сотворивший и о нем промысляющий, спасает нас в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа, во Святой Своей Церкви, веры ради и жизни по вере, очищая нас в сей жизни, чтоб за малый здешний труд в другой жизни вечным покоем успокоить нас.

Вот Божественный порядок! В сем-то Божественном порядке неисходно должен пребывать вниманием дух наш, чтоб жить и действовать сообразно с ним. Но грех, пришедши, все то исторгает из внимания и увлекает его в порядок вещей совершенно противоположный, в котором Бог забыт, забыто благодатное Домостроительство, забыты смерть, Будущая Жизнь и праведное воздаяние. Видятся только подлежащие блага и жизнь чувственная, не чающая конца себе. Вот в этот-то

туман нисходит луч благодати Божией, чтоб возбудить грешника, стряхнуть ослепление с очей его и, как бы за руку взявши, извлечь на свет сознания порядка Божия. Но ты, ведущий сей порядок, возмись и сам тут же действовать. Собери внимание свое и проходи сей порядок – весь, от начала до конца. Помяни, как Бог, все словом сотворив, тебя отличил от всех тварей и образом Своим почтил; как ты пал и Бога прогневал и как наказан изгнанием из рая; как Бог, сжалясь над тобою, обещал послать Спасителя; как пришел Господь и Спаситель и спас тебя крестною смертью Своею; как благодать Святого Духа даровал и прочее; как все сие ты пограл беспечно-беззаконною жизнью; как со дня на день ожидает тебя смерть и по смерти суд и воздаяние по делам твоим злым. Пройди весь сей порядок умом твоим, или не однажды пройди, а только и делай, что проходи, сколько сил и времени достанет. Когда будешь так делать с усердием, может быть, засеменится в сердце твоём опасение за себя, а там и забота о спасении своём. Это же чувство, родившись, приведет в напряжение ослабшие от нерадения духовные силы твои и родит не помышления только, но и желание перестать наконец валяться во грехе и обратиться ко Господу.

Вот это и есть прийти в себя, или пробудиться от сна греховного: войти вниманием, сознанием и чувством в Божественный порядок и чрез то восчувствовать опасность своего пребывания во грехе, возыметь заботу выйти из него.

Юноша развратившийся что говорил, пришедши в себя? «Колико наемник отца моего иждивают хлебы, аз же голодом гиблю!» (Лк.15, 17). Это то же, что: «Как хорошо у отца моего и как худо мне, отбежавшему от отца! Как светел, утешителен и блажен Божественный порядок и жизнь в нём, мне определенная; и как худо мне, живущему во грехе, самовольно ишедшему из того порядка и отчуждавшемуся от него! Какая же нужда мне самому на себя наветовать и Себя губить? Восстав, иду? Брошу грех и начну жить по Богу!»

«Восстав, иду» (Лк. 15, 18) – это второй шаг в шестви от греха к Богу! В первом грешник приходит только к помышлению и желанию оставить грех, а здесь самым делом решается

оставить его. Там только пробудился он от греховного сна, а здесь встает и хочет идти. Кого пробудили, тот может опять заснуть, не встававши. Иного разбудят, а он тотчас опять заснет; опять разбудят, а он опять заснет. Иной пробудится и знает, что надобно встать, но так лежит – не спит и не встает. Все это в разных видах повторяется и в духовной жизни. Пробудится грешник и опять предается сну беспечности, опять пробудится и опять засыпает. Иной чувствует и понуждение оставить грех, но все еще остается в грехе, как бы смелости не имея оторваться от него. Вот почему и после того, как увидена и восчувствована необходимость исправиться и переменить жизнь, не должно думать, что уже все сделано. Нет! Надобно еще возбудить в себе напряженную решимость тотчас же расстаться с грехом и всем порядком греховной жизни и начать жить по всем признанным условиям богоугодной жизни. И это есть главное дело в обращении к Богу, или это то и есть само обращение. Тут совершается перелом воли, после которого она уже не хочет греха, гнушается им, отвращается от него и, напротив, напрягается любить и делать одно добро, Богу угодное.

Как совершается сей перелом, трудно определить. Он происходит во святилище духа нашего, сокровенно и потаенно, как сокровенны все зародыши жизни. И тут, как и в первом шаге, все совершает благодать, но опять не без нас. Как и что творит благодать? Ее премудрые устройства кто исследит? А что нам надобно делать, то определим в коротких словах.

Пришла мысль о спасении, восчувствовал ты опасность пребывания во грехе, возымел намерение исправиться – смотри, не пропусти сих движений души твоей без внимания! Это есть дар благодати – не презри и не отвергни его. Что внушается тебе сделать, не отлагай того до завтра. Сейчас же войди в себя и начни заботливо рассчитывать и соображать все, что надлежит тебе посему сделать с собою и для себя. Затем начни ходить в том чине, в котором внедряется и возгревается победительная благодать: храни пост, ходи в церковь, твори милостыню, прекрати на время житейские дела и заботы, уединись, читай, если можешь, и размышляй, а главное, молись

– молись умом твоим и сердцем и припадай ко Господу, болезненно взывая о помощи одолеть себя. Если будешь делать сие со всею искренностью, добросовестностью и терпением, призрит наконец Господь на искание твое, осенит тебя благодатию Своею, умягчит сердце твое и подаст силы переломить упорство воли твоей. Есть много уз, кои не дают душе восстать и идти ко Господу. Кроме порочных страстей и склонностей, порядок внешней, сложившейся под влиянием греха жизни, привычки, взаимные отношения, страх за жизнь и благосостояние составляют крепкостенную темницу, в которой томится грешная душа! Но все это растаивает от огня благодати Божией. В минуту сию человек все приносит в жертву Богу и на все готов – до положения живота, только бы Бог простил и принял его к Себе, хотя бы последним из всех, работающих в Дому Его. Что говорил блудный, то говорит и всякий, с решимостью обращающийся к Богу: «Восстав, иду... и реку Отцу моему: Отче! Согреших на Небо и пред Тобою, и уже несмы достоин нарещися сын Твой, сотвори мя, яко единого от наемник Твоих!» (Лк. 15, 18–19).

Момент решимости есть главный момент обращения. Что после того следует, уже есть исполнение того, что во время его полагает сделать человек. Если б не дошел до сей решимости юноша, не пошел бы к отцу, а не пошедши, горевал бы только о своей скудости и голодании и, пожалуй, помирясь с своим горьким положением, навсегда остался бы в нем. Но вот помог ему Господь: встал он и пошел к отцу, сказал ему, что задумал сказать, и был милостиво встречен, прощен, одет, обут, насыщен, принят опять в сыновство. И была радость великая во всем доме!

Таков конец решимости блудного возвратиться к отцу. В обращении грешника все, означаемое сим, исполняется тогда, когда он, решившись исправиться, исповедует грехи свои и получив разрешение от духовного отца и прощение от Господа, причащается Святых, Пречистых и Животворящих Христовых Тайн, во оставление грехов и в Жизнь Вечную. И это есть следствие решимости грешника идти ко Господу, но не есть придаток к делу обращения, а есть необходимое его

завершение, есть запечатление того, что образовалось в сердце в минуты решимости. Напоминаю о сем ради того, не подумал бы кто ограничиться одним внутренним обращением Богу, устранившись от Божественных Таинств. Обращение такое будет ненадежно и не поведет ни к чему доброму. Если кузнец, сделав нож, как следует не закалит его, нож этот остается мягким и ни к чему не гожим. Точно так и человек, решившийся оставить грех и начать работать Господу, если не примет Исповеди и Святого Причастия, не имеет силы и мужества ни на какое добро: бывает вял, пропускает случаи к добру и всегда почти уступает препятствиям. А это значит то же почти, что оставаться в том же положении, как прежде, или остановиться на полдороге. Кто решился, тот встал. Но как, вставши, одеваются и приготавливают себя к делам своим, так решившемуся надобно облечься и вооружиться благодатию Исповеди и Святого Причастия, чтоб с силою, в должном вооружении, выйти на дела богоугождения и спасения. Когда проходит ночь и настанет день, исходит «человек на дело свое и на делание свое до вечера» (Пс.103, 23), так, когда проходит ночь греха и воссиявает в душе день благодати о Христе Иисусе, обласканный исходит на дело свое и работает до вечера жизни своей Господу, поспешествующу и благие начинания его утверждающу Своим благоволением и благословением.

Таков, братие, путь обращения от греха к Богу и богоугождению! "Восстани" же, кто есть "спяй", и «воскресни от мертвых, и освятит тя Христос» (Еф. 5, 14)! Если затрудняешься теперь, заготовься, по крайней мере, к посту, когда Апостол обратит к тебе слово: «Се, ныне время благоприятно! Се, ныне день спасения!» (2Кор.6, 2). Аминь.

16 февраля 1864 года

В неделю блудного сына (о покушениях и уловках врага, ищущего поглотить всякого ревнителя добра и чистоты)

Обратив внимание на начало истории блудного (Лк. 15, 11–32), с изумлением видишь, какую малостию началось ниспадение юного, неопытного сына и в какой ров пагубы низвело. Первое желание обставлено такою благовидностью, что ничего худого и пагубного, кажется, от него и ожидать было нельзя. И отец будто не видел беды; верно, и сын не предполагал кончить так, как кончилось. Хорошо, что наконец благодать Божия взыскала погибшего. А то, пробедствовав здесь в горькой доле, и на тот свет перешел бы он не на радость, а на понесение праведного воздаяния за жизнь, худо проведенную и не исправленную покаянием.

Вот так-то совершается и всякое грехопадение и всякого человека ниспадение из доброго состояния в состояние худое, смятенное, страстное. Начинается всегда с малости, и малости благовидной: враг знает, что грех в настоящем своем виде отвратителен, потому прямо и не влечет в него, а начинает издали, всегда почти прикрывая первые свои приращения (нападения) видом добра. Потом уже, мало-помалу, всевает нечистоту помышлений и жар желаний, колебля крепость противящейся ему воли и расслабляя опоры ее, пока не образует скрытного в сердце склонения на грех, после которого уже только случай – и грех делом готов. А там грех за грехом и повторение горькой участи блудного в падении!

Сие содержа в мысли, конечно, каждый из нас сам собою наложит на себя обязанность строго исполнять заповедь Апостола: «трезвитесь и бодрствуйте» (1Пет.5, 8)! Смотрите в себя и окрест себя и замечайте обходы и покушения врага, ищущего поглотить всякого ревнителя добра и чистоты. Первая уловка врага есть возмущение помыслов. Обычно он вначале всевает один только помысл, так, однако ж, чтоб он коснулся сердца и засел в нем. Как только успеет он в этом, тотчас около сего ничтожного, будто и не всегда худого, помысла собирает

целый облак побочных помыслов и затуманивает, таким образом, чистую дотоле и светлую атмосферу души. Этим приготовляет себе враг место и пространство для действия и скоро начинает действовать в сем тумане, уязвляя душу страстными приражениями, которые рану за раную оставляют в душе. Эти раночки потом со всех сторон облегают душу и сливаются, наконец, в один болезненный струп страстного греховного настроения. Тут то же бывает, как если б кто во тьме тонким острием иглы получал уязвления на теле, одно, другое, третье и так далее по всему телу. Каждое уязвление причиняет боль и оставляет язву, из которой образуется нагноение и струп, а там, струп за струпом, и все тело станет как одна язва и один струп. Так замечайте: в добром состоянии мысли не мнутся, и тут врагу действовать нельзя, затем первое у него дело – возмутить помыслы. Возмущает же он их посредством одного, которого избирает коноводом, судя по характеру и занятиям человека. Как только успеет он засадить такой помысл в сердце, тотчас поднимается буря помышлений, внутренний мир и тишина исчезают. Тут-то подседает враг к сердцу и начинает понемногу возбуждать в нем страстные движения. Это уже второй шаг! Вот и смотри! Заметишь это – остановись, не иди дальше, ибо что дальше – уже очень худо. Смятение помышлений, может быть, и не успеешь заметить, потому что мы бываем поневоле многим заняты; но движение страсти – как не заметить, особенно когда еще цело намерение не поддаваться ей. Если и это для кого затруднительно, укажу более осязательный признак. Замечай: коль скоро, вследствие увлечения одним помыслом, а потом смятения многими, произойдет охлаждение сердца, знай, что в сердце пошли уже уязвления и струпы, хотя они не совсем еще заметны. Охлаждение сердца к богоугождению есть большая половина пути к падению, а иные говорят, что оно есть верное падение.

После сего сами видите, в чем с нашей стороны дело: не допускай первого увлекательного помысла до сердца и не сочетавайся с ним. Отвергнешь первый помысл – разоришь все козни врага и пресечешь ему всякую возможность действовать на тебя и искушать тебя. Отсюда вот какой закон спасения:

пришел искусительный помысл – прогони его; опять пришел – опять прогони; пришел другой и третий – и эти гони. Так всякий искусительный помысл гони и отвергай с гневом и досадою на него. И будешь совершенно свободен от падений. Враг все будет искушать, будет злиться на тебя, но, если не перестанешь так действовать, ничего он не сделает тебе. Напротив, если поддаешься первому влечению его, уж он сумеет свернуть тебе голову. Праматерь наша, если б сразу отогнала змия-искусителя, не пала бы. А то – завела с ним речь... дальше и дальше... запуталась в сети врага и пала. Таково же и всякое падение!

Рассказывают об одном великом подвижнике из древних. Жил он в пустыне, один, и до такого дошел совершенства, что Ангел в пищу ему приносил каждый вечер по одному белому хлебу. Враг всеял ему помысл, будто он так уже совершенен, что ему нечего бояться падений и потому слишком строго смотреть за собою. Не поостерегся старец и позволил своему сердцу сочетаться с сим помыслом. Но как только сочетался, начали волноваться его помыслы, начали лезть в голову разные воспоминания лиц, вещей и дел людских; на первый день не так много, потому что он еще отгонял их, – достаточно, однако ж, для того, чтоб омрачить душу его. Отчего, став вечером на молитву, он совершил ее уже не с таким миром и не с таким устремлением сердца к Богу, как прежде. Хоть за это хлеб на трапезе своей нашел он уже не белый, а черный и черствый, и был поражен тем, вкусил, однако ж, не доискиваясь причины, и в обычное время лег спать. Тут-то враг налег на него всею тяжестью своего мрака. Шум от мыслей в голове был, как шум от колес мельничных, и движения в теле были, какие и не помнит он, когда случались. И вставал, и ходил, и сидел – ничего не помогало. Так промаялся целую ночь. На другой день душа как разбитая; молитвенное правило совершено неохотно и без усердия; к богомыслию не было расположения; Небо и Небесное закрылись в сознании; мирские же помыслы неотвязно теснились в голове и вызывали разные движения и сочувствия сердца. Старец сам не понимал, что с ним делалось, и оставался все в том же положении до вечера. Зато

вечером нашел он на столе уже не хлеб, а иссохшие куски черного хлеба. Ужаснулся, вздохнул, но таким же смущенным лег в постель. Ночь сия была еще мрачнее первой и день потом – еще смятеннее и расстроеннее. Правило молитвенное совершалось кое-как, без всякого внимания; мысли были заняты совсем не тем, что читал язык. На трапезе нашел он уже только крохи, перемешанные с сором и пылью. Затем ночь – еще ужаснее и смятеннее первых. Кончилось тем, что старец оставил пустыню и устремился в мир.

Видите, какую малостью началось и до чего дошло! Господь не допустил сего старца до конечного падения и устроил ему вразумление, раскаяние и возвращение на прежнее место, как и возвращение блудного сына к отцу. Но этим себя никто из падающих не обнадеживает, а на одно смотри, как зачинались их падения, и сие зачало предотвратить поспекись. Их, как и многих других, возвратил Господь опять на добрый путь, а тебя, может быть, предаст в руки падения твоего, не по гневу, а по невозможности пособить тебе, потому что крепко разобьешься. А это ведь – увы и горе, каких не дай Господи испытать никому.

Все сие я веду к тому, чтоб внушить вам, что с греховными помыслами, могущими привести ко греху, как бы ни были они на первый раз незначительны, лучше не иметь никакого соглашения, а сразу отражать их и прогонять; и если уже мало-мало успели они опутать, поспешить разорвать союз с ними без жаления. Уж куда нам пускаться в это море. Праматерь чистая была, а враг тотчас сбил ее с пути; и старец какой был совершенный, а враг в три дня совсем разбил его. Отчего это? Оттого, что не поостереглись на первом шагу. Прогони они врага в первом его приражении, ничего бы не было из того, что они испытали. Так всегда было и будет. Так и между нами бывает. Не увлекайся благовидностями и не слушай врага. Заповеди знаешь? Их и держись и ими измеряй шаги свои, все же другое прочь гони, и безопасен будешь от падений. Кто «призывает» на заповеди, «не постыдится» (Пс.118, 6). И "юнейший" исправляет "путь свой", когда хранит их (Пс.118, 9). Кто "в сердце" своем скроет "слова" заповедей, тот не согрешит (Пс.118, 11). Пусть "князи" тьмы замышляют ему пагубу, он не боится, ибо

погрузился во "свидения" (заповеди) и «оправдания» Божии (Пс.118, 23–24). Кто заповеди взыщет, тот ходит "в широте" (Пс.118, 45): не запутаешь его. Пусть искушения приражаются, но он вспомнит о «свидениях» и возвратит ноги свои на "пути" правые (Пс.118, 59). Он готов встретить их и не смущается, ибо навек хранить заповеди (Пс.118, 60). "Узы" грешных помышлений легко разрывает он, потому что никогда не забывает Закона Божия (Пс.118, 61). Нападки "гордых" врагов умножаются, он же «всем сердцем» лежит только к заповедям Божиим (Пс.118, 69). Иногда и сердце его «усыряется» как "млеко", но он отрезвляет его поучением в Законе Господни (Пс.118, 70). Враги поджидают, как бы погубить его, а он «заповедию» умудряется перехитрить их (Пс. 118, 95, 98). Пусть много «стужающих» ему, но как он «неправду возненавидел... закон же... возлюбил», то "мир мног" осеняет его и нет "соблазна" ему (Пс.118, 157, 163, 165).

Так, в начале предложил я вам слово Апостола: «трезвитесь и бодрствуйте» (1Пет. 5, 8). Теперь же, в конце, если кто спросит: «Как же быть, когда смущает враг?», прибавлю: «свительник ногам... и свет стезям» вашим (Пс.118, 105) да будет Закон Божий, и никакие смущения не повредят вам. Аминь.

31 января 1865 года

Часть 3. В неделю мясопустную

В неделю мясопустную (нарисуем в уме нашем картину Суда Страшного и будем носить ее непрестанно)

Ныне Святая Церковь напоминает нам о Страшном Суде. Уже посылала она нас учиться у мытаря смиренному вопию: «Боже, милостив буди мне грешному!» (Лк. 18, 13). Уже внушала она нам не предаваться падению, а, вслед блудного сына, восстав, идти к милосердому Отцу и умолять Его – нас, недостойных именоваться сынами Его, принять хоть как наемников (Лк. 15, 18–19). Но еще боится она, как бы кто по невниманию не пропустил тех уроков и по ожесточению сердца не остался коснеть в грехах. Потому ныне, живописуя картину Страшного Суда, она еще громче говорит: «Покайтесь». Если не покаетесь, все погибнете. Вот, Бог установил день, имеющий прийти, как «тать в нощи» (2Пет. 3, 10), когда приведет Он «во свет... тайная тьмы», откроет «советы сердечные» (1Кор. 4, 5) и воздаст каждому по делам его. Грешникам тогда не будет никакой пощады. Внидут в радость Господа только одни праведные и те, кои, подвергшись несчастью впасть в грехи, принесли потом искреннее покаяние и исправили жизнь свою. Итак, помышляя о Дне том страшном, перестаньте грешить, покайтесь и восприимите твердое намерение ходить неуклонно в заповедях Божиих.

И действительно, ни одна истина не сильна так умягчить нераскаянное сердце, как истина о Страшном Суде Божиим. Знает сие враг и всячески ухищряется поставлять нас в такое состояние, что мы или совсем не помышляем о сем Суде, или, если помышляем когда, помышляем поверхностно, не проводя сего помышления до сердца и не давая ему произвести там полного своего действия. Если б и память Суда не отходила от нас и сила его принимаема была всем сердцем нашим, не было бы грешников или были бы грешники только случайные, нечаянные, минутные, тотчас по нечаянном падении восстающие. Но вот, не входим мы в намерения Божии, потому и грешим и коснеем во грехах нераскаянностью.

Приидите же, братие, перехитрим омрачающего нас врага и отныне положим: и помнить непрестанно о Суде, и сердцем воспринимать всю силу его и весь страх его.

Нарисуем в уме нашем картину Суда Страшного и будем носить ее непрестанно. Как в обычной нашей жизни видим мы небо над собою с Солнцем и другими светилами и разные твари вокруг себя, подобно сему устроимся и в духе. На Небе будем созерцать Господа Судию со тьмами Ангелов, а вокруг себя всех сынов человеческих, от начала мира до конца, предстоящих Ему в страхе и трепете. Тут же река огненная и книги разогнутые (Дан. 7, 10). Суд готов! Таким помышлением наполним ум свой и не будем отступать от него вниманием. Восстав с одра, будем внушать душе своей: «День он страшный помышляючи, побди душа!» и, отходя ко сну, будем говорить себе: «Се, ми гроб предлежит, се, ми смерть предстоит! Суда Твоего, Господи, боюсь и муки бесконечной!» И во все часы дня почасти будем повторять: «Господи, избави мя вечных мук, червия же злого и тартара!» Ведь, помним ли мы или не помним о Суде, Суда сего не миновать. Но, если будем помнить, можем миновать грозных его определений. Сие помышление научит нас удаляться того, что делает страшным Суд, и страх Суда избавит нас от страшного осуждения.

Только да не будет в нас праздным сие помышление, углубим его и восприимем сердцем – и Суд, и осуждение, и решение Суда.

Ныне есть ли кто, кто бы верно судил о себе и был верно судим другими? Самолюбие скрывает нас от себя и своего суда совестного; тело и пристойная внешность укрывают нас от пронизательности лиц, окружающих нас. По богозабвению, и не говоря, как бы говорим мы в себе: «Не видит Бог!» Не то будет там: и себе будем мы все открыты, и другие будут видеть нас, каковы мы в словах, делах и помышлениях. Каждый, видя себя, будет сознавать, что он видим всеми и прониимается «светлейшими паче солнца» очами Божиими (Сир. 23, 27). Это сознание всеобщности видения грехов своею тяжестью подавит грешника и соделает то, что ему легче было бы, если б горы

пали и покрыли его, нежели как стоять так, составляя открытую цель для взоров и Небесных, и земных.

Ныне мы изобретательны на снисхождения и разными способами извиняем себя и пред собою, и пред другими, и пред Богом. Тогда не будет места никаким оправданиям. И наша совесть будет говорить нам: «Зачем ты так делал?» И в глазах других будем мы читать: «Что ты это наделал?» И от Господа будет печатлеться в сердце укор: «Так ли тебе следовало делать?» Эти осуждения и укоры со всех сторон будут тесниться в душу, проникать и поражать ее, а оправдаться нечем и укрыться некуда. Эта новая тяжесть – тяжесть всеобщего осуждения безоправдательного – еще нестерпимее будет тяготить грешника безотрадного.

Ныне нередко проволочка следственных дел облегчает участь преступника и манит надеждою оправдаться. Там этого не будет. Все свершится во мгновение ока: и Суд без следствий, и осуждение без справок с законами, и возражений не будет. По мановению Божию отделятся праведники от грешников, как «овцы от козлищ» (Мф. 25, 32), и все смолкнут, ничего не имея сказать против этого Суда и осуждения. Ждетя последнее поражение грешнику – решение – и се, слышится: «Приидите, благословеннии!.. Отыдите, проклятии, в огонь!» (Мф. 25, 34, 41). Решение невозвратное и неизменяемое, запечатлевающее участь каждого на вечные веки. Вечные веки будет звучать в ушах грешника осужденного: «Отойди, проклятый!» Как вечные веки будет убажывать праведника сладкое слово: «Прииди, благословенный!» Эта тяжесть отвержения есть самая нестерпимая тяжесть, имеющая тяготеть над нераскаянными грешниками.

Вот что будет! И вот что ныне хочет впечатлеть в сердце наше Святая Церковь! Восприимем же чувством эту безотрадность состояния грешника в последний день – безотрадность, в которую поставят его тогдашний Суд, осуждение и решение; восприимем и позаботимся избежать ее. Никому не миновать Суда. Все будет так, как написано. «Небо и земля прейдут», а слово Божие о том, что они прейдут и потом будет Суд, «не прейдет» (Мф. 24, 35). Враги разве мы себе? Не

враги. Так поспешим избежать беды, туги и отчаяния, какими грозит нам Последний День. Как избежать? Или праведностью, или милостивым оправданием. Если не имеешь праведности, за которую мог бы ты стать с теми, кои одесную Судии, то поревнуй заранее оправдать себя пред Богом, омывшись в слезах покаяния и очистившись подвигами самоотвержения, – и будешь принят в число их по оправдывающей милости, если не по правде.

Се, уже начинается благоприятное к тому время (2Кор. 6, 2)! Уже приблизилось преддверие поста. Сокращение удовлетворения потребностей плоти затем учреждено, чтоб дать больше простора действиям духа. Приготовляйтесь же! А того, чем испорчена подлежащая неделя, злых обычаев мира, убегайте, сколько это возможно по условным отношениям вашим и немощам характеров ваших, чтоб достаточно подготовленными вступить нам в поприще поста и говения, очиститься, установиться в чистоте и утвердить за собою возможность очищенными предстать и страшному Престолу Судии всех – Бога. Аминь.

26 февраля 1861 года

В неделю мясопустную (тайна приготовления оправдательного решения на Страшном Суде)

Итак, придет Судия. Все явимся пред Судилищем Его, да восприимет каждый, «яже с телом содела, или блага, или зла» (2Кор. 5, 10). Что будет тогда, братие, с нами? Что именно с каждым из нас будет тогда?! Теперь же перенесемся туда мысленно и предложим совести нашей заранее определить то.

Зрите! Се, пред нами, лицом к лицу, Судия праведный и нелицеприятный. Вокруг вся тварь разумная – и небесная, и земная. В нас самих все дела наши, ясно видные: на челе нашем, на очах и устах, на каждом члене и чувстве, служившем орудием для них; и мы сами в себе все будем видеть, и другие в нас все будут видеть, и око Божие будет пронизать нас. Укрыться некуда. Общий всех суд оправдает или осудит нас. Сему суду будет вторить и наш собственный суд; а тот и другой запечатлеются Судом Божиим, который и останется вечно неизменным и решит участь нашу навсегда.

Так как же думаете? Что услышит ухо наше в тот Час – утешительное ли: «Прииди, благословенный» (Мф. 25, 34) или безотрадное: «Отойди, проклятый» (Мф. 25, 41)?

Ах, братие! Восприимем в чувство сию решительную минуту и заранее подумаем о том, как нам быть. Минуты той не миновать и решения того не отменить! Войдемте же в совесть свою и спросим ее, что именно чает она услышать: «отойди» или «приди»? Совесть не станет льстить, если искренно захотим услышать прямой голос ее и не будем сбивать ее пустым самооправданием. Вот и око Божие определительно видит, что мы такое в Час сей и чего стоим, осуждения или оправдания, и свое свидетельство влагает в ухо внутреннему свидетелю дел наших, в их отношении к Богу и вечному Закону Его! Какое же предрешение дает нам о нас сей внутренний свидетель дел наших?

Всяко скажете: «Кто чист?» Но ведь о том и дело, чтоб мы сознали себя нечистыми и поревновали очиститься. Ибо, если б в минуту сию, когда совесть признает нас нечистыми, мы стояли

на Суде и из себя, и от других, и от Господа слышали такой приговор о себе, что было бы с нами? Вот приходят исполнители судорешений, связывают и ввергают в «тьму кромешную», где «плач и скрежет зубов» (Мф. 8, 12)! Так точно это и будет, если отселе не озаботимся изменить готовящееся нам грозное определение на определение благоволительное.

Не спрашивайте, как это сделать. Ибо кто того не знает? «Покайся, и впредь не греши» – вот и вся тайна приготовления оправдательного решения на Страшном Суде!

«Покайся!» Велико ли и трудно ли это? Все дело покаяния в двух словах: «Согрешил, не буду!» Какой труд сказать это? А между тем какая великая сила сокрыта в кратком слове сем! Хотя бы молча кто, в сердце только своим, чувством своим внутренним изрек: «Согрешил, не буду!» Внутреннее слово сие пронесется по всему Небу и там произведет всеобщую радость. "О едином грешнике кающемся радуются все Ангелы» (Лк.15, 7), – говорит Господь. Радуются, но чего ради? Это они радуются за ту неизреченную радость, какою обрадован будет грешник покаявшийся в День Суда. Ту тесноту, то горе, ту беду, кои ожидают грешника на Суде, совершенно отстраняет это небольшое покаянное слово: «Согрешил, не буду!»

Грех печатлется в естестве нашем, отпечатлевается во всем окружающем нас и записывается в Книге живота. Во всех сих местах он будет виден в День Суда и, отражаясь на нас, будет привлекать осуждение нам. Но покаянный и сокрушенный вздох: «Согрешил, не буду!» изглаждает его отовсюду, так что нигде ни единого следа его не останется в обличие нас. Как черное платье моют, колотят, полощут и тем убеляют его так, что никакой черты прежней черноты не остается в нем, так слезы покаянного сокрушения и Исповедь убеляют естество наше, повсюду стирают следы греха, изглаждают из самой книги Суда, так что на Суде самый большой грешник, ради покаяния, явится безгрешным и никакого нигде не найдется основания к осуждению его, потому что покаяние все их истребляет.

Грехи, оставаясь в нас не очищенными чрез покаяние, отселе еще готовят нам карательное определение на Суде. Покаяние же, изглаждая грехи, отселе еще отменяет сие

определение. Такова сила покаяния. Бог посылал Пророка к ниневитянам с угрозой, что еще три дня – и Ниневия превратится, но ниневитяне покаяться, и определение Божие отменено (Ион. 3, 4–5, 10). Царю Езекии другой Пророк принес определение Божие о часе смертном, но царь, вздохнув, со слезами помолился и еще дано было ему время на покаяние (4Цар. 20, 1–6). Видите, как покаяние и слезное обращение к Богу изменили устоявшееся уже определение Божие. Так и то определение, которое готовят нам на Страшном Суде грехи наши и которое уже предрешено по тому состоянию, в котором мы теперь находимся, совершенно отменит слезное покаяние и исповедание грехов наших. Точно, отменит определение, но ведь, если мы не изменим себя, оно останется неизменным, хотя не пришло время быть ему таковым. Наше закоснение во грехе затверждает определение Божие, а покаяние испаряет его и уничтожает. Поспешим же к сему спасительному покаянию, пока еще есть время!

Пока время есть: время сие кончится с концом жизни нашей. А кто скажет, когда сей конец? Вот и надобно сейчас же приступить к покаянию. Затем и открыл нам Господь тайну Суда, чтоб, слыша об осуждаемых на нем, всякий на себя посмотрел, себя пожалел и покаянием поспешил спасти себя от вечной гибели. Желательно разве Господу осудить нас? Если б было желательно, не пришел бы Он на землю и не стал нашего ради спасения терпеть страдания и смерть. Но как нельзя не быть Суду, то вот Он и возвестил о нем наперед, говоря как бы нам: «Смотрите, вот что будет! И вот что надо вам сделать, чтоб избежать предстоящей там беды!» Говорит Господь о Суде, чтоб никто не подпадал на нем осуждению. Как добрый судья наперед извещает жителей, что идет к ним разбирать дела, чтоб они приготовились к ответам и не запутались, так и нас известил Господь о Суде, чтоб мы наперед знали, что там будет, и так приготовились, чтоб устоять в ответах. А как устоять? Тогда и вопросов никаких не будет, если здесь, на Исповеди, на все вопросы, которые касаются действительных грехов наших, мы изъясним чистосердечное признание и раскаяние, от души говоря: «Согрешил, не буду!»

Войдемте же, братие, в сии благие намерения Божии о нас. Напишем картину Суда в памяти нашей и будем под нею ходить, как под какою сению. Она научит нас, как избежать осуждения на сем Суде. Святые отцы, ревновавшие о христианском совершенстве, так глубоко внедряли в ум свой память о Суде, что неотлучно пребывали с нею, что бы ни делали. И на молитву не иначе становились они, как мысленно установив себя на Страшном Суде, пред лицом Господа Судии, готового произнести окончательный о них приговор, и, сознавая себя в сем положении, немолчно вопияли: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Пробудясь от сна, они пели: «Се, Жених грядет!» (Мф. 25, 6). Отходя ко сну, взывали: «Суда твоего, Господи, боюсь и муки бесконечной!» И во всякий час дня, при всяком даже деле, поминутно встречаясь с картиною Суда, в уме носимую, они усугубляли свой вопль ко Господу: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Чрез это стяжали они «сердце сокрушенное и смиренное», которое не унижится (Пс. 50, 19). Непрестанные слезы умиления измыли душу их от всякой нечистоты и явили их чистыми и совершенными пред милосердым, спасения желающим Господом.

Пойдемте и мы тем же путем памятования о Страшном Суде! Оно породит сокрушение, умиление и слезы, которые угасят огонь, уготованный нам грехами нашими, если останутся неоплаканными. Аминь.

23 февраля 1864 года

**В неделю мясопустную (о Втором и страшном
пришествии Господа нашего Иисуса Христа –
сокращенно из слов святого отца нашего Ефрема
Сирианина на Второе пришествие)**

Христолюбивые братие мои! Послушайте о Втором и страшном пришествии Владыки нашего Иисуса Христа. Вспомнил я об этом часе и вострепетал от великого страха, помышляя о том, что тогда откроется. Кто опишет это? Какой язык выразит? Какой слух вместит в себе слышимое? Тогда Царь царствующих, восстав с Престола славы Своей, сойдет посетить всех обитателей Вселенной, сделать с ними расчет и, как следует Судии, достойным воздать добрую награду, а заслуживших наказание подвергнуть казням. Когда помышляю о сем, страхом объемлются члены мои и весь изнемогаю, глаза мои источают слезы, голос исчезает, уста смыкаются, язык цепенеет и помыслы научаются молчанию.

Таких великих и страшных чудес не было от начала твари и не будет во все роды! Исполнится время, пробьет последний час бытию мира: огненная река потечет с яростью, подобна свирепому морю, пояст горы и дебри и пожжет всю землю и дела, яже на ней. Тогда от огня сего реки оскудеют и источники иссякнут, между тем как там, горé, «звезды спадут», солнце померкнет, луна мимоидет и небо «свиется, аки свиток» (Ис.34, 4). Кто найдет в себе столько крепости, чтобы снести без сокрушительного потрясения помышление о сем страшном изменении лица всей твари?

Затем услышится глас трубы, превосходящий всякий гром, – глас, вызывающий и пробуждающий всех от века уснувших, и праведных, и неправедных. И во мгновение ока всякое дыхание человеческое восстанет с места своего, и все люди от четырех концов земли будут собраны на Суд. Ибо повелит великий Царь, имеющий власть всякой плоти, – и тотчас с трепетом и тщанием дадут: земля – своих мертвецов, а море – своих. Что растерзали звери, что раздробили рыбы, что расхитили птицы –

все это явится во мгновение ока, и ни в одном волосе не окажется недостатка.

Вот, собрались все – и в трепетном молчании ждут «явления Славы великого Бога» Судии (Тит.2, 13), нисшествие Которого откроется явлением «знамения Сына Человеческого» (Мф.24, 30), явлением Креста, сего скипетра великого Царя, узрев который все уразумеют, что вслед за ним явится и Сам Царь. И точно, вскоре затем услышится с высот небесных: «Се, Жених грядет» (Мф.25, 6), се, приближается Судия, се, является Царь, се, Бог всяческих грядёт судить живых и мертвых! Тогда, братие мои, от гласа сего содрогнутся основания земли – от пределов и до пределов, тогда на всякого человека придут теснота и страх и исступление от чаяния того, что грядет на Вселенную. Тогда потекут Ангелы, соберутся лики Архангелов, Херувимов и Серафимов и все многоочитые с крепостию и силою воскликнут: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Сый... иже бе... и грядый... Вседержитель!» (Откр. 4, 8). Тогда всякая тварь на небе и на земле и под землею с трепетом возопиет: «Благословен грядый во имя Господне!» (Мф. 21, 9). Тогда разверзнутся небеса, и откроется Царь царствующих, предивный и преславный Бог наш, подобно страшной молнии, с силою многою и несравнимою славою, как проповедал и Иоанн Богослов, говоря: «Се, грядет со облаки небесными, и узрит Его всяко око и иже Его прободоша, и плач сотворят о Нем вся колена земная» (Откр. 1, 7).

Какой страх и трепет и исступление будет в Час тот! Кто перенесет видение сие? И кто стерпит зрак Того, от лица Коего побежит «небо и земля» (Откр. 20, 11). Небо и земля побегут! Кто же после сего в состояния устоять? И куда побежим мы, грешные, когда увидим престолы поставленные и сидящего Владыку всех веков, когда увидим бесчисленные воинства, со страхом стоящие окрест Престола? Ибо тогда исполнится пророчество Даниила: «Зрях, дбндеже престолы поставишася; и Ветхий денми седе... Тысячи тысяч служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему: судище седе, и книги отверзошася» (Дан.7, 9–10).

О, теснота, о, туга и томление духа! Нелицеприятное Судилище открывается и отверзаются сии страшные Книги, где написаны наши и слова, и дела, и все, что мы сказали и сделали в сей жизни и что думали скрыть от Бога, испытующего «сердца и утробы» (Откр. 2, 23). О, сколько слез нужно нам ради Часа того! Тогда своими очами узрим мы с одной стороны – неизреченное Небесное Царство, а с другой – открывающиеся страшные мучения, посреди же – всякое колено и всякое дыхание человеческое, от прародителя Адама до рожденного после всех. Там Все человечество будет поставлено среди Царства и осуждения, среди Жизни и смерти, среди Рая и ада. Все будут в ожидании страшного Судного Часа, и никто никому не в состоянии будет помочь.

Тогда потребуются от каждого исповедание веры, обязательство Крещения, вера, чистая от всякой ереси. Велики ли кто или мал – все равно исповедали мы веру и приняли святую печать, все одинаково отреклись дьявола, дунув на него, и все одинаково дали обещание Христу, поклонившись Ему. Отречение, которое даем мы при Святом Крещении, выражается немногими словами, но по заключающейся в нем мысли – многообъятно. Ибо в немногих словах отрекаемся мы от всего, отрекаемся не одного, не двух, не десяти худых дел, – но всего, именуемого худым, всего, что ненавистно Богу, отрекаемся сатаны и всех дел его. Каких дел? Выслушай: блуда, прелюбодеяния, нечистоты, лжи, татьбы, зависти, отравления, гнева, хулы, вражды, ссоры, ревности, пьянства, празднословия, гордыни, празднолюбия, глумления, свиряния, бесовских песен, деторастления, гадания, вызывания духов. Всего этого и подобного сему, всего, о чем все знают, что это дела и учения дьявольские, отрекаемся чрез отречение при Святом Крещении. Сего-то отречения и доброго исповедания потребуют от каждого из нас в тот Час и День, ибо написано: "От словес твоих оправдишься» (Мф.12, 37), и еще Господь говорит: «От уст твоих сужду тя, рабе лукавый» (Лк.19, 22).

Сии-то слова наши или осудят, или оправдают нас в Час тот. По ним будут допрашивать каждого, и каждого – в чину своем. Епископы будут вопрошены и о собственном их житии, и

о пастве их: у каждого потребуют словесных овец, которых принял он от Пастыреначальника Христа. Подобным образом и пресвитеры дадут ответ за Церковь свою, а вместе и диаконы. И всякий верующий даст ответ за себя и за дом свой, за жену, за детей, за рабов и рабынь, воспитывал ли он их «в наказании и учении Господни» (Еф.6,4), как заповедал Апостол? Тогда вопрошены будут цари и князи, богатые и бедные, великие и малые о всех делах, какие сделали, ибо написано, что «все... предстанем судищу Христову» (Рим.14,10), «да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла» (2Кор.5,10).

Что же будет после того, как исследованы и объявлены будут дела всех пред Ангелами и человеками, того без слез и стенаний и рассказать невозможно, потому что это будет уже последнее. Тогда отлучит нас Судия «друг от друга, как пастырь отлучает овец от козлищ» (Мф. 25, 32). У кого есть добрые дела и добрые плоды, те отделятся от бесплодных и грешных и просветятся, как солнце. Это те, которые любили заповеди Господни, были милосерды, нищелюбивы, сиротолюбивы, одевали нагих, посещали заключенных в темницах, заступались за угнетенных, призирали больных, которые плакали, как сказал Господь (Мф.5,4), обнищали ради богатства, соблюдаемого на Небесах, прощали прегрешения братьям, соблюли печать веры несокрушимою и чистою от всякой ереси. Сих поставит Господь «одесную... а козлищ – ошуюю» (Мф.25,33), именно, тех, которые: бесплодны, прогневали Доброго Пастыря, не внимали словам Пастыреначальника, были высокомерны, своекорыстны, сластолюбивы, которые в настоящее время покаяния, как козлища, играют и нежатся и все время жизни своей иждивают в объядении, пьянстве и всяких утехах и увеселениях, а к нуждающимся немилосерды, подобно богачу, не оказавшему жалости к бедному Лазарю (Лк. 16, 19–21).

Так разделив всех, стоящим одесную скажет Господь: «Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира!» (Мф.25,34). Стоящие же ошуюю услышат сей горький и строгий приговор: «Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный

дьяволу и аггелом его... И идут сии в муку вечную, праведницы же в Живот Вечный» (Мф.25, 41, 46).

О сем-то бедственном разлучении вспомнил я и не могу перенести его. У кого есть слезы и сокрушение, плачьте, потому что в страшный оный Час бедственной разлукою разлучены будут все друг с другом и каждый пойдет в переселение, из которого нет возврата. Тогда разлучены будут родители с детьми, друзья с друзьями, супруги с супругами, и те даже, кои клялись не разлучаться друг от друга вовеки. Тогда грешные будут наконец выгнаны из Судилица и поведутся на место мук немилостивыми ангелами, принимая от них толчки, побои, скрежеща зубами, все чаще и чаще обращаясь, чтоб увидеть праведников и ту радость, от которой сами отлучены. И увидят неизглаголаный оный свет, увидят красоты райские, увидят великие дары, какие приемлют от Царя Славы подвизавшиеся в добре. Потом, постепенно отдаляясь от всех праведников, и друзей, и знакомых, сокроются, наконец, и от Самого Бога, потеряв уже возможность зреть радость и истинный оный свет. Наконец, приблизятся к местам неописанных мучений и там будут рассеяны и расточены.

Тогда-то увидят они, что совершенно оставлены, что всякая надежда для них погибла и никто не может помочь им или ходатайствовать за них. Тогда-то наконец, в горьких слезах, рыдая скажут: «О, сколько времени погубили мы в нерадении и как обмануло нас наше ослепление! Там Бог говорил чрез Писание, и мы не внимали; здесь вопием, и Он отвращает от нас лице Свое! Что пользы доставили нам концы мира? Где отец, родивший нас? Где мать, произведшая нас на свет? Где братья? Где друзья? Где богатство? Где людская молва? Где пиры? Где многолюдные гульбища?» Ниоткуда нет помощи, всеми оставлены: и Богом, и святыми. И для покаяния нет уже времени, и от слез нет пользы. Вопиять бы: «Спасите нас, праведные! Спасите, Апостолы, Пророки, мученики! Спаси, лик Патриархов! Спаси, чин подвизавшихся! Спаси, Честный и Животворящий Крест! Спаси и Ты, Владычица Богородица, Матерь Человеколюбца Бога!» Вопиять бы так, но уже не услышат! А если и услышат, что пользы? Ибо конец уже всякому

ходатайству. В таких терзаниях безотрадного отчаяния каждый, наконец, и нехотя отведен будет на место мучения, какое уготовал себе злыми делами своими, «идеже червь их не умирает, а огонь не угасает» (Мк.9, 48).

Вот, узнали вы, что уготовим мы себе? Вот, слышали вы, что приобретают нерадивые, ленивые, некающиеся? Слышали, как будут осмеяны посмевающиеся заповедям Господним? Слышали, как обманывает и обольщает многих эта растлевающая душу жизнь? Позаботимся же о том, как бы неосужденно предстать нам пред Страшным Судищем в тот трепетный и страшный Час. О сем страшном Дне и Часе предрекали святые Пророки и Апостолы, о сем страшном Дне и Часе Божественное Писание от концов и до концов Вселенной, в церквах и на всяком месте вопиет и свидетельствует. Чего ради? Того ради, чтоб всех умолить: смотрите, бдите, внимайте, трезвитесь, молитесь, милосердствуйте, кайтесь и будьте готовы, «яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет» (Мф.25, 13). «Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той» (Лк.21, 34). Оставьте «путь... широкий», ведущий в пагубу, и вступите на «путь... тесный», ведущий в Живот (Мф. 7, 13–14). Скорбно шествие по сему пути, но блаженно упокоение; жестоко шествие, но воздаяние – радость; стеснительно шествие, но место отдохновения – пространно. Шествие по оному: покаяние, пост, молитва, бдение, смиренномудрие, небрежение о плоти, рачение о душе, милостыня, плач, вздыхание, коленопреклонение, труды и всякое злострадание. Шествие по оному пути: быть укоряему и терпеть, быть ненавидиму и не питать ненависти, злострадать и воздавать за сие добром, прощать, полагать душу за друзей, а наконец, и кровь свою пролить за Христа, если потребуют того обстоятельства. Если кто пойдет сим тесным путем, то примет он блаженное воздаяние, которому никогда не будет конца. А широкий путь и пространные врата ведут в пагубу. Шествие по оному в настоящем радостно, а там скорбно. Здесь легко, а там тяжело и болезненно. Здесь сладко, а там горче желчи. Это хождение по пространному пути есть: блуд, прелюбодеяние,

нечистота, рвение, зависть, ярость, распри, а также смехотворство, кличи, забавы, свирели, пляски, пышные одежды, многоценные вечера, беззаконные пения, мягкие постели, объядение, братоненавидение и, что всего хуже, – нераскаянность и непамятование об исшествии из этой жизни. Многие идут путем сим, и все найдут достойное того пристанище: вместо наслаждения – голод, вместо покоя – болезнь, вместо смеха – рыдание, вместо веселых пиров – пребывание с демонами, вместо светлых и роскошных жилищ – тьму крошечную и геенну огненную. О сем-то конце широкого пути помышляя, братие, уклонимся от него и послушаем Господа, Который говорит: «Подвизайтесь внити сквозь тесные врата» (Лк.13, 24).

Сему да научит нас память о Страшном Суде. Сей День соержа в уме, святые мученики не жалели тела своего, иные же в пустынях и горах подвизались и ныне подвизаются в посте и девстве. Сей День имея в уме, блаженный Давид каждую ночь омочал ложе свое слезами и умолял Бога, говоря: «Господи... не вниди в суд с рабом Твоим! Ибо если восхощешь сделать, то не оправдится пред Тобою всяк живой» (Пс.142, 1–2). Приступим, братие, и мы к сему подвигу, пока не настал еще День оный. Предварим лице Бога нашего исповеданием, покаянием, молитвами, постом, слезами, странноприимством. Предварим, пока не пришел Он видимо и не застал нас неготовыми. Не престанем приносить покаяние, неотступно умолять и готовиться во сретение Господу – все вместе: мужи и жены, богатые и бедные, рабы и свободные, старцы и юноши.

Смотри, никто не говори: «Много согрешил я, нет мне прощения!» Кто говорит сие, тот не знает, что Бог есть Бог кающихся и на землю пришел призвать «не... праведных, но грешных в покаяние» (Лк.5, 32). Но смотрите, никто также да не дерзнет сказать: «Я не согрешил!» Кто говорит это, тот слеп. Никто не безгрешен, никто не чист от скверны, никто от человек не свободен от вины, кроме Того единого, Кто нас ради "обнищал, богат Сый" (2Кор.8, 9). Так не будем недуговать самоправедностию, но не будем и отчаиваться во спасении, сознавая за собою грехи. Согрешили мы? Покаемся.

Тысячекратно согрешили? Тысячекратно принесем покаяние. Бог радуется о всяком добром деле, преимущественно же о душе кающейся, ибо весь преклоняется к ней, приемлет ее собственными руками и призывает, говоря: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы!» (Мф.11, 28).

Слыша сии благие обетования и сей сладчайший глас Спасителя душ наших, приидите, поклонимся и припадём Ему, исповедуя грехи свои. Не поленимся и не престанем взывать день и ночь со слезами, ибо Он милостив и не лжив и несомненно сотворит отмщение за вопиющих к Нему день и ночь. Он – Бог кающихся, Отец, Сын и Святой Дух. Ему слава вовеки. Аминь.

7 февраля 1865 года

Часть 4. В неделю сыропустную

В неделю сыропустную (о деле памятования о том, откуда ниспали мы)

«Помяни... откуда ниспал еси!» (Откр. 2, 5). Так говорит Господь Ангелу Ефесской Церкви в Откровении Иоанна Богослова. Но "помяни" не легкомысленно и равнодушно, а так, чтобы в этом найти побуждение к покаянию и возвращению на прежние добрые дела. «Помяни... откуда ниспал еси, и покайся, и прежняя дела сотвори» (Откр. 2, 5). Вот эту заповедь следовало бы внушать непрестанно всякому человеку и всему человечеству падшему. Поминай первобытное блаженство первозданных, великое и неописанное, потерянное чрез падение, и тем раздражай в себе ревность и заботу к восстанию и возвращению себе потерянного. Так, больной, поминая о приятном состоянии здоровья, усерднее желает выздоровления; пленный, помня отраду свободы, ищет освобождения; обедневший, помня покой довольства, всякие употребляет способы к тому, чтоб снова обогатиться. Думаю, что не было бы ни одного беспечного и нерадивого в своем спасении, если б не оскудевала память, как хорошо было до падения и как худо стало по падении!

Конечно, память сия могла бы ввергать в отчаяние, если б у нас не было под руками средств к тому, чтоб поправить свое состояние. Но вот попечительная благодать Божия установила на земле образ восстания и приблизила его к нам – образ восстания благонадежный, многими уже испытанный и показавший над ними дивную силу свою. В таком положении дело памятования о том, откуда ниспали мы, есть то же, что возбуждение жажды, когда пред глазами чистый источник воды, или возбуждение голода, когда пред глазами обильная трапеза. И вот намерение, с каким всякий год предлагается нам история падения прародителей пред началом святого поста. Нам говорится чрез то: «Вспомните, каковы были вы прежде, какими стали теперь, и поревнуйте восстать!» «Се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения!» (2Кор. 6, 2).

Но вот, будто наперекор Божиим о нас попечениям, из всех спасительных истин, мало поминаемых, меньше всего помнится наше падение, в лице прародителей. Как будто всему и быть так должно, как есть. Жалости достойное забвение! Как если бы царская дочь, будучи увлечена низким делам и за то лишившись милости царя-отца и ниспадши в низкое состояние, до того обесчувствела, что забыла бы, что она не в своем месте и не в своем виде, было бы сие жалостно: и тем более, что и царский дом в виду, и способ умиловления царя есть, и готовность царя опять принять дочь свою и возратить ей все – известна и объявлена; в таком точно положении наша душа, созданная по образу и подобию Божию, когда она не содержит в мысли своей, какова была она первоначально и какою стала теперь, и не хочет воспользоваться дарованными ей средствами к возвращению в первое достоинство. Была она поставлена в свете ведения, а теперь окружена мраком неведения, сомнения и заблуждений. Была она исполнена мира помыслов, желаний и совести, а теперь в ней борьба помыслов с желаниями, помыслов же и желаний с совестью, борьба, от которой рана за раню. Был в ней сладкий покой и полное довольство, а теперь одна страсть за другою поражают сердце, в то самое время, как удовлетворением страсти чаёт она достать себе самоуслаждение. От сего внутреннего нестроения и внешние горести, нужды, болезни, неудачи, нестроения. Это ли рай сладости, в котором следует быть тебе, душа, по роду твоему и назначению? Помяни же, откуда ниспала ты, и покайся! Неестественность настоящего нашего положения должен бы, кажется, чувствовать каждый, бедствуя целую жизнь и испытывая всякого рода неудобства и лишения, между тем бывает не то. Иные так сродняются с своим положением в падении, что и помышления не имеют о том, что сему не следовало бы быть, доказывают даже, что иначе и быть не должно. Какая жалость!

Жалки все, не чувствующие падения и не ищущие восстания. Тем больше жалки христиане и те, кои живут пред лицом христианства. Пред нами – дом спасения, и мы в нем причащались уже целительных сил, действующих в нем; жалко,

если мы вышли из него, вкусив снедей, сгубивших нас. Но еще более жалко, если, стоя вне, равнодушно смотрим на потерю и в беспечности не порываемся снова вникнуть внутрь и насладиться тамошних благих. Будите же, братие, души свои, если они уснули. Будите, говоря: «Восстани, спящая и обуморенная в грехах душа, восстани, и освятит тя Христос! Была уже ты освящаема и знаешь, как велико блаженство освященных! Поревнуй снова о том же и – восстани! «Се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения!» (2Кор.6, 2).

Пали мы вкушением, понудим себя восстать постом; пали самомнением, восстанем самоуничижением; пали нераскаянностью, восстанем слезами сокрушения; пали беспечностью и богозабвением, восстанем заботою о спасении и страхом Божиим; пали преданием себя утехам, восстанем жестокостью жития и добровольными лишениями; пали отчуждением от Церкви, восстанем приметанием к дому Божию; пали, слушая срамные песни и позволяя себе пляски, восстанем слушанием церковных песней и частыми поклонами; пали многословием, восстанем молчанием; пали рассеянностью, восстанем уединением и хранением внимания; пали слушанием пустых речей и чтением пустых книг, восстанем слушанием слова Божия и чтением книг душеспасительных.

Вот еще несколько часов, и настанет спасительное время поста, приглашающее к восстанию. Воспользуемся им по указанию мудрой и попечительной матери нашей, Святой Церкви. Воспользуемся, ибо не знаем, дано ли будет нам еще такое время, а в падении пребыть и падшими преставиться в другую жизнь кто захочет? Может быть, это уже последний наш год, что мы оставлены в живых для опыта, не принесем ли плода покаяния, не исправимся ли. И, стало быть, если уж и теперь не исправимся, посечены будем и ввержены в огонь. Имея сие в мысли, отсея положим намерение, вступая в пост, вступить вместе в подвиги восстания от падений. Сего требует от нас Господь, сего чает Святая Церковь, сего желают все святые Божии, попечительно помышляющие о нас и сочувственно призирающие на уклонения путей наших! Аминь!

5 марта 1861 года

В неделю сыропустную (в пост в последний раз дано нам время на покаяние)

Святая Церковь приводит нам ныне на память падение прародителей. Цель у нее при сем и та, чтоб, помня, что состоим на месте изгнания, мы меньше ширились и высились, а более смирялись и сокрушались, но особенно та, чтоб, от падения прародителей переходя мыслию к своему личному падению, разгорались мы духом ревности к восстанию и возвращению того, что потеряно падением. Затем воспоминание и установлено пред началом святого поста, который есть по преимуществу время покаяния и самоисправления. В этом мы должны слышать нежный голос сострадательной о нас матери-Церкви, которым она будто глашает к каждому из нас: «Пал ты? Встань! Вот отверзается тебе дверь поста и покаяния: ободрись, вступи с дерзновением и потеки сим поприщем без саможаления». Чад Церкви и не следовало бы много убеждать, чтоб вняли призыванию сему, но что делать нам с нерадивою и беспечною душою своею? Не слушает, или, слыша, не внимает, или, внявши, разными изворотами отговаривается от дела, к которому приглашают ее ради ее же блага. Войдемте же к душе своей и будем уговаривать ее не пропустить даром предлежащего поста, а воспользоваться им к покаянию и исправлению своему.

Как-то у нас так устроилось, что постом только мы немного и остепеняемся, постом только и находим попечительные о спасении помышления. В другое время мы позволяем себе вольности, иногда в очень широких размерах, не без греха, считая их безгрешными, а постом как-то сама собою отрезвляется мысль, желания признают законную обуздывающую их меру и покоряются ей, хоть не всегда без ропота. И заботы многие умолкают, а выступает на среду забота о «едином... на потребу» (Лк. 10, 42), хотя, как запуганное дитя, робко предъявляя требования свои. Такое благонастроение обыкновенно навеивает на нас святой пост и трудно бы поверить, чтоб кто пропустил его бесплодно. Бывает, однако ж, так, что,

несмотря на спасительное влияние поста, несмотря даже на чувствуемое во время его понуждение к самоисправлению, для иных он не причисляется ко дням спасения. Кому не нужно и кто не чувствует потребности исправить в себе неисправное? Но приходит саможаление – подруга беспечности и нерадения – и заглушает сии добрые движения. И вот начинаем мы отодвигать исполнение требований сих: сначала с первого дня на второй, со второго на третий, потом с первой недели на вторую или третью, с третьей на четвертую или последнюю, а на последней что-нибудь помешает или какой-нибудь предлог и отлагательство придумает лукавая лень. Так и весь пост проходит без говения, Исповеди и Святого Причастия. Но пропусти только пост – в другое время нечего и ожидать, чтоб мы занялись делом спасения. Если постом, когда все приспособлено к тому, и не церковные только, но и житейские порядки направлены к тому, мы не сделаем этого, куда собратся нам взяться за сие дело после поста? Так и придется опять жить в беспечности и нерадении, в тех же греховных привычках и страстях и в том же прогневании Бога до следующего поста. А кто знает, доживем ли мы до него? Что же будет, если умрем в греховном и нераскаянном состоянии?!

До этого поста мы почти уже дожили – возблагодарим Господа за сию милость, но и воспользоваться ею поспешим со всею готовностью. Конечно, спасения ради нашего благоволил так Господь, несмотря на нашу нерадивую и беспечную жизнь. Срок жизни нашей не в нашей власти, а в распоряжении Божиим. Господь же продляет или сокращает дни наши, судя по тому, можно ли ожидать от нас какого добра или нет. Нечестивые и грешные «не преполовят дней своих» (Пс. 54, 24), то есть и половины не проживут того, сколько бы прожили, если б угождали Богу. Всякий из нас в Церкви Божией, что дерево в саду: богоугодно живущие – это доброплодные древа, а нерадивые и беспечные суть то же, что древа бесплодные. Смотрит садовник на бесплодное дерево год, смотрит другой, смотрит третий, а потом срубает и в огонь бросает. Так бывает и с нами: ждет от нас Господь плода покаяния год, ждет другой и третий, а потом, видя, что от нас нет ничего доброго, предает в

руки смерти и чрез нее препровождает к праведному воздаянию, ожидающему беспечных. Припомните притчу Спасителя о бесплодной смоковнице (Лк.13, 6–9). Домовладыка говорит садовнику: "Вот, третье лето прихожу и не вижу плода на этой смоковнице, посеки ее, зачем и место занимает?" (Лк. 13, 7). Садовник упросил его оставить бесплодную еще на год, авось принесет плод, и если уж после того не принесет, тогда посечь. Это образ того, как милость Божия вымаливает у правды для нас, беспечных, год за годом в чаянии – не принесем ли, наконец, плодов покаяния? Ах, братие, кто знает, может быть, в последний уже раз дается нам пост сей! Может быть, даже теперь вокруг нас ходит правосудие и секирою своею, касаясь корня жизни нашей, требует посещения нас, бесплодных, а милость Божия умаливает его дать нам еще хоть этот пост: не покаемся ли, не исправим ли жизни своей и не сделаем ли потом какого добра. Поможем же милости превысить правду, отселе положив в сердце своем непременно в пост сей заняться собою как следует и выправить все неисправное в жизни нашей, в делах наших, в наших чувствах и намерениях. Вступая в пост, так и сложимся в мыслях, что это в последний раз дано нам время на покаяние: пропустим – не жди больше подобной милости. Заключим себя в сей тесноте, что или труды покаяния, или смерть, и по смерти – Суд и мучение вечное! Авось отбежит сон беспечности и хоть чувство самосохранения возбудит дух к свойственной ему напряженности и живости действия! И чтоб это сильнее воздействовало на нас следующие слова Апостола да звучат постоянно в ушах наших: "Или ты о богатстве благодати Божией и кротости и долготерпении нерадиши, не ведши, яко благодать Божия на покаяние тя ведет? По жестокости... твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим.2, 4–5).

Конечно, многие и очень многие из вас так и расположены действовать, но нет ли таких, кои колеблются духом и расслабляются сердцем? Пожалейте себя, братие! Отбросьте на минуту пагубное невнимание к делу спасения и давайте рассуждать! Вон те и те – и сколько их! – собираются с первых

же дней поднять труды поста и говения, а мы с вами не думаем себя беспокоить и тревожить, но слагаемся как обычно проводить время, «творяще волю плоти и помышлений» (Еф. 2, 3). На вид – будто те теряют, а мы приобретаем, на деле же – мы теряем, а те приобретают! Они получают прощение грехов, умиротворяются в совести, вступят в мир с Богом, соединятся с Господом во Святых Тайнах и начнут вкушать радость жизни в богоугождении, а у нас останется то же смятение и нестроение внутри, та же туга и недовольство, то же бремя грехов и страстей, то же нечаяние и томление, которые, однако ж, увеличат тяжесть положения нашего в виду тех исправившихся и обрадованных за исправление жизни. Как тень кажется гуще, когда увеличивается светлость прилежащих частей, так те все более и более будут восходить, а мы все более и более нисходить. Чего же ради мы попустим себе это? Не то же ли естество и у нас? Не то же ли и наше призвание? Не обетовано ли и нам все то, что и они получают? Чего же ради мы попустим себе испытать такие лишения? Себя жалеем? О, жалости достойное жаление, которым губим себя навеки! Труда боимся? Но что тут за труд? Труд сей кажется трудным, пока не вступим в него. А как только начнем трудиться, вся трудность его исчезнет, потому что не мы одни будем трудиться, но и благодать Божия, помогающая усердным деятелям во всяком деле благом. А хоть бы и в самом деле трудно кому, можно ли ставить сие на вид, помышляя о том, что дается за сей малый труд?! И как без труда обойтись? Вчера Святая Церковь прославляла всех подвизавшихся во спасении. Посмотрите же! Все трудились: юноши, и девы, и жены, светские и духовные, пустыnnики и в мире живущие, и без труда никто еще не вошел в Царствие Божие! Что же и говорить о труде, когда без него можно только пагубу улучшить? Да и погибельные разве не несут труда и тяготы? О, сколько да и какого еще! Так не выходит же ли, что в пагубном труде пребывать мы готовы, а в труде спасительном и слушать не хотим? Иной скажет: «Дела и обстоятельства мешают». И не говорите, стоит захотеть – и дела все переделаны будут, и обстоятельства улажены благоприятно, и дело говения и пощения совершится

душеспасительно. Бог дал человеку свободу, по которой он может заставить все двигаться вокруг себя. Не в делах помеха, а в нашем самолюбии, саможалении и богозабвении, в нашем ослеплении, нечувствии и нерадении. Вот ими, как пленницами и узами, связал нас сатана и бросил валяться во грехе, хоть, видимо, не ко благу нашему такое положение.

Возникнем (освободимся) же от сих сетей, которыми нас, живых, уловляет сатана в свою волю. Послушаем лучше гласа апостольского, будящего нас от сна беспечности: «Час уже нам от сна востати... Ночь прейде, и день приближися. Отложим убо дела темная и облечемся во оружия света» (Рим.13, 11–12). «Се, ныне время благоприятно! Се, ныне день спасения» (2Кор.6, 2). «Востани, спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос!» (Еф.5, 14). Аминь.

1 марта 1864 года

В неделю сыропустную (пост представляется мрачным, пока не вступают в поприще его)

Слава Тебе, Господи! Еще сподобились мы дожить до святого поста, еще дается нам время опомниться, еще изъясняется готовность принять нас в Отеческие объятия помилования. Три недели молитвенно взывали мы: «Покаяния отверзи нам двери, Жизнодавче!» Се, приблизилось сие спасительное покаянное время! Стоим у входа во святой пост – поприще покаяния и милосердования к нам Божия. Приступим же с дерзновением и внидем с желанием. Никто не отказывайся. Никто не уклоняйся инуды (куда-либо, в другое место).

Пост представляется мрачным, пока не вступают в поприще его, но начни – и увидишь, что это свет после ночи, свобода после уз, льгота после тягостной жизни. Слышали, что в нынешнем Апостоле говорилось: «Ночь убо прейде, а день приближися» (Рим.13, 12)? Ночь – это время до поста, а день – это пост. Апостол хочет, чтоб мы так же желательно встретили пост, как желательно встречаем день после долгой ночи. Примите только к сердцу то, чего требует, что дает и что обещает пост, и увидите, что иначе сему и быть нельзя. Ибо чего требует пост? Покаяния и исправления жизни. Что дает? Всепрощение и возвращение всех милостей Божиих. Что обещает? Радость о Духе Святе здесь и вечное блаженство там. Восприими все сие сердцем и не возможешь не возжелать поста.

На пост восстает одна плоть, и неблаговолящие к посту плотские суть, хоть им не хочется ставить себя в этот разряд и они несколько благовиднее объясняют свое отчуждение от поста: не хочется оставить жизнь, привольную для плоти, вот и поднимают жалобы на пост. Духовная же сторона наша любит пост, жаждет поста, ей привольно в нем. Надо бы сказать: «Возбуди и развей в себе духовную сторону, и будешь с постом в ладу, как с другом своим», но для раскрытия сей-то стороны и узаконен Господом пост. Вот и необходимо наперед

самопринуждение, необходим наперед труд несладкий, чтоб потом вкусить плодов сладких. Пусть рассуждение плотское чуждается поста, ты под иго веры покоришься и апостольскому учению внемли: «Мудрование.... плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир: зане мудрование плотское вражда на Бога есть, закону бо Божию не покоряется, ниже бо может». Почему последующие мудрованию сему «Богу угодити не могут» (Рим.8, 6–8).

Вот с чем граничит отчуждение от поста из угождения плоти и подчинения себя плотскому «мудрованию»: с потерей возможности Богу угодить и даже с враждою на Бога! Почему, у кого есть хоть малая искра страха Божия, тот не станет чуждаться поста и сам при свете сего страха отразит все лживые предлоги к нарушению его. Можно бы сказать: «Оживи в себе страх Божий – и охотно вступишь в поприще поста, и без труда пройдешь его весь – от начала до конца», но и опять, как оживить страх без поста? Суета, заботы, пустые развлечения, утехы, страстные увлечения, а то и просто одна толкотня заведенных отношений, не дают войти в себя, опомниться и живо сознать свои обязательные к Богу отношения! Надо потому заставить себя вступить в поприще поста и исполнить все его требования. Тогда улягутся суетные желания, помыслы и страсти, внятно услышится голос совести и живо восстанет сознание Бога и ответственности пред Ним. А после сего, может быть, даже недостаточными покажутся обычные постные труды, ибо страх Божий, оживши сим путем, станет неодолимою, никаких преград не знающею силою, действие которой прямо направляется против всякого угодия плоти, поддерживаемого саможалением.

Когда войдешь в это состояние, тогда сами собою странными и смешными покажутся все права плоти на льготы, какие предоставляем мы ей в обычной жизни, а пока не войдешь, нечего и обличать лживость предлогов к угодию плоти, отвлекающих от поста. Сим обличениям не к чему привиться, чтоб произвести свое действие. Одно можно посоветовать: минуй всю свою жизнь, какую долгую ни обещал бы ты себе, стань у своего одра смертного и рассуди, может ли совесть твоя

обещать тебе благой исход, если тотчас застанет тебя таким, каков ты теперь? Если не может, то наперед знай, что в ту минуту ты готов будешь зараз поднять тяготу десяти, сотни, тысячи постов, чтоб только улучшить помилование, и не дано тебе будет сие. Так вместо того, чтоб тогда испытать такой горький отказ, вот дается тебе пост, которого и одного достаточно для получения помилования: вступи в него бодренно и проведи по намерению Божию. Кто знает, может быть, это последний для тебя пост и последняя тебе милость? Пропустишь – не жди больше.

И зачем пропустить? Довольно пожили, творя волю плоти и помышлений: пора, «от грех избывше, правдою» пожить (1Пет. 2, 24). «Довлеет... вам мимошедшее время... – говорит Апостол, – ходившим в нечистотах, в похотях, в пьянстве, в козлогласовании, в лихоимании и полном блуда разлиянии» (1Пет. 4, 3–4). Пора отложить «дела темные» и облещися в «оружия света». Пора начать ходить «благообразно», как "во дни", и перестать «плоти угождая... творить в похоти» (Рим. 13, 12–14). Ибо если будем жить по плоти, то «имеем умереть», а если начнем "духом" умерщвлять «деяния плотские», то «живи будем» (Рим. 8, 13). Ныне воспоминается падение прародителей, и в них общее всех нас падение. Чем оно посредствовало? Поблажкою плоти и нарушением поста и воздержания. Падение – смерть, восстание – Живот. Хочешь внити в Живот – вступи в подвиг поста, и тем паче, что не можешь не сознать, что и твои собственные падения исходили из того же источника.

Кажется, довольно бы побуждений к тому, чтоб решиться на озлобление плоти в подвигах самоумерщвления в предлежащий пост. Но странное нечто совершается у нас: кому можно бы давать себе льготы, те наиболее себя озлобляют в посты, а кому следовало бы наиболее озлоблять себя постом, те самые широкие дают себе льготы. Праведники труд на труд себе прилагают, а грешники льготы за льготами себе позволяют. Уже не потому ли, что праведник себя грешником чувствует, а грешники ставят себя в рядах праведников? А если так, то на что лучше указания на самоослепление, в каком держит нас

плотолюбие, и на что более разумного основания к тому, чтоб не слушать его и действовать наперекор ему?

Вступим же мужественно в поприще поста. Да не будет между нами робких плотоугодников, кои за жизнь свою дрожат, если лишат их какого-либо блюда или отстранят какую-либо утеху! Да не будет между нами и суемудренных плотоугодников, кои лелеяние плоти обратили в закон, в силу каких-то особых своих учений. Таких еще вначале посрамил Апостол, именуя их врагами «Креста Христова, имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют» (Флп.3, 18–19). Ныне много слышится учений, расширяющих пути жизни, и много уже вошло обычаев, в которых привольно нашей плоти. Но будем помнить неложное слово Господа: «Внидите узкими врата: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящий им. Что узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его» (Мф.7, 13–14).

Прилепимся же и мы к тем немногим и в отверзающиеся пред нами врата утешяющего поста вступим бодренно, не позволяя себе суемудрых толкований и своевольных уклонений от того, что узаконено так мудро и что так спасительно исполнилось и исполняется всеми, понимавшими и понимающими цель и цену жизни во плоти не ради плоти (Рим.8, 12). Аминь.

6 февраля 1866 года

Часть 5. В среду седмицы первой Великого поста

В среду седмицы первой Великого поста (главное для нас дело есть очищение совести)

Благодарение Господу, сподобившему нас еще дожить до святого поста и еще начать поприще спасительного говения! Но, братие, позаботимся и воспользоваться сею милостию как следует, чтоб она послужила нам во спасение, а не в осуждение.

Цель говения нашего есть приготовление к неосужденному принятию Святых Христовых Тайн, к принятию Самого Господа, Который говорит: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин.6, 56). Как Господь есть пречист, а мы нечисты, то приобщению Святых Пречистых Христовых Тайн предшествует у нас очищение совести и получение всепрощения в Таинстве Покаяния. Кто чист, с тем уже несомненно сообщится Христос Спаситель. Он любообщителен, Сам ищет общения с нами, и если не общится – причина сему наша нечистота. Стало, главное для нас дело есть очищение совести и получение всепрощения в Таинстве Покаяния. Вот на это и обратим ныне всю заботу и попечение.

Очистится в совести и получит всепрощение тот, кто как должно покается. Спрашивается теперь: кто же как должно кается? Тот, кто познает свои грехи и сознается в них искренно, сознавшись, сокрушается о них и оплакивает их, сокрушившись же и оплакавши, полагает твердое намерение более не оскорблять Бога грехами своими, а, наконец, в сих расположениях смиренно исповедует все грехи свои пред духовником, чтоб получить разрешение в них и явиться к Чаше Господней оправданным и чистым пред очами Божиими.

Все сие вам ведомо и было уже совершаемо вами неоднократно, так что и говорить вам о том нужно разве только для напоминания, что, несмотря на частое прохождение сего пути, он все останется тот же, другого нет, и если б кто стал изобретать новый, предпринял бы бесполезный труд.

Итак, опять озаботьтесь познать свои грехи и сознаться в них. Познать свои грехи – значит сказать, что такой и такой грех

совершен нами, а сознаться в них – значит осудить себя в них, сказать: «Виноват», не допуская никаких оправданий и извинений. «Согрешил, виноват» – сии два слова надобно произнести прежде всего, произнести искренно.

Посмотрите же: в чем и как согрешили вы? Не думаю, чтоб это было трудно. Заповеди ведомы и совесть есть: заповедь укажет, что следовало нам делать, а совесть засвидетельствует, сделано ли то нами или нет. Страсть, которую надобно одолевать, и грехи, которыми мы наипаче оскорбляем Господа, не могут укрыться от нашего внимания: они стоят на первом плане и неотразимо теснятся в сознании. Это, по слову Господа, не спица, а «бревно... в глазе» (Мф.7,3)! Вот на них наляжьте всюю строгостию самоиспытания и самоосуждения: ибо есть лукавство в грешном сердце нашем, что оно готово судить себя строго во всем, кроме своей главной немощи – нравственной, между тем как все другое, кроме главных грехов, есть в нравственном отношении малость. И выходит, что при нестрогом внимании к делу, мы способны только «оцеждать комара» и "пожирать верблюда" (Мф.23,24) на нашем внутреннем суде. Сию-то неправоту и исправь каждый в себе прежде всего, то есть познай свою главную страсть и свои главные грехи и осуди себя в них, не допуская никаких извинений. А затем уже обратись к познанию и других грехов, побочных, которые сравнительно с первыми можно назвать малыми, немногочисленными, нечаянными, случайными. Для сего просмотри заповеди Десятословия (Исх. 20, 3–17, Втор. 5, 7–21) и заповеди о Блаженствах (Мф. 5, 3–12) и смотри, какая заповедь нарушена и каких добродетелей недостает в сердце? Как в зеркале чистом, когда в него смотрят с незакрытыми и незапорошенными глазами, видны и малые крапленки на лице, так обнаружатся все наши проступки и грехи в словах, делах и помышлениях, когда заставим совесть свою смотреться в зеркало заповедей Божиих, в слове Божиим указанных. Останется только приложить к сему осуждение себя, сознание своей виновности, и это придет, когда отвергнем всякое оправдание себя чем бы то ни было, не станем извинять себя ни темпераментом, ни обстоятельствами жизни, ни родом

служения и условиями отношений, ни увлечениями, ни неведением – словом, ничем, а сделаем так, чтоб, коль скоро замечен грех, искренно говорить: «Виноват! Безответно виноват!»

Сознавши грехи, надобно оплакать их, сокрушиться о том, что они сделаны. Кто искренно сказал: «Виноват», тому недалеко до того, чтоб сказать: «Зачем же все это мною сделано?», пожалеть о том, устыдиться себя и поболеть пред Господом, утрашиться Суда Его и беды, ожидающей того, кто останется неоправданным во грехах своих! Недалеко до сего, однако ж, и это требует труда над собою, самоуправления и самопринуждения, ибо есть окаменение сердца, по которому, и признавая грех, и не имея чем оправдаться в нем, говорят: «Что же такое?» Вот и надобно рукоятю рассуждения взять молот сокрушительных истин Божиих и поражать ими окамененное сердце, пока умягчится, сокрушится и воздохнет. Помяни неизреченные милости Божии, тебе явленные в творении, Промышлении и паче в Искуплении, и то, как ты оказываешься неблагодарным, помяни совершенства естества твоего, тобою униженные, помяни горькую участь, тобою заслуженную и от тебя, может быть, уже недалекую, помяни прежний покой и теперешнюю тяготу духа, помяни, сколько раз говорил ты: «Не буду! Не буду!» – и все грешил, и еще более и упорнее, чем прежде, помяни, что никто тебя не принуждал, сам по злему нраву своему грешил и оскорблял в лице Бога, Который все видит, и руку Его, которою Он останавливал тебя, ты отталкивал. Помяни смерть, Суд, ад, помяни и прочее все, чем надеешься сокрушить упорное сердце свое. Всячески тревожь его, возбуждай и приводи в движение. К сим размышлениям приложи молитву ко Господу, чтоб, как Владыка всяческих, дал тебе возобладать над сердцем своим и, как огонь вошедший, разварил упорство сердца твоего и избавил тебя от окамененного нечувствия. Все употреби, чтоб дойти до воздыханий сердечных, ибо это есть корень покаяния. Предшествует сему познание грехов, последует решимость не грешить. Но и предыдущее бесполезно и последующего не ожидай, если нет сего связующего их звена – печали сердечной

о грехах. "Печаль" только, «яже по Бозе, покаяние нераскаянно (твердую решимость не грешить) во спасение соделовает» (2Кор.7,10). Что за покаяние, в котором нет сей печали, туги и сокрушения?!

Вслед за болезнью сердца о грехах придет и намерение отстать от них, не оскорблять ими более Господа и не губить себя. А за сим последует Исповедание грехов, самое искреннее, и разрешение их, самое действенное. И совершится Покаяние, воистину спасительное.

Даруй, Господи, всем нам во дни сии сподобиться сего дара Божия! А то что пользы, если без чувств, со скукою или рассеянием будем стоять на службах, досадуя, что долго тянутся, время, свободное от служб, будем проводить в полусне и бездействии, затем холодно проговорим на духу: «Грешен» – про грехи, о которых спросят, и помышления не имея о том, что главною у нас целью должно быть совершенное исправление жизни? Что пользы? Это будет значить – исполнить обычай говения, а не говеть во спасение. «Блюдите убо, как опасно ходите» (Еф.5,15), паче в дни сии, когда враг, не искушая грехами, ухитряется делать бесполезными дарованные нам благодатию Божиею средства к очищению от грехов и тем продолжить владычество свое над нами. Аминь.

8 марта 1861 года

В среду седмицы первой Великого поста (о познании грехов и самопознании)

Вот уже не один день проходим мы подвиг пощения и говения: довольно уже смирена плоть, мысли улеглись, внимание установилось. Пора теперь заняться и окончательным приготовлением к Покаянию и Исповеди. Покаяние с Исповедью – сердце говения. Предыдущие подвиги служат приготовлением к ним, а Святое Причащение увенчивает и завершает все. Без настоящего Покаяния и Исповеди и подвиги останутся бесплодными, и Святое Причащение будет не во исцеление души и тела. Войдемте же в себя и займемся сим как следует. Исповедание грехов не представляет больших затруднений, когда успеет человек совладеть с собою и положить намерение оставить грех, но он не совладает с собою, пока не раскается, не раскается, пока не осудит себя, и не осудит, пока не познает грехов своих. Так исходное дело в Покаянии – познание грехов своих.

Войди же теперь всякий в себя и займись прежде всего рассмотрением жизни своей и всего, что в ней было неисправного. Конечно, всякий готов говорить и говорить о себе, что он грешен, и не говорит только, а нередко и чувствует себя таковым, но сия греховность представляется нам в нас в виде смутном и неопределенном. Этого мало, приступая к Исповеди, надобно определительно разъяснить себе, что именно в нас нечисто и грешно и в какой мере? Надобно знать свои грехи ясно и раздельно, как бы численно. Для сего вот что сделай: поставь с одной стороны Закон Божий, а с другой – собственную жизнь, и смотри, в чем они сходны и в чем не сходны? Бери или свои дела и подводи их под Закон, чтоб видеть, законны ли они, или бери Закон и смотри, исполнялся ли он как следует в жизни твоей или нет? Например, ты был оскорблен и отмстил: так ли велит Закон христианский? Видел погрешности других и осуждал: так ли следует по заповедям Христовым? Сделал что доброе и высился или трубил пред собою: позволительно ли так делать христианину? Или Закон велит в церковь Божию ходить

неленостно и стоять в ней благоговейно, во внимании и молитве: исполнялось ли это? Закон велит не похотствовать, не гневаться, не завидовать, не присвоять чужого и прочее: сообразовалось ли поведение наше с сими правилами?.. Так пройди и Закон весь, и свою жизнь всю. Но чтоб ничего не опустить в сем важном деле самоиспытания, хорошо держаться в нем какого-либо порядка. Вообрази себе яснее все обязанности наши в отношении к Богу, ближнему и самим себе, и потом точнее и подробнее просмотри свою жизнь по всем сим отношениям. Или перебирай заповеди Десятословия, одну за другою, со всеми частными предписаниями, содержащимися в них, и смотри, исполнил ли ты все, требуемое ими? Читай также, кто может, Нагорную беседу Спасителя, где Он изъясняет Закон древний, восполняя его духом христианским, или читай Послания апостольские в последних главах, где излагаются обязательные для христиан дела и распоряжения в общих обозрениях: например, с 12-й главы Послания к Римлянам или с 4-й Послания к Ефессянам, Послание апостола Иакова и святого Иоанна Богослова Первое и прочее. Смотришь во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе какое есть пятно или безобразие.

Вследствие такого пересмотра жизни откроется в числе наших дел, слов, чувств, помышлений и желаний множество или прямо противозаконных, или полузаконных, таких, то есть, в коих не совсем чисты были намерения, хоть они внешне и сообразны с законом, соберется всего многое множество, и, может быть, вся жизнь окажется составленною из одних дел недобрых, как непрерывная цепь или непрерывный ряд изделий безобразных и отвратительных.

Но в этом только начало самопознания и останавливаться на сем не должно. Надобно проходить далее в познании своей греховности, или глубже входить в греховное сердце свое. Под делами и словами, под частными мыслями, желаниями и чувствами лежат постоянные расположения сердца, служащие для них источником, совокупность сих расположений составляет личность человека и определяет его характер: их-то потому особенно и надо узнать. Труда тут немного: добросовестность наша пред собою не позволит нам скрыть, чем обладает

сердце наше и какие обитают в нем властители? А то и осязательного можно указать о том свидетеля, именно: какие действия недобрые чаще вырываются, и притом с такою силою, что мы совладать с собою не можем, для тех надобно полагать в сердце соответственную склонность, или страсть, которая и служит постоянным их производителем. Если, например, кто, указывая на другого, в одном случае скажет: «Смотри, что он делает!», в другом с досадою повторит: «Какая несообразность!», а та мину покажет насмешливую и вообще охотнее и больше говорит о чужих делах с невыгодной стороны, тому нетрудно догадаться, что он недугует богопротивною страстию к осуждению.

Такое рассмотрение приведет нас к познанию господствующих в нас страстей или одной преобладающей над всеми. Известно вам, что корень всему злу в нас есть самолюбие. Из самолюбия выходят гордость, корыстность и страсть к наслаждениям, а от них уже и все прочие страсти. Они все есть у всякого, кто грешит, но не у всех в одинаковой степени: у одного гордость преобладает, у другого – корыстность, у третьего – страсть к наслаждениям. И гордый не чужд корыстных видов и наслаждений, но легко одолевает их, когда удовлетворение ими может унижить его, и своекорыстный готов поутешиться, если это ему ничего не стоит, и прочее. Так, у всякого одна какая-либо страсть господствует, а другие стоят как бы в тени и в подчинении ей. Эту-то господственную и надобно увидеть и определить, чтоб потом на нее решительнее и действовать можно было. Один святой отец говорит: «Господь требует от тебя восстановления целомудрия, а ты богадельни да часовни строишь: исправь прежде первое, и второе благоприятно будет!»

Но и еще далее надобно идти в познании себя. После всего надобно определить общий дух жизни нашей, или отличительную черту ее, именно: кому мы служим? Господу или себе и греху? Что имеем в виду? Себя или Господа – Его славу и угождение Ему? За кого всегда стоим? За имя Божие или за свое? Эта черта определяет, что мы такое сами в себе и чего потому ожидать себе должны? Познанием сего возглавляется

самопознание. Это – общий вывод из предыдущего, который сам собою скажется в совести, ясно определится в сознании и исповедуется пред лицом Господа Всеведущего.

Так, наконец, вообразится вся картина нашей греховности и вся история нашей греховной жизни: дела, чувства и расположения и главный дух жизни! Вслед за сим надобно возболезновать о себе и оплакать грехи свои.

Познавши свою греховность, не будь холодным ее зрителем. Не проходи ее мысленно с таким же равнодушием, как ходят по чужому, запущенному и заросшему дурною травою полю. Приблизь сие познание к совести и вместе с нею начни возбуждать в сердце спасительные покаянные чувства. Сим чувствам естественно самим собою следовало бы происходить в нас, но не всегда бывает так. Сердце огрубевает от греха. Как чернорабочий человек грубеет от свойства своих работ, так грубеет сердце у человека, который сам себя предаёт на черную работу греху и страстям, копает рожцы (выжимки оливковых плодов, шедшие в корм свиньям) и питается ими. Потому нелегко оно умягчается, когда надо бывает возводить его к раскаянию. Вот и еще труд, и труд более значительный, ибо в деле покаяния – все от чувств сердца!

Приступая к сему, прежде всего понудь себя дойти до самообличения, напрягись возбудить в себе чувство виновности, так, чтоб во глубине сердца твоего сказалось: «Виноват!» Тут будет борьба с самооправданием, или извинениями своих падений и грехов. Чтоб отогнать их, устрани из внимания всё, оставь себя одного и Бога Судию и без укрывательства укори себя: знал ты, что не надобно грешить – и грешил, мог воздержаться и избежать увлечения – и не употребил во благо свое своего самовластия, и совесть претила тебе, а ты с презорством (с пренебрежением) заглушал сей Божий в тебе глас. Затем сообрази места, времена и обстоятельства греховных дел своих и из всего извлеки сведения, которые заставили бы сердце твое и совесть твою проникнуться чувством виновности и воззвать: «Виноват! Ничего не имею в оправдание!» Так переходи от одного греха и от

одного нечистого расположения к другому и ко всему, как подпись какую, прилагай: «Виноват!»

Совершая добросовестно сие действие обличения, ты сердечно утвердишь за собою все грехи свои, признаешься, что и в том виноват, и в другом, и в третьем – во всем виноват, облечешься как бы во грехи свои и почувствуешь, что они лежат на тебе всею своею тяжестью, признаешь себя безответным в них и воззовешь: «Окаянен аз!» (Рим. 7, 24). После же того, как произойдет сие в сердце твоём, поспеши возбуждать или изводить из сердца, предрасположенного уже к тому, болезненные чувства, составляющие содержание истинного раскаяния, именно: печаль, что оскорбил Бога, стыд, что довел себя до такой неисправности, жаление, что мог воздержаться и не воздержался, и досаду на свой грешный произвол, не внимавший никаким внушениям разума и совести. Чувства сии сами собою готовы будут возрождаться из сердца после сознания грехов и своей виновности, но ты и сам помогай им развиваться и раздражай их сильнее и сильнее. Пусть горит в них душа, как в огне: чем более будет гореть и чем сильнее будет горение, тем спасительнее. Предел, до которого надо довести сие болезнование о грехах, есть омерзение к грехам и отвращение от них. В сем отвращении опора решимости не грешить и надежда самоисправления. Кто отвращение возымел ко греху, тот стал вне его, или изверг его из себя и имеет теперь полную свободу действовать, не чувствуя влечений его. Вот минута, когда смело можешь приступить к обету не грешить, который произнесется в сердце твоём пред лицом Господа. Пади тогда пред Ним и скажи: «Не буду! Никогда не буду грешить, хотя бы умереть пришлось, только спаси и помилуй!» Сей сердечный обет должен увенчать чувства раскаяния и засвидетельствовать их искренность. Он не в слове, а в чувстве, и составляет внутренний завет сердца с Богом, восстанавливает религию сердца.

Доселе только и имел я намерение довести внимание ваше. Начните распознаванием своей греховности, пройдите чрез обличение себя и болезненные чувства раскаяния и окончите решимостию не грешить, закрепив ее обетом пред лицом

Господа – быть прочее время исправными и в жизни. Кто прейдет весь ряд сих действий, тому никакого труда не будет на Исповеди чистосердечно открыть всю нечистоту свою, тот принесет полную, искреннюю, безжалостную к себе Исповедь и за то получит вседейственное разрешение от Господа, устами духовного отца своего, которое исполнит глубоким миром и обрадованием все существо его. Благодать Всесвятого Духа, не могшая обитать в сердце грехолюбивом, снова вселится в него, и он явится обновленным, как вначале вышел из купели Крещения.

Сей великой и неизреченной милости да сподобит всех нас Господь и Спаситель наш! Аминь.

4 марта 1864 года

**В среду седмицы первой великого поста (духовный
отец – лицо всего человечества, не стыдись
обличать себя на исповеди)**

Господь и Спаситель наш всех зовет к Себе, говоря: «Покайтесь, приблизилось Царствие Божие!» (Мф.4, 17). Послушаем утешительного гласа сего и поспешим ко Господу. Царствие Божие – какое великое благо! И Покаяние – какое легкое, подручное и скородейственное средство! Особенно в дни сии, когда и порядок жизни, и общий голос, и пример, и это трогательное, сокрушенным умилением проникающее богослужение против воли влекут к слезам и покаянию! Правильно святой Апостол пред началом поста, в сыропустное воскресенье всех оглашал: «Се, ныне время благоприятно! Се, ныне день спасения!» (2Кор.6, 2). Оно благоприятно потому, что усыпленный грешник никогда так много не слышит возбудительных воззваний: «Востани, спяй... и освятит тя Христос» (Еф.5, 14), как теперь. И хорошо вы делаете, что, вняв сему приглашению, с таким усердием притекаете к дверям покаяния. Приступайте же дерзновеннее, толцуйте (стучите) неотступнее! Отверзет Многомилостивый, прострет к вам руки Свои и примет в объятия Свои.

Дело Покаяния просто – один вздох и слово: «Согрешил, не буду!» Но этот вздох должен пройти Небеса, чтоб стать ходатаем у Престола Правды, и это слово должно изгладить из Книги живота все письмена, коими означены там грехи наши. Где же возьмут они такую силу? В безжалостном самоосуждении и в горячем сокрушении. Вот сюда и да будет устремлено все наше покаянное рвение: умягчите и сокрушите сердце свое, и потом, в час Исповеди, не устыдитесь открыть все, что стыдит вас пред лицом Бога и людей.

В деле говения самым трудным представляется нам идти на дух и открыться духовному отцу своему, на деле же это должно быть самым отрадным действием. Не отрадно ли покрытому ранами получить исцеление? Запятнанному всякою нечистотою быть омыту? Связанному узами получить свободу?

Но в этом и состоит сила священнического разрешения на Исповеди. Приходим в ранах – отходим исцеленными, приходим нечистыми – отходим убеленными, приходим в узах – отходим свободными. Таково обетование Божие: «Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися!» (Ис.43, 26).

«Оправдишися» несомненно, но прежде «глаголи... беззакония» свои без утайки. Ведай, что только открытая рана врачует, только обличенная нечистота оmyвается, только указанная уза разрешается. Блюда убо, да не неисцелен, неубелен и неосвобожден отыдеши!

Действующий здесь есть Господь. Духовный отец Его лице представляет и Его слово изрекает. Господь знает грех твой, и ты мысленно не можешь не сознавать его пред Господом, но Господь хочет знать, обличил ли бы ты себя во грехи пред лицом Его, если б Он Сам стал пред тобою, или бы стал заператься, как прародители. Почему и положил являть тебе лице Свое в отце духовном, исповедающем тебя, повелев изрекать ему от Своего лица и разрешительное слово, которое потому, будучи произносимо на земле слабою тварию, запечатлевается на Небе силою Божиею.

И другое еще лицо представляет духовный отец – лицо всего человечества. Кто стыдится обличать себя на Исповеди, да гонит стыд сей тем помышлением, что здесь стыд за стыд: стыд меньший за стыд больший, стыд спасительный за стыд безотрадный и бесполезный! Пред лицом всего человечества обличатся некогда все недобрые дела наши и таким стыдом покроют нас, что мы охотнее бы согласились быть заваленными под горами, нежели подвергаться ему. Вот и учредил Господь устыждение пред одним, чтоб чрез то избавить от пристыждения пред целым человечеством. Есть одно препагубное лукавство в сердцах наших: все грехи раскрывают иногда охотно, исключая своего главного – того, который больше всех срамит и стыдом покрывает лицо наше. Чаше всего это плотский грех, но и всякий другой может стать в разряд сей. В ком есть такая немочь, тот готов бывает и все подвиги подъять и всякие добродетели совершать, лишь бы неприкосновенною осталась любимая болезнь. А у Господа таков закон: «Не давай Мне

милостыни, когда страждешь нецеломудрием, не давай поста, когда обременен любостязанием, не давай труда молитвенного, когда недугуешь тщеславием. Свою рану открывай, чтоб исцелиться и украситься противоположною добродетелию». Воодушевься же, всякая душа, преодолеть себя в том особенно, что противится преодолению.

Сей недостойный плод Покаяния следствие недолжного приготовления к Исповеди. Исповеди предшествует говение в трудах пощения, уединения, бдения и молитвословий. Эта часть строгого жития, озлобляющего и сокрушающего плоть, установлена затем, чтоб под сим внешним подвигом зачались и совершились сокрушенно покаянные движения сердца. Она необходима как пособие, но без покаянных чувств цели не имеет и теряет свое значение. Кто сокрушает себя только внешне, о том нельзя еще сказать, чтоб он имел уже силу и к полной, беззазорной Исповеди, но кто при этом сокрушает себя и внутренно, у того Исповедь бывает чиста, полна, неукрывательна. Кто познал грех свой, сознал себя в нем виновным, оплакал его и стал гнушаться им, тот уже внутренно, настроением сердца изрек пред Богом: «Виновен! Не буду!» Такой бывает готов пред целым светом исповедовать, а не пред одним только духовным отцом. И вот где корень целебности покаяния – в сердечном сокрушении о грехах с омерзением к ним! «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс.50, 19). Умягчи же сердце свое, расплавь его сокрушением, и оно само извергнет из себя все нечистое, а Исповедь попалит все то огнем стыда и Божия разрешения.

Сердце слезящее и болезнующее мудрость привлекает, которая научает кающегося так в Покаянии действовать, и внутренно, и внешне, чтоб полными рукоятямижать плоды его, в число коих входит не помилование только и всепрощение, но и полное изменение сердца лучшее, от которого – исправление жизни. Глубоко сокрушенный полно исповедуется и по Исповеди является вполне новым. Помяните примеры Марии Египетской, Таисии, Евдокии, Моисея Мурина, Давида, разбойника и других. О подобном изменении и да ревнует ныне всякий говеющий и готовящийся к Исповеди!

Сокрушение и Исповедь, чрез разрешение, производят сочетание Божеской и человеческой стихии в Покаянии, из коих выходит новая тварь, как вначале, из купели Крещения. Сего и да сподобит Господь многомилостивый всех вас, да изыдете из лечебницы Покаяния все во всем исцеленными и совершенно обновленными, во всех чувствах и расположениях сердца вашего, чтоб отселе любить то, к чему прежде холодны были, и ненавидеть то, к чему прежде пристращены были, чтоб любить вместо гнева кротость, вместо гордости смирение, вместо пьянства трезвость, вместо блуда целомудрие, вместо зависти доброжелательство, вместо ненависти приязнь, вместо скупости щедродательство, вместо сластолюбия воздержание, вместо лености трудолюбие, вместо рассеянности степенность, вместо бранчивости миролюбие, вместо пересуд и клевет доброе слово и блюдение чести ближнего, – словом, вместо всякого порока и страсти противоположную добродетель и благорасположение.

Один добрый покаяльник, когда после исповеди товарищи прежней недоброй жизни приглашали его к обычным утехам, с твердостью отвечал: «Я уже не тот!» Вот в каком настроении надобно явиться и нам в конце поприща говения, чтоб, когда восстанут обычные страсти с требованием удовлетворения, все кости наши рекли им в ответ: «Мы уже не те!»

И будет так, если познаем грехи свои, сознаем их виновность и оплачем их, и отвращение возымеем к ним, и без утайки исповедуем их духовному отцу своему, положив твердое намерение не повторять их более, ибо тогда сила Божия низойдет в нас и мы явимся созданными «во Христе Иисусе на дела благие... да в них ходим» (Еф. 2, 10), уклоняясь от всякого зла. Аминь.

17 февраля 1865 года

В среду седмицы первой Великого поста (скорбь о грехах и решительное изменение на лучшее составляет сердце говения)

Вступив в подвиг говения, мы смиряем себя постом, бдением, хождением в церковь, выстаиванием долгих служб, поклонами, домашними молитвами, чтением душеспасительных книг. Благословенны труды сии, обычно подъемлемые всеми говеющими! Они так необходимы, что без них говение не говение, но не надо при сем выпускать из мысли, что все они суть только средства, цель – вне их, и если не будут они направлены к сей цели, то можно потрудиться в них понапрасну. Тяготу понесем, а плода не вкусим. «Блюдайте убо, братие, како опасно ходите!» (Еф.5, 15).

Говеим мы затем, чтоб исповедаться и Святым Тайнам причаститься, но Святая Исповедь и Святое Причастие завершают собою дело говения, благодатно запечатлевая те сердечные изменения, которые должны возникнуть, созреть и утвердиться во время говения. Когда исповедуемся, говорим обычно: «Согрешил, не буду». Это внешнее слово должно быть выражением внутренних расположений и чувств, которые должны образоваться в сердце прежде сего. Чтоб искренно сказать: «Согрешил, не буду», надо живо сознать свои грехи и положить твердое намерение не поддаваться более увлечению их. Только сим сокрушением о грехах и сим твердым намерением не грешить и красна Исповедь, только при сем она являет свою благодатную силу, только под сим условием она есть целительное врачевство болезней душевных и баня, омывающая скверны сердечные. И вот это-то решительное изменение на лучшее, производимое глубоким болезнованием о грехах, и есть цель всех подвигов говения, какие подъемлем мы теперь. Затем пост, затем стояние на молитве, затем устранение от обычных дел, поклоны и прочее, чтоб ими умягчить свою душу и помочь ей взойти в «печаль... яже по Бозе» и к «покаянию нераскаянному во спасение» (2Кор. 7, 10). Поелику же только при сем Исповедь бывает надлежаща, а при

надлежащей только Исповеди и Святое Причастие являет все свое спасительное действие, то значит, что эта скорбь о грехах и это решительное изменение на лучшее составляют сердце говения. Сюда должно быть направлено все наше внимание и все говетельное усердие и самоутруждение.

Болезнь о грехах, досада на них и отвращение к ним, кажется, должны бы быть так естественны в душе, что и поминать бы о том не следовало. Грех – рана души. Случись рана на теле – мы чувствуем боль и спешим залечить рану: так бы следовало быть и в душе, в отношении ко греху! Бывает, однако ж, совсем не то: грех, рана душу, приносит еще с собою какое-то одурение, в котором поработившийся греху не видит своей беды, не чувствует ее и заботы избыть от нее не имеет. Ослепление, нечувствие и беспечность суть наследство грехолюбия, которое потом и держит грехолюбцев в области греха в безвыходном положении. Грешник справедливо уподобляется погруженному в глубокий сон, и ему крепко надо кричать: «Востани, спяй» (Еф. 5, 14), чтоб он встал.

И вот что предлежит теперь нам сделать с душою своею: пробудить ее от сна греховного, довести ее до того, чтоб она увидела опасность греха, восчувствовала сию опасность и озаботилась избавиться от нее. Спросите, как же это сделать? Отвечу: этого никто не может для вас сделать кроме вас самих. Самим вам надо войти внутрь себя и, став пред усыпленною грехом душою, будить ее от сего сна, как кто может и как сумеет. В сие святилище ваше никакое стороннее лицо не может проникнуть и того, что там должно произойти, никаким внешним делом и подвигом произвести нельзя: все там совершается сокровенным разглагольствием вашим с душою своею, пред лицом Единого Господа, от Которого ничто не сокрыто. Разглагольствие с собою, уговаривание души – это главный прием для пробуждения ее от сна греховного.

Входите же в себя и начинайте действовать добросовестно! Вам ведь все ваше известно: известны ваши страсти и грехопадения. Известно все то и Господу, Которого не можете не зреть из сердца своего. Укрываться нечего. От людей, которые вне нас, можно укрыться, а от себя и от Господа куда

укрыться? Вот это яснозрение себя пред Господом и возьмите исходною точкою при разглагольствии с душою своею. Говорите ей: «Уж нечего кривить, душа, и та страсть худа, и это грехопадение страшно, и такая-то привычка дурна! Заповеди ясные и определенные нарушены и суд за нарушение их ясен и определен. Се, пред сознанием нашим и Господь, заповеди давший и суд определивший! Некуда увернуться: остается или погибать с осужденными, или надо поспешить выйти из сего пагубного состояния». Добросовестно внявши сему разглагольствию пред лицом Господа, вы поставите себя в безвыходное положение во спасение, в противоположность безвыходному положению, в котором держит вас грехолюбие на пагубу вашу. Опасение за себя, за свою участь вечную будет в ваших руках рычагом, которым перевернете вы все свое внутреннее и произведете там спасительное изменение.

Опять повторяю, что это сами вы должны произвести в себе: никто сторонний за вас этого сделать не может. Душа каждого темна для другого. Только для самого человека она становится ясною, когда он войдет в себя и начнет совещаться с собою о том, как быть и что предпринять. Войдите же теперь в себя и там, с душою своею, в сокровенном совете своем, положите: «Что же, душа, все валяться во грехе? Встанем и пойдем твердою ногою к Господу, готовому принять нас!» Чтоб успешнее при сем действовать на себя, обставьте себя возбудительными помышлениями о том, как мерзок грех, как много оскорбляет он Господа, столько к нам милосердного, как много унижает он нас самих, к богоподобию предназначенных, и в какую беду ввергает, здесь лишая покоя и там готовя вечное мучение. Приложите к сему представление, что вы умираете или уже умерли и предстаете на нелюбимый Суд, на котором ни один грех неоплаканный забыт не будет. Все сие представляя, сколько можете, живее переговорите с душою своею: «Ну, что же будем делать, душа, и как решим? Знаешь, что все сие истинно. Точно, мерзок грех пред Богом и всеми святыми, как и пред нашею совестью, и точно такая горькая участь в вечности ожидает за него, если не отстанем от него. Из-за чего же мы с тобою будем себя губить? Сладость греха

мала и минутна, а горечь его безмерна и вечна: бросим его! Разве мы хуже других или обделены чем? Или Господь всех не есть и наш Господь? Или спасительные Его учреждения в Святой Церкви закрыты для нас? Что же бросать нам себя на посрамление пред всеми и на утеху злым врагам нашим и Божиим? Бросим грех! Вот на Исповеди разрешение получим, в Святом Причащении Господа к себе примем и потом с Ним начнем жить по заповедям Его, миром душевным здесь наслаждаясь и блаженство вечное себе готовя там».

Так разглагольствуйте и уговаривайте душу свою, авось опомнится, придет в чувство и воодушевится изменить, наконец, свою худую жизнь и свой Богу неугодный нрав. Мужайтесь! Господь близ! Он назирает за движениями вашего сокровенного делания и готов помочь вам. Как только увидит Он, что вы склоняетесь на добро, тотчас закрепит то в вас Своею благодатию. Без Господа ничего не можем мы сделать, но Он ожидает всегда собственного нашего напряжения на добро и только тогда, как заметит его, тотчас готов бывает к нам с Своею помощью. Почему, совещаясь с душою своею и напрягаясь произвести добрые в ней движения, поминутно обращайтесь к Господу в молитве – все там же, в сокровенной клети сердца вашего. Поговорите душе и к Господу припадите с болезненным взыванием умягчить душу и воздействовать на изменение ее. Потом опять начинайте говорить душе и опять к Господу обращайтесь. Призывайте на помощь Владычицу Богородицу, Ангела своего Хранителя, соименного святого и всех святых. Поминутно так делайте, в храме ли стоите или дома молитесь и рассуждаете, все одно имея в мысли, как бы переломить, наконец, душу свою и направить ее на лучшее. Трудитесь! Придет помощь! Возникнете от диавольской сети и скажете с дерзновением, подобно блудному сыну: «Встав, иду!» (Лк. 15, 18).

И уже идите, не озираясь и не слушая никаких внушений, какие будет всевать в вас тогда лукавый. Начнет он разжигать саможаление или навевать на вас то страх за жизнь, то опасение за расстройство быта, то непреодолимость преград ко введению новых порядков новой жизни, чтоб отвлечь вас от

благого намерения вашего. Не внимайте и решительное изреките в себе определение: «Все приношу в жертву Господу: и состояние, и все труды, и самую жизнь. Не отступлю от своего решения, хоть бы жить мне было, как ходить по иглам». Такое безжалостное решение тотчас разгонит всю тучу смутительных помышлений и положит конец всем покушениям врага. Он бессилен бороться с теми, кои на смерть себя определяют для последования Господу, распеншемуся за нас. В решении сем видна тень крестной смерти, разрушившей область его, и он бежит от него, как от огня. Тут смерть за смерть: смерть во грехе пагубная заменяется готовностью на смерть в борьбе со грехом во спасение, и вот семя новой жизни о Христе Иисусе Господе нашем!

Вот что должно совершиться внутри вас, братие, среди сих видимых трудов и подвигов говения вашего! И тогда только, как сие совершится, говение ваше будет настоящим говением. Тогда, полное разрешение получив на Исповеди, чистыми соединитесь с Господом во Святом Причащении и начнете потом жить во обновлении жизни. Что и да дарует вам Господь, "всем" хотящий «спастися и в разум истинный приити» (1Тим.2, 4)! Аминь.

9 февраля 1866 года

Часть 6. В пяток седмицы первой Великого поста

**В пяток седмицы первой Великого поста
(сокрушение о грехах не есть простое чувство:
предел сердечного о грехах сокрушения есть
твердое намерение не оскорблять более грехами
своими Бога)**

Прошлый раз говорил я вам, что существо говения составляет сокрушение о грехах с твердым намерением не оскорблять ими более Господа и что, когда это будет, Исповедь наша будет действительна и Святое Причащение спасительно. Ныне скажу вам определительнее о сих двух расположениях, чтоб видеть, точно ли они в нас таковы, каким следует им быть, и чрез то получить благонадежное удостоверение, что наше говение, Исповедь и Святое Причащение принесут, наконец, свой спасительный плод.

Сокрушение о грехах не есть простое чувство, а слагается из нескольких чувств. В основе лежит неприятное ощущение от сознания того, что, предавшись греху, мы попали в весьма дурное состояние. Сие ощущение видоизменяется потом, судя по тому, к какой стороне греха обращает внимание свое кающийся грешник. Когда он, исходя из ощущения, обратится к себе, то досадует на себя и на свой злой произвол: зачем поддался увлечению и зачем склонился на внушение соблазна, когда мог устоять и отвратить беду? Когда обратится к самому греху, то уже не видит в нем той прелести, какою прикрыт он бывает, когда падает в него, а видит его безобразным и гадким и начинает гнушаться им и отвращаться от него. Когда обращается к другим людям – членам тела Церкви, то стыдится, что, не будучи ничем заделен сравнительно с ними, так осрамил себя делами непотребными. Когда обращается к Богу, то или порицает себя, жалеет и печалится, что столь милостивого к себе Господа оскорбил грехами своими, или страхом исполняется за свою временную и вечную участь при мысли о правосудии, иногда так видимо карающем грешников. Грешник, искренно сознавший свои грехи и осудивший себя в них, вошедши в себя, переходит от одного из сих чувств к

другому и устрояет в своем сердце плач и сетование о грехах, подобно плачу Иеремии на развалинах Иерусалима или иудеев на реках вавилонских (Пс. 136).

Досада на себя, омерзение грехом, стыд, страх, «печаль... по Бозе» (2Кор. 7, 10) и окаявание себя пред Ним в деле покаяния и омовения себя слезами сокрушения похожи на разные приемы, употребляемые в быту нашем, когда моют нечистое белье, и у добросовестного делателя скоро достигают они своей меры и производят свое действие в сердце его. Ведать, однако же, надобно, что не все сии чувства имеют одинаковую цену: болезнование о грехах из-за страха вечных мучений, из-за стыда пред другими, из-за отвратительности греха с досадою на свой произвол есть болезнование низшего достоинства – несовершенное, болезнование же о грехах ради того, что ими оскорблен Всеблагий Господь наш, есть болезнование высшего достоинства – совершенное. Святой Апостол именует его «печалию... по Бозе» и ему приписывает соделывание в нас «покаяния нераскаянного» (2Кор. 7, 10), или решительного намерения не грешить. К сей-то печали и надобно возводить свое покаянное сетование, или им завершать покаянные чувства. Нельзя сказать, чтоб и те несовершенные чувства ничего не значили: и они делают свое дело в покаянии, только на них останавливаться не должно. Можно употребить их как предварительное приготовление, как средство как-нибудь умягчить окаменевшее сердце, а потом от них и чрез них привыкшее уже к сетованию о грехах сердце надо переводить к «печали... по Бозе». Тут конец. Только «печаль... по Бозе» делает наше болезнование о грехах Богу приятным и привлекает от Него благодать помилования. Только она полагает твердую основу решимости не грешить. Сторонние виды здесь отдаляются и сердце начинает оживляться любовью к Богу, которая и дает ему дерзновение положить намерение и дать обет не оскорблять более грехами своими милосердного Бога, так как она составляет силу, не преодолимую никакими греховными влечениями. Сего-то достигнуть и позаботьтесь, плачевные болезненники о грехах своих! Не думайте, что это труд, который вам не под силу. Сделайте только такой оборот

своему сокровенному деланию: воспроизведите посильнее сознание великих к нам Божиих благодеяний и поставьте против него мысль о том, какую неблагодарность являем мы, когда грешим. Сколько естественно нам чувство благодарности, столько же естественна и печаль, если не угодим чем благодетелям. Вот у вас и возникнет «печаль... по Бозе», печаль, что оскорбили Бога, от Которого непрестанно получаем одни милости и Который готов не только продлить их, но и увеличить и на всю вечность и укрепить за нами.

Поспешите так сделать, ибо те чувства – стыд, страх, досада, – если оставить их одних, развивают одну безотрадную болезненность, которая, пожалуй, может совсем отуманить нас и столкнуть к черте отчаяния. "Печаль" же "по Бозе", при всей болезненности, отраду разливает и благонадежием помилования исполняет сердце. Ибо возбуждается сознанием любви Бога к нам и приемлется наша любовь к Богу, которая, при всей нашей виновности, научает нас видеть в Боге Отца чадолюбивого, жалеющего Своих неисправных детей и всегда готового миловать их, когда они с раскаянием возвращаются к Нему. «Печаль... по Бозе», верою поддерживаемая и любовью оживляемая, дает ощутить и беспредельность к нам милосердия Божия, по которому, – пусть грехи наши умножатся паче влас главы или даже паче песка морского, – Бог готов простить их всякому, раскаивающемуся в них искренно. Каину и Иуде недоставало сего чувства, и они погибли в отчаянии. От чего да сохранит всех нас милостивый Господь, да сохранит как от окамененного нечувствия, так и от его погибельного отчаяния! Да дарует нам и глубокое сокрушение, и болезнование сердечное пред Ним о грехах, оскорбляющих Его, и вместе утешительное упование помилования!

Если б кто спросил: «Как знать, что мы достаточно поскорбели о грехах своих или что сердечное о них сокрушение произвело в нас свое действие?», тому ответим: «Предел сердечного о грехах сокрушения есть твердое намерение не оскорблять более грехами своими Бога. Такое намерение есть прямой плач сокрушения и означает, что сокрушение наше было

искренно, полно и Богу угодно. В свою очередь, и сие намерение обратно воздействует на сокрушение: утоляет жгучесть его и умягчает и благонадежие помилования оживляет и возвышает. Все в покаянии связано одно с другим непрерывною цепью, потому не довольствуйся чувствами скорби, но в то же время, как скорбишь, понуждай себя и к оставлению грехов, располагаясь не впадать более в них и не поставлять себя в такое скорбное и томительное состояние. Какой больной, узнав причину болезни, тотчас же не решится впредь всячески отстранять сию причину? Кто, поткнувшись о камень и разбившись, не даст зарок не ходить более путем тем? Так, кто почувствует боль от грехов и сознает, как они разбили его, не станет долго разгадывать, а тотчас положит конец грехолюбию своему. Тут же, когда возболезнует о грехах, приводить будет на память все случаи греховные и, видя в чем, где состояла оплошность, положит избегать их всячески, определяя и самый способ к тому. «Был, например, в таком-то доме и вот в какой грех впал: не буду более ходить туда. Сдружился с такими-то людьми и они вот чему меня научили: разорву теперь всякую с ними связь. Пустился на такую-то забаву и вот что случилось: теперь ни за что уж себе того не дозволю». Так, пересматривая всю свою жизнь греховную, искренно кающийся и скорбящий о грехах своих полагает благие намерения, как, где, что исправить на всем пространстве своей жизни, чтоб не падать в грехи, и тут же распоряжения и порядки делает соответственно таким намерениям, говоря в себе: «Хоть умереть, а уж никак не пойду теми путями, которые завели меня в такое пагубное состояние». Как тот, кто, чувствуя в душной комнате стесненное дыхание, стремительно бежит вон, чтоб подышать свежим воздухом, или как тот, кому стало несносно тесное платье, сбрасывает его при первой возможности, так грешник, возболезновавший о грехах, сбрасывает с себя бремя их и стремительно бежит из нечистого и тлетворного дома греха в чистую и пространную область богоугодной жизни.

Вот у кого наконец образуются в сердце такие распоряжения и порывы, тот явится совершенным говельщиком. Такой не запнется потом на Исповеди и не станет скрывать

грехов своих, но с желанием все их извергнет из себя вон, как яд какой. Кто же так исповедуется, тот чистым приступит к Чаше Господней и достойно сподобится причаститься Святых Христовых Тайн. А кто сего сподобится, тот приимет в себя Господа и с Ним все силы, «яже к животу и благочестию» (2Пет. 1, 3), и станет прочее жить в нынешнем веке благочестно, целомудренно и праведно.

Господь и Спаситель наш да расположит всех вас так, чтоб вы оказались достойными принять сие неизреченное сокровище! Аминь.

11 февраля 1866 года

В пяток седмицы первой Великого поста (ждите Господа в благоговейном безмолвии: приготовьтесь встретить его, принять и упокоить в себе достойным образом)

«Покайтесь, приблизися бо Царствие Божие» (Мф.4, 17). Так говорил Господь о Своем явлении на землю, о том, что Он – Царь спасительного Царства – уже пришел и пребывает между людьми. О сем же вразумляя пытливых, в другой раз Он сказал: «Се... Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк.17, 21). Но тогда Он внешне был среди людей, пролагая только и устроая способы к внутреннему в них вселению. Ныне же в тех, кои живою верою чрез Святые Таинства вступают с Ним в общение, Он внутрь входит – в сердца их – и там царствует Царем желанным и спасительным. Ибо говорит: «Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин.6, 56). И те, кои сподобились сего блага, исповедуют: «Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал.2, 20).

Сие-то вожделенное воцарение Христа Спасителя внутрь нас приблизилось к вам, братие! Вот, полдня только уж осталось до той минуты, когда примете вы в себя Господа: приготовьтесь же сретить Его, принять и упокоить в себе достойным образом.

Невидимо внутрь вас внидет Господь. Войдите же в себя и все там упорядочьте: всякую нашедшую пыль пустых и праздных помышлений сметите вздыханиями и охраняйтесь богомыслием, всякую нечистоту грешных чувств и расположений смойте слезами, хранитесь святым трезвением, все испорченное и изломанное падениями исправьте и восстановите искренним покаянием и оградитесь святою ревностью к исполнению заповедей. Света побольше впустите чрез окна искренней и непоколебимой веры в созерцании тайн Домостроительства нашего спасения. Облагоухайте храмину сердца ароматами молитв и теплого к Богу устремления чувств, паче же заготовьте дорогое и Любезное Ему покоище в нелицемерной, полно и всецело Ему преданной любви.

Так устроившись, соберитесь еще глубже внутрь себя – и ждите Господа в благоговейном безмолвии, с желанием и страхом, с горячим усердием и бодренным вниманием. Не суетитесь и ничем внешним не развлекайте себя. Всячески сохраните сие теплое внутри-пребывание, которое стяжали вы говением и молитвами и которое особенно осенило вас или осенит после полной и искренней Исповеди. Об одном только попейтесь: дары приготовить Господу и разложить их все по приличным местам.

Сторонних даров не принимает Он: в себе самих ищите их и, как Он Сам дает Себя вам, то и вы себя, со всеми силами естества своего, готовьтесь принести Ему в жертву. Расположитесь принести Ему, прежде всего, свое лицо – сознание и свободу, чтоб в Нем исчезать и Его воле единой во всем покорствовать. И этот дар – высший – положите на первом месте под святыми. Затем по правую сторону положите готовность Господу посвятить все силы души: разум с обещанием иметь его верным хранителем истин, Господом принесенных на землю, волю со всеми желаниями, расположениями, обещая не давать ей свободы выступать из пределов, заповедями Господними начертанных, сердце со всеми чувствами и сочувствиями, обещаясь заглушить в нем всякий вкус к плотскому, нечистому, страстному и воспитать один вкус к тому, что чисто, свято и небесно. По левую сторону положите готовность Господу посвятить все силы тела, обещая всякое воздержание от чувственных удовольствий, хранение чувств зрения и слуха, обуздание языка, связание вольнодвижений, умеренность в пище, сне и отдыхе, неленость в труде, удаление от пустых развлечений и всестороннюю степенность поведения.

Заготовив все сие внутрь себя и расположив богоприлично, в напряженном держите себя внимании, возгревая в сердце теплое и желательное к Господу устремление, одно еще только соображение делая, как в первый раз принять Господа, когда приблизится и внидет. Ведайте, что сие совершается Божеским Ему поклонением, которое должно изречь и исполнить все

существо человека, и, ведая, готовьтесь к тому, делая предварительные в сем опыты и упражнения.

Вот все приготовление к сретению Господа! Поверьте теперь себя по сему указанию, которое не есть перечисление произвольно придуманных положений: и если окажется что недостающим, восполните то – время еще есть. Покажите к сему делу все усердие и всю заботу, особенно избежать стараясь небрежения, холодности и одного механического исполнения внешнего при сем порядка действий. Когда будет усердие и забота к достойнейшему принятию Господа, тогда Он не взыщет, если не найдет чего приготовленным, сие усердие приемля взамен недостающего, а когда нет усердия, все будет ни во что, как и между нами бывает, что пышный прием с одною формальностью холодною не удовлетворяет посетителя и приятности ему не доставляет.

Если душа почему-либо упорничать станет в чем-нибудь, вы поставьте ее в тесноту, в которую поставило нас, в отношении к Святому Причастию, благое Промышление Божие, в отгнание сна, лености и дремания беспечности. Протолкуйте ей: «Не хочешь погибнуть? Иди причастись, ибо Господь сказал с подтверждением: «Аминь, аминь глаголю вам: аще не снете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, Живота не имате в себе» (Ин.6,53). Но причастись с должным приготовлением, ибо, если не сделаешь этого, не во спасение, а на пагубу будет Причащение твоё, как учит Апостол, говоря: «Ядый... и пийй недостойне, суд себе яст и пьет, не разсуждая Тела Господня» (1Кор.11,29)». Так, нам тесно от обоих: не причастишься – "Живота" не будешь иметь, причастишься «недостойне» – на осуждение себе причастишься. Что же остается сделать? Приготовиться как должно. Трудно будто это? Ведь не горы переставлять требуется, а произвести изменение в мыслях, чувствах, расположениях, словах и делах, которые все в руках наших. От нас же зависело, что в них прокралось что худое: как же будет зависеть не от нас отбросить сие худое? Делал худо – решишь перестать и начать делать хорошо. Думал худо – решишь перестать и начать думать хорошо. Расположения были худы – решишь отменить их и напрягись к

расположениям добрым. Какой тут труд? Одно желание – и все совершится! Добро бы требовалось множество дел, уже совершенных, и множество всякого добра, сердечного и умственного, уже стяжанного, можно бы еще отговариваться, а то нет: Господь довольствуется одним благим намерением впредь удаляться от зла и творить благо. Хоть бы ты был весь во грехах, но, как скоро во всем покайся и положил твердое намерение во всем угождать Господу, ты готов. Приступи, принося Господу одну эту решимость всего себя, все силы свои и всю жизнь на будущее время посвятить Ему Единому.

Сие же исполнив, с дерзновением да приступаем к престолу благодати, не тревожа себя ложными страхами и не губя неразумною дерзостью. Господь с милостями идет: возжелаем Его. Идет не судить, а простить, не карать, а миловать, не поражать, а врачевать и восстанавливать. Соединясь с душою, Он исполнит ее благих Своих.

Милостивый Господь да умудрит вас и взыскать Его, и принять так, чтоб, вошедши, Он возвечерял с вами и вы с Ним (Откр. 3, 20)! Аминь.

19 февраля 1865 года

В пяток седмицы первой Великого поста (как должно нам расположиться и действовать, чтоб достойно приступить к Святым Тайнам)

Вот и суток уже нет до той великой минуты, когда примете вы в себя Господа. Радуйтесь и веселитесь! Но вместе не забывайте и того, что как минута сия есть самая драгоценная в жизни вашей, то она требует всего вашего внимания и всей осмотрительности. Господь Сам хочет даться вам и с Собою принести дары Свои. Сколько неразумно не воспользоваться сею туне (даром) предлагаемою милостию, столько преступно приступить к принятию ее не так, как достоин. «Ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая Тела Господня» (1Кор.11, 29).

Сие ведаете и, конечно, всякий по силам своим усердствует явить себя достойными во спасение принять грядущего к вам Господа, в Святах Своих Тайнах. Полагаю, что и теперь вы тем же заняты, и я хочу подойти к мысли вашей с словом своим и вместе с вами до подробности разъяснить, как должно нам расположиться и действовать, чтоб достойно приступить к Святым Пречистым Христовым Тайнам.

Начнёмте с сей же минуты и будем идти шаг за шагом, пока приблизимся к самой Чаше Господней, определяя на всем протяжении спасительный образ настроения и действия.

При самом первом движении сретает нас святой апостол Павел с своим кратким, но строгим наставлением: «Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет» (1Кор11, 28). «Да искушает... себе»: пусть испытает, достоин ли, и в сей уверенности должен приступить к Святым Тайнам, ибо, если приступит «недостойно», будет "суд себе" ясти и пити (1Кор.11, 29). Ах, братие! Страх наводит слово сие на грешную душу. Ибо кто может сказать, что он точно достоин приступить к Трапезе Господней? Сколько грехов! Сколько нечистот! Сколько явных оскорблений Господа! Страшно приступить, но и не приступать небезопасно, ибо, если не вкусим Плоти Господа и не пием Крови Его, Живота не имеем в себе (Ин. 6, 53). Тесно

нам от обою. Что же сотворим? В объятия Самого милосердного Господа повергнем себя, вопия Ему: «Милостиве Спасе! Пощади нас, недостойных, и милостию Твоею покрой недостойнство наше!»

Не слишком, однако ж, мятитесь, братие, чтоб не тревожить себя пустыми страхами. Господа оскорбляет не только то, если кто неготовый с дерзостью приступает к Чаше, но и то, если кто без разбора мучит себя беспорядочно боязливостию. Милосердый Господь не связывает нас невыполнимыми условиями и требует от нас немногого, что всякий без затруднения в силах выполнить, если захочет. «Кто, – говорит святой Димитрий Ростовский, – исповедал грехи свои совершенно, ничего не утаивши, кто жалеет о них, плачет и кается, кто имеет волю и неперменное намерение не возвращаться более ко греху, но блюстись опасно от всякого грехопадения, кто постом и молитвою и другими подвигами благочестия приутрудил себя, умиловляя Господа, кто со всеми примирился и ни с кем не оставил у себя вражды, тот достойно готов «и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет» (1Кор.11, 28)!» Если все сие выполнено вами или выполнится – благонадежно приступите к Господу с детским смиренным дерзновением. Мы грешны, кругом грешны, но Господь и пришел грешных спасти. Не грехи – преграда, а упорство во грехах и нераскаянность. Если это есть – не приступайте! Грехи же оплаканные, исповеданные и разрешенные уже не в вас, или не на вас. Они то же, что сучья, отрубленные от дерева: когда любили грехи, они были на дереве жизни нашей живыми ветвями и питались от него, когда же мы отвратились от них, стали гнушаться ими, раскаялись и исповедались, – этим действием мы отсеки их от себя. В минуту разрешения они отпали от нас. Теперь это сухие ветки и Господь идет попалить в нас сие терние прегрешений. Так, преимущественная забота ваша да будет – грехи свои сознать, оплакать, исповедать и положить твердое намерение отстать от них. Сделано ли уже сие вами или будет ныне сделано, благодарите Господа. Чрез разрешение грехов Он Себе приготовляет в нас достойную Себя обитель, очищенную и пометенную.

К сему главному действию останется приложить потом еще одно – сохранить неразвлеченным внимание и сердце безмятежным... Блюдитесь убо рассеяния и смятенных забот. Если на всю неделю были оставлены обычные дела, то тем паче обязательно не касаться их теперь и, от всего отстранившись, в себя войти и там пребывать с единою мыслию о Господе, имеющем прийти к вам. Всякое движение сторонних мыслей прекратите и, Единого Господа созерцая, молитесь Ему умною немногословною молитвою, говоря каждый в себе: «Не отвержи мене, Господи, от лица Твоего (Пс. 50, 13)! Не погнушайся мною, много оскорбившим Тебя! Не отжени меня от Трапезы Твоей, как нечистого! "Живи же мя по словеси Твоему» (Пс. 118, 25)! Посети мя по милости Твоей, хоть недостойного! Прииди ко мне, погибающему, и спаси мя!» Или просто одно слово тверди: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Или и без слов в сердце припадай к стопам Его, милости чая!

Этим одним можно бы ограничить весь нынешний приготовительный труд. Но, если мысль не будет сильна пребывать в сем едином, дайте ей в занятие размышление о самом Причащении и, чтоб она не блуждала много, связывайте ее словами Господа и святых Апостолов о сем Таинстве. Пусть внимает тому, что сказал Господь. Пусть поучается в том, что изрекли Апостолы, и созидает тем душу свою.

«Я хлеб живой, – говорит Господь, – сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 51, 53–56). Размышляйте о сем и поучайтесь! Или возьмите, что на Тайной вечере говорил Господь: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое... пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя» (Мф. 26, 26–28). Или то, чему учил Апостол: «Посему, кто

будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней» (1Кор.11, 27), и прочее, что я приводил уже в начале беседы.

Дайте какое-либо из сих изречений уму своему, и пусть рассуждает, извлекает из него назидание себе и к сокрушенной молитве себя располагает. Когда придет молитва, падайте пред Господом мысленно, или с телом, и не отступайте от молитвы, пока есть молитва. Отойдет или ослабеет молитва, размышлением подогрейте ее и опять молитесь.

Так, непременно в богомыслии и молитве, позаботьтесь провести весь остаток нынешнего дня, и особенно вечер, пока не успокоитесь сном. Вот, настанет утро. Как только откроете вы очи свои, поскорее возьмитесь за свою мысль и поспешите воскресить в ней сознание величия наступившего для вас дня – дня преблагословенного во днях жизни вашей, говоря в себе: «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся да возвеселимся в оны! Наступила Пасха для души моей!» Но не суетитесь и не развлекайтесь многим, поспешите опять собраться с мыслями и установить внимание ваше на «едином... на потребу» (Лк. 10, 41–42) – на том, что имеет быть с вами и для вас. И в этом духе готовьтесь во святую церковь к Божественной литургии, поспешая к коей, говорите себе: «Се, Жених грядет, изыдем в сретение!» (Мф. 25, 6). И идите так, чтоб не погас светильник, возжженный в сердце вашем.

Блюдитесь! Враг всячески будет покушаться погасить светильник сей, навязав на душу какое-либо недоброе состояние, или рассеяние мыслей, или заботу о чем-либо, или недовольство чем, или неудовольствие на кого и подобное. Всякое из сих движений вносит смятение в душу и расстраивает ее. Сохраните внимание и обращение к Господу ума и сердца и избежите сего преткновения.

Так, блюдя благое настроение, войдете вы в храм Господень. Здесь пребывая, так себя чувствуйте, как бы вы были в Сионской горнице, среди Апостолов, коих причащал Сам Господь! Ибо и здесь, как и там, Он «есть действуя» (Флп. 2, 13), Он – раздаваемый, Он же и раздающий. Он То, Чем причащаться имеете, Он же причащающий.

Священнодействующий есть только орган Его. Священнодействие будет приготовлением Трапезы именно для вас. Приготавливаемое есть Пречистое Тело и Пречистая Кровь Господа, Приготавливающий же есть Господь. Внемлите же и со страхом и благоговением предстоите.

Внимайте паче, нежели когда, всему читаемому и поемому и все направляйте к тому помышлению, что это для вас готовит Господь спасительную Вечерю, и соответственные тому возгревайте чувства и расположения, принося их как жертву в сердце Господу Всевидящему. Возгревайте веру в действительное присутствие в Святых Тайнах Самого Господа и Спасителя, Который, на Небе во Славе одесную Бога и Отца сидя, здесь невидимо пребывает и благоволит сокровенно, под видом хлеба и вина, даваться верным для приготовления их к небожительству. От сей же веры исходя и мысленно созерцая Господа, грядущего с Неба посетить вас, самоуничиженно взывайте, по примеру праведной Елисаветы, посещенной Материю Господа: "Откуда нам сие, что Сам Господь хочет прийти к нам?" (Лк.1, 43). Или словами пророка Давида: «Что есть человек... яко посещаеши его?» (Пс.8, 5). Или сотника: «Несмы достойны, да под кров наш внидеши" (Мф.8, 8). От самоуничижения переходите потом к сыновнему страху, не отревающему, а благоговейную трезвость приносящему и поставляющему дух наш в состояние бесплотных, в страхе лицо свое закрывающих, но не бегущих от Престола Божия, а только велегласно взывающих: «Свят! Свят! Свят!» (Ис. 6, 2–3). Ибо воистину здесь Господь. И Господь внидет в вас. Какая душа не готова была бы воззвать с апостолом Петром: «Изыди... грешен я» (Лк.5, 8), если б, по заповеди Господа, самая сия грешность не обязывала и искать, и чаять сего посещения Господня? Сею-то волею Господа и воодушевляйтесь к дерзновенному желанию, жажданию Господа и с некоторою стремительностью, нетерпением и неудержимостью порывайтесь принять Его, как стремительно "елень" бежит «на источники водные» (Пс.41, 2), помня слово премудрости, глашающей: "Идите, вкусите хлеб, который я приготовила вам, и пейте вино, которое растворила вам» (Притч.9, 5), и слово Самого Господа, зовущего: «Жаждай

да грядет ко Мне!» (Ин.7, 37). «Се, жаждем, Господи, – скажите в сердце своем, – и благонадежно течем к Твоей щедродательности! Ущедри нас, Многомилостиве, и подаждь душам нашим здравие, яко больным, очищение, яко прокаженным, свет, яко омраченным, крепость, яко расслабленным, утешение скорбным, мир смятенным! Чаем, Господи, что все сие будет нам вместе с приятием Тебя, Источника всех благ!» От сего же чаяния, которое не посрамит, опять переходя к себе и свою готовность сретить и приять Господа свидетельствуя, снова сильнее возгрейте сердечное сокрушение и обещание не поблажать греху, хоть бы сего ради умереть пришлось, и, оплакивая прошедшее, Самого Господа молитесь омыть, очистить, убелить вас в светлое жилище Себе, вопия к Нему: «Наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя!.. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!» (Пс.50, 4, 12).

Так, переходя от одного чувства к другому: от веры к самоуничижению, от самоуничижения к страху, от страха к желанию, от желания к надежде, от надежды к сокрушению, – вы составите внутри себя песнь затрапезную, которая Господа усладит и привлечет внимание небожителей!

В сем-то благодатном настроении и небесном осенении приступите, наконец, к Чаше Господней, которую зря, воздайте поклонение приближающемуся к вам Господу, с апостолом Фомою воззвав: «Господь мой и Бог мой!» (Ин.20, 28). И, отверзши уста и сердце, примите Господа смиренно и благоговейно, трезвенною мыслию моляся Ему словами святителя Димитрия: «Вниди, Свете мой, и просвети тьму мою! Вниди, Животе мой, и воскреси мертвость мою! Вниди, Врачу мой, и исцели язвы мои! Вниди, Огню Божественный, и попали терния грехов моих, и сердце мое пламенем любви Твоей разжги! Вниди, Царю мой, сяди на престоле сердца моего и царствуй во мне – Ты един Царь мой и Господь!»

Приготовьтесь, как сретить Господа, и Он внидет в вас несомненно и возвечеряет с вами в сердце вашем (Откр. 3, 20). Тогда не востребуете, «да кто учит вас» (1Ин. 2, 27), ибо единый всех Учитель будет в вас. Ему и внимайте ухом сердца и на

хартии ума печатлейте глаголы Его. Он всему научит вас, только попекитесь удержать Его в себе со всею заботливостью и всем вниманием, предлагая Ему то одно, что Ему угодно видеть в вас. Аминь.

6 марта 1864 года

Часть 7. В субботу седмицы первой Великого поста

В субботу седмицы первой Великого поста (в сподоблении Святого Причастия не конец, а начало трудов и подвигов)

Опять слезы и всепрощение! Опять возвращение и объятия Отчи! Опять Вечеря и брачный пир! Слава долготерпению Твоему, Господи! Слава снисхождению Твоему, Владыко! Слава щедродательности Твоей, Святой! Се, братие, с нами воистину делом совершилось то, что в притче только предобетовал Господь. Человеколюбивый Отец Небесный из внутреннейшего и сокровеннейшего чертога Своего исшед, издалеча узрел нас, сокрушенно возвращающихся к Нему, и, притекши, милосердо пал на выи наши и облобызал нас, и, в знамение совершенного примирения, облек нас в одежду оправдания первую, дал перстень обручения приискренного, наплат пищею нетленною и веселиться повелел о нас всем Ангелам и святым (Лк. 15, 20, 22–23).

Вот чего сподобились мы, а много ли потрудились? Да и то, что потрудились, наше ли было? Господь призвал нас к говению: это дело Его благодати. Мы вняли сему призванию: и это не без Его содействия. Затем потрудились в говении: и это с помощью Его благодати. Свое ли было и то, что добросовестно проследили мы жизнь свою, обсудили ее при свете заповедей Божиих, осудили и оплакали все несогласное с ними и, повергши все бремя грехов к ногам Христа Спасителя, невидимо принимавшего Исповедь нашу, положили твердое намерение себя более не осквернять грехами и Господа не прогневлять ими? Только в сем последнем решении совместно действовало наше произволение и сила. И вот за эту малость – все милости. Ибо собственно сим решением отверст вход в сердце Ему, толкавшему в него. И се, Он вошел и вечеряет с нами (Откр. 3, 20), пришел и обитель сотворил в нас (Ин. 14, 23), по неложному слову Своему: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56).

Так мало труда и сколь велико дарование! Но это-то тем более и обязывает нас позаботиться о том, чтоб явить себя

достойными дара. Блудный сын, ради сердечного раскаяния принятый опять в милость отчую и в права сыновства, не бросался уже более опрометчиво разматывать достояние, в обладание коим снова введен. Память о прошедшем неразумии научила осмотрительности и вниманию. Будем подражать ему и поревнуем удержать себя в доме Отца, в воле Его, в трудах послушания и благоугождения Ему. Будем внимать себе и свято блюсти слово, которое так часто повторяли мы пред Ним: «Согрешил, не буду! Согрешил, не буду!» Не дадим себе послабления и не допустим поблажки снова поскользнуться на то, что осуждено уже совестью и оплакано сокрушенным сердцем.

Простираясь мыслию вперед, не послабления и поблажки себе обещайте, а приложения труда к труду и подвига к подвигу. Не уподобляйтесь тем, кои, кончая говение, как бы сбрасывают с себя какие невольнические узы и предаются снова всей беспечности и всей свободе невнимательной к себе жизни. Не конец видите в сподоблении Святого Причастия, а начало трудов и подвигов. Так себя считайте, что вы то же, что расстроенная машина, ныне только окончательно исправленная. Настало время работы, а не конец ее. Положили намерение быть исправными во всем пред лицом Господа – и трудитесь над сим, вспоминая все, что кто обещал Ему в час раскаяния, и понуждая себя неотложно исполнять то. Кто молитву обещал – молись, кто пост – постись, кто благотворение – благотвори, и всякий, кто что благое предлагал в сердце своем, делай то, не жалея себя, чтоб всегда с дерзновением несмущенно обращать нам очи ума своего ко Господу, «испытующему сердца и утробы» (Откр. 2, 23).

Приняли мы Господа, позаботимся же удержать Его в себе всеми силами существа своего. Обыдем Его непрестанною памятью о Нем, посвящением славе Его всякого дела нашего и труда, сладостным пребыванием во всех чинах священных, коими угодно было Ему облечь жизнь нашу. Делая так, мы дадим Ему возможность поглощать в нас часть за частью, силу за силою, чтоб, сорастворившись наконец всецело с нами, соделать нас едины с Собою. Как лекарство, воспринятое

телом, сначала оживотворяет центр жизни, а из него потом уже и все тело, исцеляя в нем член за членом, так постепенно воздействует в нас и Господь, принятый ныне, пока исполнит Собою всё в нас, под одним, однако ж, тем условием, если всякое напряжение сил в нас будет совершаться не иначе, как по Его воле, на угождение Ему.

И сбудется над нами то, что Господь будет «всяческая во всех» нас (Еф. 1, 23), по обетованию, Им Самим данному: «вселиться» и "ходить" в нас (2Кор. 6, 16). Будет Он ходить в нас, носимый нами, и держа нас, и движа. Как столп облачный, бывший среди израильтян, управлял всеми их движениями (Чис. 9, 17) или как в видении пророка Иезекииля животные и колеса двигались по направлению восседавшего на них (Иез. 1, 12, 20), так и в нас будет всё Господь «и еже хотети, и еже деяти о благоволении» (Флп. 2, 13). О, даруй, Господи!

Но это – блаженная страна обетования, а дотоле – труды и поты во славу Господа, на которые и обречем себя отныне, моля Его, давшего нам плоть Свою ясти, пройти во уды (члены телесные) наши, во все составы (суставы), во утробу, в сердце, попалить везде в нас терние прегрешений и все в нас очистить, освятить и удобрить, да будем «селение Его Единого, и не ктому селение греха».

Буди сие всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава со Отцем и Святым Духом вовеки! Аминь.

16 февраля 1863 года

В субботу седмицы первой Великого поста (о духовном удовольствии молитвенного пребывания с Господом)

Ныне сподобились вы Трапезы Господней и чрез Святое Причащение приняли в себя Господа. Какая великая милость Божия! И не место бы теперь слову, но не могу удержаться, чтоб не пригласить вас исповедать сию великую милость и воспользоваться ею как следует.

Душа наша есть тварь жаждущая, а Господь есть всенасыщение. Пришедши в вас, Он принес вам вседовольство. Се, вода, от коей пьющий «не вжаждется во веки» (Ин.4, 14), по обетованию Его. Господь в вас – свет ведения, Господь в вас – широта любви, Господь в вас – радость и мир, Господь в вас – упование славы. Чего еще искать? И куда еще устремлять сердце свое? Удержите даровавшего вам Себя Господа и довлеет вам.

Удержите Господа и насладитесь Им. Не скоро обращайтесь к другим предметам. Не давайте ни мыслям рассеяния, ни желаниям поблажки, ни чувствам послабления. Продолжайте духовное удовольствие молитвенного пребывания с Господом. Душа ваша искала Господа, и Господь желал души вашей: вот вы вместе теперь, не отходите же от Господа.

Когда приходит дорогой гость, чего не готовы бываете вы сделать для него, чтоб ему было приятно у вас и он не скоро ушел от вас? Се, Господь посетил вас: а кто дороже Его? Истощитесь же в средствах усладить Его в вас пребывание и не отгоните от себя. Знаете, что Ему угодно: все то и предлагайте Ему, все же неугодное Ему отстраните от себя. Любит Господь смирение, кротость, правоту, миролюбие, чистоту, терпение, благопокорность, трудолюбие, всякое воздержание: все то и позаботьтесь возыметь и предложить Ему. Не любит Господь зависти, вражды, гордости, пересудов, тщеславия, рассеянности, лени, гнева, невоздержания: от всего этого и удерживайтесь. И Он навсегда пребудет с вами, а с Ним и всякое довольство.

Мы ищем вседовольства сердечного – так уж устроены, но найти его нигде нам нельзя, кроме Господа. Господь есть всё для нас: Он живот наш, Он свет наш, Он покой наш, Он радость наша, Он сила наша, Он ограда наша, Он всё наше. Ныне Он пришел, чтоб исполнить нас всех благ. Вкусили вы Господа, увидите же, как благ Господь. Увидьте и не обращайтесь инуды сердца своего. Подражайте душе, в виде невесты изображенной в Песни песней. Та душа, обретши Господа, вот как описывает свое всеблаженство. «Ощутила я, – говорит, – приближение Его, и вострепетала вся внутренность моя, услышала голос Его, и сердце мое «изыде в слово Его». Имя Его есть для меня миро изливанное, и Он – весь "желание" и "сладость" (Песн.5,4,6,16)!» Вот к этому призваны и вы ныне – упокоиться сердцем своим в Господе.

И да не искушает вас искушающий искать довольства сердцу своему в чем-нибудь ином! Та же душа Песни песней, тщетно вне Господа искавшая того, чего желало сердце, вот как в урок нам исповедует ошибку свою. «Искала я Его, – говорит, – в себе самой, в своих совершенствах внутренних и внешних – и не находила: «на ложе моем... взысках Его, но поисках Его, и не обретох Его» (Песн.3,1). Тогда сказала я в себе: «Встану... обойду... городу», пущусь в удовольствия общественные и наслажусь всеми благами мира, но и там искала – и не нашла Того, «Егоже возлюби душа моя: поисках Его, и не обретох Его!» Пойду «на торжищах и на стогнах поищу... егоже возлюби душа моя», поищу довольства в сделках общежития и в приятностях семейной жизни, но и там не нашла я Того, «Егоже возлюби душа моя: поисках Его, и не обретох Его!» (Песн.3,2)». Как же наконец она нашла Его? "Мало, – говорит, – егда преидох от них, и обретох". Как отстранилась я от всего и устремилась к Единому Господу, обрела, «Егоже возлюби душа моя». "Обретох... и удержал Его, – говорит, – и не оставил Его» (Песн.3,4).

Видите, как, обретши после тщетных исканий, крепко держится она Того, в Ком нашла свое успокоение и довольство. А нам, и без особого труда, и без испытательных уклонений, дает Себя Господь. Будем же уроками других ограждать себя от

покушений – делать опыты искания довольства где-нибудь на стране, когда, по милости Божией, обладаем уже источником всякого довольства. Господь говорит: «Я стою при дверех и толку... Кто услышит... вниду к нему и вечеряю с ним и той со Мною» (Откр. 3, 20). Эта Вечеря есть всеуслаждающее вседовольство. Наслаждайтесь же сею Вечерею и не ищите других сластей. Препояшьте «чресла помышлений ваших» (1Пет. 1, 13) и приобретите навык сосредоточивать все в Едином Господе. Затем и пришел Он к вам ныне и так приискренне приобщил вас Себе, чтоб, дав вам вкусить Себя, отнять у вас все другие желания. Вонмите сему призванию и в глубине сердца скажите: «Отселе мы твои, Господи, и ничего не хотим, кроме того, чтоб только быть всегда в Тебе и с Тобою!» Аминь.

**В субботу седмицы первой Великого поста
(действительное изменение и исправление жизни –
цель всего устройства нашего спасения)**

Слава Тебе, многомилостиве Господи! Много ли потрудились, а какую милость получили! Сам Господь с нами и в нас. Сам дал нам иметь то, что обещал: «вселюся в них и похожду» (2Кор.6, 16). Вопросал ли и вас: «Не весте ли, яко отныне храм Божий есте?» (1Кор.3, 16) Если верующий имеет свидетельство в себе, не тем ли паче приявший Господа? Держа на руках Младенца Иисуса, праведный Симеон исповедал: «Ныне увидели очи мои спасение Твое» (Лк.2, 30). Вам ли не увидеть и не ощутить спасение сие, когда не руками, а душою и сердцем восприняли вы не униженного, а прославленного Господа Иисуса? Когда царя ждут в город, знают все, что его нет еще, и желательные свои взоры обращают туда, откуда ждут его, а когда приедет он, все в один голос говорят: «Прибыл! Здесь уже!» Вот и мы со страхом и трепетом ждали Господа и со многою заботою готовились к достодолжному Принятию Его. Се, пришёл Он и принят нами. Да изрекут же все силы естества нашего сие радостное и торжественное исповедание: «Здесь уже!»

Здесь уже, во внутренней храмине души вашей. Не возмутим же покоя Его! И от Него не отойдем, и тревожить Его не станем нестройными движениями! На Нем сосредоточив безмятежное внимание, любительное попечение обратим на то, чтоб отстранить все неприятное Ему и окружить одним благоугодным и чрез это удержать Его навсегда в себе.

Здесь уже, и с Ним все спасительные щедроты Его, которые приносит Он с Собою во всякую душу, приявшую Его. С Ним всепрощение, всыновление и несомненный залог блаженства вечного. Свидетельство чему – в осязательном ощущении духовных благ, составляющих всегдашний след Его присутствия в душах и сердцах, каковы: мир – глубокий мир, который привлекает душу внутрь себя и там удерживает ее так, что ей не хочется смотреть ни на что ни в себе, ни вне себя, кроме Того

Единого, Который наполняет теперь Собою всю ее; *духовное обрадование* – сладость духовная от вкушения Его Самого, Которым отсекаются все сладости иные и производится не равнодушие только, но и отвращение ко всем утехам земным; *духовное просвещение* – всякой душе нужное вразумление, в котором ясно печатлется в сознании то определение истины, забытой или покрытой сомнением, то правило жизни, которому нужно дать больше места в делах наших, то предприятие, которое надо начать или кончить с большею энергиею; *нравственная сила* – чувство мужества, готовность на все дела богоугодные, не жалея сил и не страшась препятствий, по которой душа чувствует внутри себя безмолвно произносимое слово Апостола: «Кто... разлучит меня от любви Божией?» (Рим.8, 35). Никто и ничто, ни муки, ни самая смерть.

Все сие дарует Господь всякой душе-причастнице в большей или меньшей мере. Ни одна не заделается, всякая получает свое по мере труда, сокрушения и намерения угождать Господу. И это – только семя, только еще слабое предначатие того, что обетовано нам. Не развлекайтесь, не предавайтесь суете, не возвращайтесь вспять. Потерпите Господа и Он еще щедродательнее исполнит вас благих Своих. Нельзя нам всего дать вдруг, потому что не раз уже оказывались мы неверными. Покажем более решительные опыты верности и к данному теперь в мале «придано будет и преизбудет» (Мф. 25, 29). Господь не мимоходом хочет заходить к нам, но, вселившись, всегда хочет ходить в нас и с нами, как обетовал (2Кор. 6, 16). Удержим же Его, и дары Его возрастут в нас в меру, до меры полноты их в Нем Самом (Еф.4, 13). Удержим, отстранив все, что могло бы понудить Его оставить дом души нашей пустым, и окружив Его тем, что могло бы расположить Его такое милостивое изречь о нас решение: «Здесь покой Мой!.. Здесь вселюся!» (Пс. 131, 14). А для сего вот что сделаем: хвалебную воздадим Ему благодарность за настоящий неизреченный дар, венец всех даров Его к нам, недостойным, в порядке естества и благодати, себя самих Ему предадим, как Он нам Себя дал, принесем Ему в жертву все способности души, все силы тела, все достояние внешнее, чтоб и на нас, на всем нашем

светлелось Его поклоняемое имя и ничего не оставалось, что принадлежало бы не Ему, и чтоб потому всякий из нас мог нелестно сказать: «Живу не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал.2,20).

Отселе уже начнем порываться на исполнение того, что обещали Ему в духе сокрушения: на исправление всех своих нравственных недостатков – и в делах, и в чувствах, и в расположениях. Во свидетельство чего и для верности успеха теперь же откажемся от суетных обычаев, бросим дурные привычки, прекратим не ведущие к добру связи, все порядки изменим в жизни своей, чтоб иначе уже держать себя и дома, и в обществе. И это не на малое время, а на всю жизнь, и не в виде пробы, а в силе неизменного закона для всегдашнего поведения нашего. И в решимости нашей в сем отношении не попустим колебаться даже на волос, чтоб и легкого помышления не было изменить когда-либо положенному, по каким-либо уважениям человеческим.

Паче же всего не будем отходить от Него вниманием и, непрестанно зря Его в сердце своем, непрестанно будем обращаться к Нему молитвою, ею всякое дело освящая и Господу посвящая, Ему Единому предавая вседействие в нас и на всякое угодное Ему дело сил от Него испрашивая.

Так настроившись, мы, при помощи Его, явим наконец самое угодное и самое желательное Ему действительное изменение и исправление жизни – цель всех благодеяний Божиих, цель всего устройства нашего спасения и всех наших трудов и подвигов. Не допустим, братие, быть нарушену сему желанию Господа и не сделаем тщетным сего ожидания Его от нас. Не допустим, чтоб эти ноги, учащавшие в храм, снова блуждали по путям стропотным (кривым), чтоб эти руки, воздевавшиеся на молитву о помиловании, снова простирались на запрещенное, чтоб эти очи, видевшие Страшное Таинство, опять стали неправо зреть, чтоб эти уста, принявшие Тело и Кровь Господа, опять стали пустословить, срамословить и хульничать, чтоб это сердце, Господом посещенное, опять предалось непотребным желаниям и стремлениям. На то и Господь с нами и на всякий час помощь Его готова нам. Если

мы не сделаем тщетным желания Его, то и Он не сделает тщетным ожидания нашего: и будет плод – освящение наше здесь, а за него вечная радость там.

Если лукавый грех начнет подступать к нам с искушениями, не поддадимся ему, и если усугубит нападения, отвратим себя от него грозным словом Апостола, который говорит: «Если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников. Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколько тягчайшему, думаете, наказанию повинен... тот, кто попирает Сына Божия и посрамляет Кровь завета, которою он освящен, и Духа благодати оскорбляет? Мы знаем Того, Кто сказал: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь... Страшно впасть в руки Бога живого!» (Евр.10, 26–31).

Итак, со страхом и трепетом приступив к Святым Тайнам, со страхом и трепетом будем и все прочее жития нашего время жить, чтоб всегда с нами пребыл Господь и мы с Ним. Простирай каждый, на всяк час, усердную молитву к Сладчайшему Господу, говоря Ему с горячею верою и преданным сердцем:

«Величие души моей! Радость духа моего! Сладость сердца моего! Сладчайший Иисусе! Буди со мною и во мне всегда, и меня всеильною Твоею десницею удержи с Тобою и в Тебе! Да прилеплюсь Тебе, Господеву моему, во един дух с Тобою, да в Тебе и о Тебе, и Тобою будут все помышления мои, словеса и деяния, без Тебя бо не могу творить ничего! Да не ктому себе живу, но Тебе, Владыце моему и Благодетелю, да все чувства мои душевные и телесные не мне, но Тебе, Создателю моему, работают и все силы мои душевные и телесные Тебе, Икупителю моему, да служат, и все житие мое, до последнего моего издыхания, будет во славу преславного имени Твоего, Боже мой!» (Святитель Димитрий Ростовский). Аминь.

7 марта 1864 года

В субботу седмицы первой Великого поста (сколько вас ни есть, у всякого есть весь Господь)

Великой милости Божией сподобились вы ныне, причастившись Святых Животворящих Христовых Тайн. Потому что в сем Причащении Сам Господь вошел в вас и стал обитать в сердцах ваших. Какое это великое и неизреченное благо! И подумать о нем не посмели бы мы, если б Господь Сам не сказал: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» ([Ин.6, 56](#)). То есть, кто вкушает Плоть Мою и пьет Кровь Мою, тот во Мне и Я в том. Так сие и бывает, по слову Господню, со всяким, кто, поговевши и исповедавшись, причащается Святых Христовых Тайн. Так сие есть и с вами! То, что вы приняли, есть Тело и Кровь Господа, а где Тело и Кровь Господа, там и Сам Он. По виду вы приняли хлеб и вино, а самым делом это есть Тело и Кровь Господня. Когда Господь в первый раз причащал святых Апостолов, то Он тоже подавал им хлеб и вино, но, подавая хлеб и вино, к хлебу сказал: «Сие есть тело Мое» ([Мф. 26, 26](#)), а к вину: «Сия... есть кровь Моя» ([Мф. 26, 28](#)). И как Он есть Бог, то как сказал, так и сделалось: хлеб стал Телом, а вино Кровию, по виду только казались они хлебом и вином. Но Господь Иисус Христос как тогда был, так и теперь есть Тот же Господь ([Евр. 13, 8](#)). Как тогда Он причащал святых Апостолов, так потом Он же причащал и причащает всех верующих. На литургии это Он приходит и совершает Таинство: архиерейские или священнические тут только руки и язык, а Совершитель – Сам Господь. Сам Он здесь говорит хлебу, чтоб он стал Телом, и он становится Телом, говорит вину, чтоб оно стало Кровию, и оно становится Кровию. Потом Он же Сам и причащает: наши только руки и лжица, а причащает чрез них Сам Господь. И вас Он Сам причащал Истинным Своим Телом и Истинною Своею Кровию. И вместе с сим Сам вселился в вас и стал обитать в вас.

Видите, какая великая милость Божия является к нам во Святом Причащении! О сей-то великой милости и рассуждайте теперь с сердцем, полным благодарности и благоговения.

Может быть, вам робко думать, что Господь в вас, или вы затрудняетесь думать, как это Он в вас? Но так есть: ибо это Он Сам сказал, а не люди придумали, почему и именуется сие дивным и предивным Таинством.

И не это одно дивно, а еще и то: Господь есть в каждом из вас не частию какою, а весь, так, однако ж, что хотя Он есть в каждом из вас, все же Сам не разделяется и не размножается, а цел и неразделен пребывает. Все одно, как теперь вот я говорю какое-либо слово: каждый из вас слышит сие слово и принимает его все. Слово мое одно, и один раз я говорю его, а входит оно в каждого из вас, и входит все, не часть какая его, а целое слово. И хоть бы тут тысяча народа стояла, все услышали бы и приняли все мое слово, а не часть какую. Так и в Святом Причащении: сколько бы ни причащалось людей, все причащаются от единого Тела и все имеют его всё, а не часть какую. И Господа имеют они в себе всего, а не часть какую. Сам же Господь чрез сие не разделяется, а цел и неразделен пребывает. Возьмите вы, например, несколько зеркал поставьте их против солнца. В каждом зеркале будет видно все солнце, а не часть его, и сколько ни поставь зеркал, хоть числа им не будь, в каждом будет все солнце. Солнце же само не истратится чрез это, не пропадет, а останется цело и нераздельно, и одно и то же. Так и во Святом Причащении: сколько вас ни есть, у всякого есть весь Господь. И Сам Он цел и неразделен: всюду есть и все исполняет.

Так видите, чего сподобились вы: Господь в вас! Благодарите же Господа за сию милость, говоря в сердце своем: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» И о том подумайте, как бы не обеспокоить Господа. Как приходит какой гость большой, вы держите себя скромно, говорите чинно: вот, Господь посетит вас, а кто больше Господа? Смотрите же, не суетитесь и не развлекайтесь, а благоговейно и со страхом себя держите, особенно ныне. И не об этом только думайте, но и о том, чтоб приятное что-либо доставить Господу. Когда гость приходит, вы стараетесь успокоить его и предлагаете ему только то, о чем знаете, что приятно ему: вот и Господу теперь предлагайте то, что Он

любит. А что Он любит? Любит все доброе и благословляет его, а от всего худого отвращается и поражает его гневом. Приносите же Ему, что каждый из вас придумает доброго. Один приди и скажи: «Вот, Господи, я перестану сердчать и браниться, но буду тих и кроток». Другой скажи: «Я, Господи, перестану лежать и лениться, а начну усердно работать и трудиться». Третий скажи: «Я, Господи, не стану гордиться и презирать других, а буду смиряться и почитать себя хуже всех». Четвертый скажи: «Брошу, Господи, питье и гулянье, а стану жить воздержно и степенно, излишек же какой будет, стану отдавать на милостыню или на церковь». Так каждый свое добро принеси Господу и предложи Ему как дар. Когда предложите что такое Господу в сердце своем, Господь будет радоваться тому и утешаться тем. Приятно Ему будет быть у вас, и Он пребудет в вас, и благословит вас, и всякое вам благо подаст: и душевное, и телесное. Видите, какое у вас в руках благо! Смотрите же, не потеряйте его каким-нибудь неразумием и делом непотребным! И день этот чаще поминайте: что вот были вы на Трапезе у Господа, и Он Сам вас напитал своим Пречистым Телом и напоил Своею Пречистою Кровию. Поминая же сие, помышляйте, как это велико, как радостно, и самым делом радуйтесь, пока доживете до другого Причащения. Аминь.

20 февраля 1865 года

В субботу седмицы первой Великого поста (чем чаще кто причащается, тем ближе бывает к Господу)

Вот еще сподобились вы причаститься Святых Пречистых и Животворящих Христовых Тайн. Говорите же от всей души и от всего сердца: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» Кто причащается, тот приобщается Христу Господу. Кто же Христу Господу приобщается, тот силы и жизни Его вкушает. А кто силы и жизни Его вкушает, в том оживают все духовные силы, или тот и сам начинает жить настоящей жизнью. О сем Сам Господь говорит, что кто будет вкушать Его Плоть и Кровь, тот будет жив Его ради, или будет иметь Живот в себе, а кто не будет вкушать Его Плоти и Крови, тот Живота не будет иметь в себе (Ин. 6, 53–57).

Полагаю, что вам не так трудно понять сие, а хоть бы и трудно было, вы так на веру примите сию истину, что кто причащается, тот живет истинной жизнью, а кто не причащается, тот не живет истинною жизнью. Примите это и заучите. А я постараюсь пояснить вам сие следующим подобием.

Посмотрите вы на деревья. На каждом дереву есть много ветвей, больших и маленьких; всякая ветка, которая держится на дереве, жива, зелена, имеет листья, дает в свое время цвет и плод; какая же ветка отломится от дерева, та сначала завянет, потом совсем высохнет и умрет: ни цвета, ни плода уже не ожидай от нее. Отчего это ветка зелена, жива, цвет и плод дает, когда она держится на дереве? Оттого, что, держась на большом дереве, в котором много соку, она пьет себе этот сок, питается им и живет. Отчего ветка засыхает и умирает, когда отломится от дерева? Оттого, что, отломившись от дерева, она уже не может получать из него сока, а тот, который был в ней, то вытекает, то высыхает, без соку же нечем ей питаться и жить, вот она и умирает.

Применим теперь это к себе. Что ветки на дереве, то все мы – христиане православные, и что само дерево, то Господь и Спаситель наш. Как ветки тогда только живут и плод приносят, когда соединены с деревом, так и мы тогда только истинно

живем и истинный плод приносим, когда соединены бываем с Господом нашим Иисусом Христом. Так сказал Сам Он. "Я... – говорит, – лоза, а вы ветви: кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода... Кто же не пребудет во Мне, извержется вон, как ветка, и засохнет» (Ин.15, 5–6). Как ветка, соединенная с деревом, берет из него сок и тем живет, так и мы, когда соединены с Господом, приемлем от Него силы и жизнь и живем, а когда не соединены с Господом, не живем, хотя кажемся живущими.

Когда же и как с Господом соединяются? С Господом соединяются чрез Причащение Пречистого Тела Его и Пречистой Крови Его. Кто причащается Тела и Крови Христовых, тот принимает в себя Самого Господа и сам бывает в Господе. «Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин.6, 56), – говорит Господь. Святое Причастие похоже на прививание у садовников. Видали вы, как прививают деревья? Берут веточку, влагают ее под кожу другому дереву и завязывают, она начинает брать соки из того дерева и срастается с ним: так и мы чрез Святое Причастие берем от Господа силы, как бы соки из дерева, и срастаемся с Ним, или соединяемся, и начинаем жить Его жизнью, жизнью истинною, которая из Него. Видите теперь, как справедливо, что кто причащается, тот живет подобно ветке, которая держится на дереве, а кто не причащается, тот не живет, а подобен ветке, отломившейся от дерева и засыхающей или уже засохшей.

Благодарите же Господа, причастившись Святых Христовых Тайн, зная, какое великое благо вы чрез это получили. За нынешнее Причащение благодарите и будущего Причащения желайте и, помышляя о нем, говорите: «Когда-то придет пост, чтоб нам еще поговеть и причаститься?» Ибо чем чаще кто причащается, тем ближе бывает к Господу, тем ему лучше бывает и сам он лучше становится. Работающий лучше работает, хозяин лучше хозяйничает, начальник лучше начальствует: всякому лучше бывает и всякий лучше становится от Святого Причащения, становится живее, добрее, умнее!

Так и с вами будет, только смотрите, сами себе не повредите чем-либо недобрым: не обижайте никого, не

ссорьтесь, будьте кротки, воздержны, трудолюбивы, начальству послушны, страх Божий имейте, часто молитесь и всякому добру прилежите. Много помощи от Святого Причастия тому, кто после Причащения не позволяет себе делать ничего худого, а только об одном добром думает и одного доброго желает. А кто после Святого Причастия сделает недоброе, тот портит и уничтожает силу его, тот опять отделяется от Христа Спасителя, подобно тому, как ветка отламывается от дерева. Чрез Причастие он привился ко Христу, а чрез какое-либо дело недоброе опять отпадает от Него, Такому Причастие не в Причастие.

Вот об этом теперь и озаботьтесь – о том, то есть, чтоб, причастившись, не лишиться плода Святого Причастия. Уж оно вам, несомненно, будет помощно, только вы не испортите его чем-либо богопротивным. О сем теперь и молитесь Господу и Матери Божией и всем святым. И мы будем молиться о вас: да утвердит в вас Господь все Дары Свои, ради Святого Причастия подаваемые, молитвами Пресвятой Богородицы, Ангелов Хранителей ваших и всех святых. Аминь.

Часть 8. В неделю первую Великого поста

В неделю первую Великого поста (что должно быть во всяком причастнике Христовых Тайн, приившем в них Господа; и в ком нет Господа)

Господь наш Иисус Христос сказал: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56). Возрадуйтесь, благоговейные причастники! Сколько неложно слово Господа, столько же несомненно, что Господь в вас, по Причащении Святых, Пречистых и Животворящих Его Тайн. Но, братие, Господь, пришедши и вселившись в нас, не может оставаться несвидетельствованным в сем внутреннем в нас действовании, как не оставляет Он Себя несвидетельствованным во внешнем о нас Промыслении, «с небеси нам дожди дая и времена многоплодни» (Деян. 14, 17). Сам Он говорит: «Кто отверзает двери сердца, Я войду к нему и вечеряю с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Итак, вечеряете ли вы с Господом и Господь с вами? Сей вопрос предлагаю вам ради того, что из вас, присуших здесь, может быть, нет ни одного, кто бы не причастился уже Христовых Тайн. Что же, началось ли в вас то, что должно быть очевидным плодом сего преславного Таинства?

Господь, пришедши, приносит Вечерю с Собою: приносит все духовные блага во спасение, которых Он есть единственный Источник, и дает их вкушать душе. Войдите же внутрь и смотрите.

Господь свет есть. Свет приносит Он с Собою и в душу, приившую Его. Как, когда в темную комнату вносится светильник, обильно светящий, комната та и все находящиеся в ней предметы, от большого до малого, становятся видимыми с самым светильником и с тем, кто принес его, таким же образом свет духовный озаряет душу, приившую Господа. Это – свет ведения и разумения всего Домостроительства нашего спасения. Ясно сознаются в нем наша ничтожность и беспомощность и великое Божие к нам снисхождение, спасающее нас со всеми соприкосновенными тому истинами: о Единосушной Троице, о творении и Промыслении, нашем

падении, Воплощении Бога Слова, Его крестной смерти и Воскресении, об устройении Святой Церкви, общении Небесных с земными и наследии, уготованном на Небе верующим и труждающимся в жизни по вере, – словом, со всею совокупностью спасительных истин. Истины сии ведомы нам и всегда, как христианам, но, пока мы не вступаем в жизнь по Христе, ведение сие пребывает внешним. Господь же, пришедши, сорастворяет их не с умом только, но со всем существом духа нашего, до того, что после сего не остается ни тени сомнения, ни момента забвения. Но как верно, что свет теперь окружает нас и освещает все окрест нас и мы то сознаем неотразимо, так приявший Господа умом сознательно стоит в тех истинах и неотходно пребывает в них, действуя в свойственном ему кругу. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Тайн, приявшем в них Господа. Но так ли это и у нас с вами, братие?

Господь есть сила всеоживляющая. Силу духовную приносит Он с Собой и в душу, Его приявшую. Больной расслабленный, лежа в постели, едва поднимает руки, едва говорит, едва помахивает очами, но, получивши исцеление, в чувстве силы и крепости, начинает ходить и действовать не только без боли, но и с охотою, подобно расслабленному, исцеленному Спасителем, который, взяв одр, ходил, скача и хваля Бога (Ин. 5, 9, 15). Так и душа грешная – нравственно расслабленна, но, когда принимает в себя Господа, чувствует в себе духовную крепость и силу, то есть ощущает воодушевленную ревность о всяком добре и об исполнении всякой заповеди Божией, не одолимую никакими препятствиями, ни внешними, ни внутренними, воздвигаемыми от страстей и худых привычек, и не пресекаемую ни нерадением, ни отлагательством. И всегда мы делаем понемногу добро, но делаем, когда оно само, так сказать, попадетсЯ под руки и в исполнении не требует пожертвований и особых усилий. Но тут возрождается сильная энергия с направлением всех помышлений, желаний и намерений на одно богоугодное, что выражается не только живостью, но некоторою неудержимостью в трудах доброделания и благочестия, не

чувствующую усталости и сытости. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Тайн, приавшем в них Господа. Но так ли это у нас с вами, братие?

Господь есть мир. Мир приносит Он с Собою и в душу, Его приавшую. Как на море Тивериадском поднявшуюся бурю сильную, взволновавшую море и приведшую в смятение Апостолов, Господь всемогущим словом Своим укротив, водворил тишину большую, успокоившую и обвеселившую всех (Мк. 4, 39), так и в душе, обычно волнуемой множеством помышлений, желаний, предприятий и движений сердечных, по пришествии в нее Господа водворяется глубокая духовная тишина, ничем не возмутимая ни совне, ни изнутри, – тишина, дающая возможность внятно слышать и легкий глас, с неба ли то или с земли. Это не неподвижность, но стройность и мерность всех действий нашего духа, во всех его видах, которые, существуя внутри, выражаются и вовне степенностью всех движений и устроением дел своих без всякого возмущения встречаемых порядков. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Тайн, приавшем в них Господа. Но так ли это и у нас с вами, братие?

Господь есть огонь согревающий. Духовную теплоту приносит Он с Собою и в душу, Его приавшую. Как с холода внешнего входящий в теплую комнату чувствует теплоту, приятно охватывающую его по всему телу, так теплотою духовною, как одеждою какою, одевается душа по приятию Господа в Пречистых Тайнах. Свыше – благоволение Бога примирившегося, позади – заглаждение грехов, в будущем – уверенность в неизреченном наследии, отовсюду – мирное общение с невидимым и видимым: это лучи сей духовной теплоты, кои, сходясь в сердце, производят в нем горение духа, привлекающее туда все силы естества нашего, чем устрояется в нем крепкое обиталище для вмещения неуместимого. Сия теплота дает сладость, рай сладости, сокровище духовное, ради которого готов человек отдать все, лишь бы не потерять его, а всегда обладать им. Так должно быть во всяком причастнике Христовых Тайн, приемлющем в них Господа. Но так ли это у нас с вами, братие?

Так, свет ведения, сила воодушевления на добро, мир душевный, сладостная теплота – это главные свидетели водворения Господа в сердца истинных причастников, Вечеря, которою напитывает Он приявшую Его душу. Слыша сие, не один, может быть, из вас возмутится духом и спросит: «Что же, если не видит кто в себе таких свидетельств, в том нет и Господа?» Не буду ложно успокаивать вас: да, нет в том Господа. И еще далее проведу это слово: что как нет в том Господа, то нет и спасения тому.

Однако ж, смотрите, не тревожьте себя и ложными страхованиями. Может быть, нет в совершенстве сих благ, но они есть в начатках. Тогда все же надобно сказать, что они есть. Не вдруг воссиявает день, но, едва только начинает брезжиться, все знают, что ночь прошла и настанет день. Не вдруг вырастает цвет или дерево, но, едва только семя дает росток, знаем, что жизнь нового растения уже началась. Не вдруг поднимается на ноги больной, однако, коль скоро найдено лекарство и восприяло силу, знаем, что выздоровление уже в действии. Так разумейте и о плодах Принятия Пречистых Тайн, свидетельствующих о вселении в нас Господа. Нет их в силе, но, может быть, они есть в начатках. Потерпите и пребудьте в том порядке, при котором можно ожидать явления их в совершенстве, и получите чаемое. Спросите: «Как же узнать, есть ли в нас хоть эти начатки?» Отвечаю: если есть забота о спасении с трудами по исполнению всего, чем условливается спасение, ведайте, что Господь начал уже в нас Свое дело. Продолжите начатый труд с терпением и узрите, что начавший совершит. Но если уж и сего нет, значит, нет и начатков. Нерадение и беспечность о спасении – явный признак, что жизнь духа еще не начата. И надобно все сызнова переделать. Не отчаивайтесь, впрочем, и в сем случае. Затем и жизнь нам еще дается, чтоб мы пришли в чувство и раскаялись. Это и сделать надо. Время благоприятное святого поста еще есть. Воспользуемся им и позаботимся пройти курс врачевания своего в говении уже надлежащим образом! Тогда, примирившись с Господом в Таинстве Покаяния и прияв Его в Пречистых Тайнах, начнем мы труд жития, который приведет,

наконец, во свет и совершенство духовные блага,
свидетельствующие, что Господь в нас и мы в Нем. Аминь.

12 марта 1861 года

В неделю первую Великого поста (как надо держать себя, чтоб избежать новых падений во грехи)

Так, прошли мы, наконец, поприще своего говения. Благословил нас Господь потрудиться в приготовительных к Святым Таинствам подвигах и за сей малый труд простил нам все грехи, нами исповеданные, и в чистую и пометенную таким образом клеть сердца нашего благоволил Сам прийти и вселиться чрез принятые нами Пречистое Тело и Пречистую Кровь Его. "Что же воздадим Господеви о всех, яже воздаде нам?"» (Пс.115, 3).

Воздадим то, чего Он теперь ожидает от нас. А Он ничего более не ожидает, кроме того, что сами обещали Ему, когда испрашивали прощение во грехах. Обещали мы не поблажать более грехолюбия своему и все употребить усилия к неуклонному пребыванию в исполнении святых Его заповедей. И будем делать так. И если будем в точности исполнять сие обещание, то и Господь будет исполнять в отношении к нам, что обещал всем истинным причастникам Пречистых Тайн: «Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин.6, 56).

Господь неложен в слове Своем. Как сказал, так и будет. Но наше слово не всегда бывает верно. Как ни искренни бываем мы, когда даем его, всегда остается место сомнению, будем ли исполнять его. Сначала решимость наша бывает тверда, но потом расшатываются мысли, и падает крепость наша. Сколько ведь уже раз обещались, и всё падали снова! Вот почему нам надобно уговаривать себя самих употреблять заботу и труд к тому, чтобы устоять, по крайней мере в нынешний раз. Авось, при помощи Божией, в сей раз устоим. Бывают же люди, которые устаивают и не поддаются прежним влечениям. Отчего же нам, наконец, не достигнуть сего блага? Господь близ. Помощь Его готова. Остается только нам с своей стороны сделать все к тому потребное.

Мне кажется, что можно очень легко в этом успеть, если будем хранить неугасимым жар ревности о богоугождении,

которым теперь исполнено благодарное ко Господу сердце наше. Если б всегда в нас было это ревнование, никакой помысл худой не смутил бы нас, никакое искушение не поколебало бы нас, никакое препятствие не положило бы преград добрым начинаниям нашим и трудам. И враги далеко бежали бы от нас, и страсти не спешили бы являться с своими требованиями.

Что такова точно сила ревности, об этом пространно пишет святой Исаак Сирианин в 60-м слове «О различных способах брани...».

«Которые, – говорит он, – мужественны, сильны, ни во что вменяют смерть, исходят на дело с великою ревностью, предают себя на всякое искушение и на смерть, пренебрегают жизнью мирскою и телесною и всеми искушениями, навстречу тем не вдруг выходит диавол и долго не показывает себя им, сдерживается, дает им место и не встречается с ними при первом их устремлении, и не вступает с ними в брань. Ибо знает, что всякое начало брани бывает горячее, и известно ему, что подвижник имеет великую ревность и ревностные воители нелегко побеждаются. Делает же сие диавол, не их самих устрашаясь, но боится он окружающей их, страшной для него Божественной силы. Посему, пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним до тех пор, как увидит, что охладели они в ревности своей».

Видите ли, какова сила ревности о святом и богоугодном житии? Божественная сила окружает ее и всякое вражеское действие далеко отражает. Чье сердце исполнено ревности такой, с тем Господь, а с кем Господь, в том сила на всякое добро и мужество против всякого зла. Так верно храни ревность и исполнишь обещание свое не поблажать греху и ходить в богоугождении. Напротив, как толькопустишь охладеть ревности, не избежишь падения. Ибо вот что говорит далее святой Исаак: «Во время же лености их (когда, то есть, разлениятся ревнители охладевшие) враг обращает на них внимание, когда уклонятся несколько от первых горячих помыслов своих и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их в них же источающимися

ласкательствами мудрования их, и сами от себя душам своим искапывают ров погибели от лениности происходящим парением помыслов, от которых в них воцаряется холодность».

Вот вся тайна! Если сохраним ревность свою в силе, то избежим новых падений, а в добре преуспеем и укрепимся. Напротив, коль скоро ослабеет и охладееет наша ревность, ослабеет внимание к себе, начнется парение помыслов, станут возникать движения страстей, появятся внутренние на них согласия, а за тем недалеко и дело. Вот и опять пали. И опять мрак и смятение, и отпадение от Господа, и опять пагуба в рабстве греху и сатане. Почему вот что затем советует каждому из нас святой Исаак:

«А ты, человек, исходящий вслед Бога, во всякое время подвига своего помни всегда первую ревность и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты и вступил в воинские ряды. Испытывай себя каждый день, чтоб горячность души твоей не охладела в ревности, воспламенившейся в тебе при начале, и чтоб не лишиться тебе орудий, в какие облечен ты в начале подвига».

Полагаю, что при сих словах в душе вашей рождается желание знать, как же бы в самом деле сохранить нам свою ревность, и коротким ответом хочу удовлетворить явлению вашему. Вот что делайте.

Каждое утро, как только откроете глаза, первым делом считайте всегда – восстановить сию ревность во всей силе. Произвести сие может и одно собрание себя внутрь и умственное обращение к Господу. Если это слабо, приложите поклоны, большие и малые, и в соразмерном количестве. Если и это не произведет полного действия, станьте и пройдите воспоминанием все, как в нынешнее говение дошли вы до решимости переменить жизнь, стараясь воспроизвести все те мысли и чувства, какие тогда были и действовали на вас, и особенно ту мысль, которая больше всех поразила вас. При этом поставьте себя в час смерти или на Суд Божий, когда из уст Божиих готово изыти решительное о вас определение. Если искренно будете производить сию мысленную работу, искание ваше и молитва ко Господу принесут плод, восстанет ревность

ваша, с которой потом благонадежно исходите «на дела свои и на делания свои до вечера» (Пс. 103, 23).

Если почему-либо и, вернее, по вражескому навету, в душе явится позыв сделать себе в сем отношении какую-либо поблажку, не утруждать себя предложенною работою, то отрезвите ее страхом падения. Ибо если утром оставите ревность невосстановленною, то за делами дня совсем охладеее! Не дивно, что и падете. Падете? Потеряете благодать и Бог знает, возвратится ли она к вам и восстанете ли вы снова. «Земля бо, пившая сходящий на ню множицею дождь... и износящая терния и волчец, непотребна есть и клятвы близ, еяже кончина в пожжение» (Евр.6,7–8). Это страшное слово: «клятвы близ», то есть, что Господь бросит вас совсем и оставит вас в руках падения вашего, если еще попустите себе охладеть и пасть, пусть чаще звучит в ушах. Оно воскрешать будет всякий раз чувство опасения за себя и приводить в напряжение ослабевающие силы.

Воскресив утром жар ревности вашей, поддерживайте его потом и в продолжение всего дня. А для сего храните внимание ваше нерассеянным. Стойте умом вашим в сердце пред лицом Господа и не попускайте мыслям вашим блуждать попусту в мечтательных представлениях. Блуждающие помыслы отдаляют человека от себя самого и тем самым охлаждают, а сверх того, легко могут навести на предметы вашей страсти и, прежде чем опомнитесь, разбудить уснувшую страсть и, может быть, выманить и согласие на нее. А после сего далеко ли до падения?

В пособие сему внутреннему настроению озаботьтесь всю свою жизнь перестроить по требованиям новой жизни, причем всем своим делам и занятиям дайте свое место, свое время и свою меру. Пусть все у вас будет определено: как вам быть одним, как с домашними, как со сторонними, как устроить дела своего ремесла, звания и должности, – и все направлено к одному тому, чтоб всем угождать Господу и во всем исполнять одну святую волю Его. Все же то, что может раздражать вашу страсть и ваши прежние дурные привычки, решительно отстраните. Учреждением такого порядка вы оградите жизнь

свою от всех случаев к падению и сделаете, что она вся будет тещи у вас стройно, не нарушая, а более и более укрепляя внутренний строй ваш.

Так устроясь внутренне и внешне, вы будете непрестанно ревновать о богоугождении, или от одного богоугодного дела переходить к другому. Останется только еще борьба со внезапно возникающими помыслами, желаниями, страстными движениями и внешними препонами благим начинаниям вашим. При внимании и неослабном усердии и это не поставит вас в большое затруднение, и не только не ослабит вашей ревности, напротив, постоянно будет раздражать ее и тем возвысит и укрепит, подобно тому, как воина не охлаждает, а разгорячает борьба с врагами, нападающими на него.

Я не поминаю о том, что не должно никак вдаваться в пустые развлечения и всячески избегать соблазнов или близких и далеких поводов и случаев ко греху. Это отстранится само собою, когда перестроите вы все порядки жизни своей по духу новой жизни. Что же касается до частных обстоятельств и дел, могущих подвергнуть опасности доброту вашей жизни, ищите относительно их вразумления в святых книгах и в совете отеческом или братском. Положите вы законом чаще обращаться к духовному отцу, которого изберет душа ваша, и с ним пересматривайте все, что бывает в душе вашей и что встречается в жизни вашей вовне. «Спасение... – говорит Премудрый, – во многом совете" (Притч.11, 14). Кто читать умеет, имейте под руками душепасительные книги и в них ищите себе вразумления и просветления мыслей ваших в нужное (тяжелое) смутное время. Они во многих случаях могут заменить недостаток опытного внешнего руководства.

Вот общее начертание того, как надо держать себя, чтоб сохранить ревность свою и избежать новых падений во грехи. Действуя так, вы верно исполните, что обещали Господу, когда говорили: «Согрешил, не буду». Видя же труд ваш, и Господь исполнит Свое обетование быть с вами и действовать в вас во спасение ваше, по всей широте, долготе и высоте вашей Ему преданности и готовности все обращать во славу Его. Аминь.

13 февраля 1866 года

В неделю первую Великого поста (если падешь снова, кто знает, встанешь ли?)

«Се, здоров еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин.5,14), – сказал Господь расслабленному по исцелении его. Сей же утешительный и вразумительный глас и мы все слышали, когда на исповеди получили разрешение во грехах своих. Теперь всем покаявшимся и разрешенным возвращено здоровье душевное и все пришли в свой порядок и чин. Что прочее требуется? Требуется блюстись, чтоб опять не впасть в ту же беду. Бросил грех – не возвращайся на него. Получил помилование – не подвергайся опять гневу и осуждению. Вступил на правый путь – не уклоняйся с него. Снова будет враг влечь тебя в свою область тьмы – не поддавайся. Будет он ухитряться, чтоб отуманить тебя льстивыми обещаниями – не вдавайся в обман. Знаешь, как зол грех, знаешь, как трудно одолеть его, – не входи же снова в содружество с ним. Помог тебе Господь, встал ты – стой же и мужайся и да крепится Сердце твое.

Враг будет нашептывать тебе: «Падешь – опять встанешь». А ты противопоставь ему свою речь: «Встал я теперь, благодарение Господу! Но, если снова паду, не могу сказать, встану ли. В руках же падения навсегда оставаться не хочу, не хочу быть рабом греха и жертвою геенского пламени». Так отражай лесь врага. И сим страхом нового падения в грехи отрезвляй душу свою и воодушевляй ее на шествие путем начатого самоисправления.

Утверди ты в себе то очень вероятное помышление, что, если падешь снова, кто знает, встанешь ли? А останешься в падении – погибнешь. Враг будет сбивать уверением, что Господь милосерд. Помиловал и опять помилует. Точно, милосерд Господь, но сей милости Его к нам есть мера. Есть мера долготерпению Божию. Прощает-прощает, а наконец видя, что грешник все снова отдается греху, совсем оставляет его в руки падения его. Разверните Книгу пророка Амоса и начинайте читать. В 1-й и 2-й главах изображаются у него суды Божии на

Дамаск, Газу, Идумею, на иудеев, израильтян и другие народы. Ко всем им одинаково слово Господне. «Раз, два и три согрешил Дамаск: прощал Я его. Когда же теперь и в четвертый раз он оказал свое нечестие, не отвращусь ли его?» (Ам. 1, 3–4). Отвращался и посылал наказание. «Раз, два и три прощал Я Газу, в четвертый не отвращусь ли ее?» (Ам. 1, 6–7). Отвращался и посылал казнь. «Раз, два и три щадил Я иудеев и израильтян, в четвертый не отвращусь ли их?» (Ам. 2, 4–5). Отвращался и наказывал. Так бывает и с нами. Согрешит кто и покается, простит Господь. Еще согрешит и покается, еще простит. И еще простит. И еще простит. Наконец, видя, что у нас все то же и то же, полагает такое решение: «Столько и столько прощал, если и еще то же начнет делать, отвращусь от него». Сей-то суд и да напишет в сердце своем всякий, опять влекомый на грех. Прощал Господь доселе, а теперь, если падешь, – страшись, не отворотился бы Он от тебя вконец. Фараону сколько раз прощал Бог его упорство? Наконец, бросил его и сделал распоряжение о выходе израильтян, не дожидаясь его согласия. И хоть потом опомнился фараон и поспешно приказывал: «Подите скажите, чтоб скорее выходили» (Исх. 12, 31, 33), это не помогло ему и суда о нем Божия не отворотило. Так и ко всякому может истощиться, наконец, Божие милосердие. И то наипаче страшно, что мы не можем сказать, когда именно ударит час сего истощания. То отвержение Божие по четвертом преступлении, что значит у пророка Амоса, и эта казнь фараону после десятикратного противления Богу не означают, что можно спокойно предаваться в узы греха, с нарушением обета до двух и трех раз, а показывают только, что есть предел милованию Божию: когда же он застигнет кого, неведомо. Утверди лучше в мысли твоей, что для тебя он последует тотчас после падения, которому готов ты предаться, и тем отрезвляй мысль свою и придавай мужества сердцу на сопротивление возникающим порывам. Приводи себе на память несчастье Сампсона. Однажды и дважды входила в него сила разорвать узы, которыми опутывали его филистимляне по предательству Далилы, но и в последний раз, когда острижены были волосы его, он не ожидал, чтоб не пришла к нему та же

сила, а вышло иначе. Отступил от него Господь и предал его в руки врагов его. Сам же Сампсон и не думал, что уже постигло его Божие отступление, напротив, проснувшись, говорил: «Изыду, якоже и прежде, и отрясуся», то есть стряхну эти узы, «и не разуме, яко Господь отступи от него» (Суд.16, 20). Вот и народ иудейский миловал-миловал Господь, а наконец что изрек? «Се оставляется вам дом ваш пуст» (Мф.23, 38). Но ни первосвященники, ни старцы, ни книжники и никто другой думать не думали, что уже постигло их сие грозное определение.

Сего-то грозного суда бойся, когда начнет тебя снова влечь грех. Бойся, чтоб и о тебе не сказал наконец Господь: «Се, оставляется... дом твой пуст". Милостив Господь ко всем грешникам и с клятвою уверяет, что не хочет «смерти грешника, но еже обратится... и живу быти ему» (Иез.33, 11). Но ты сам частыми своими падениями доведешь себя до того, что с тобою ничего нельзя будет сделать. Восстание от падений есть то же, что починка платья, или дома, или другой какой вещи. Бывает же так, что иную вещь чинят-чинят, а наконец бросают оттого, что уж и чинить ее нельзя, не к чему рук приложить. То же может случиться и с душою. Исправляет ее Господь, исправляет, а наконец совсем бросает оттого, что своими частыми падениями она наконец так расстраивает себя, что ее и поправить нельзя. Ибо на чем основывается возможность восстания нашего? На добре, в нас остающемся, несмотря на то, что работаем мы греху. На сие добро нисходит благодать, оживляет его и дает ему перевес над злом. И встает человек. Но каждое новое падение все более и более снedaет наше добро, после каждого падения все менее и менее остается его в нас, и, следовательно, менее и менее остается места, куда низойти может благодать, чтоб восставить нас. Что дивного, если наконец и все свое добро истратим мы в рабстве греху и потеряем, таким образом, возможность восстания. Не останется для нас никаких к тому средств.

Припомните, как опомнились вы в последний раз и встали. Пришли спасительные помышления и отрезвили. Или страх смерти и Суда, или пагубность греха, или стыд пред Господом

Спасителем, или другое что сильно подействовало на душу, поразило ее. Душа пришла в себя и при помощи Божией бросила грех, покаялась и стоит теперь в намерении не оскорблять более Бога грехопадениями. Если же снова падете вы в грех, то какими потом мыслями потрясете вы себя, когда уже все, могущие потрясать, перепробованы и свою потрясающую для вас силу истратили на теперешнее ваше восстание? Для следующего возбуждения вас силы в них не осталось. С спасительными помышлениями бывает то же, что с лекарствами. Как от частого употребления лекарств в теле притупляется чувствительность к ним, так и в отношении к потрясающим и возбуждающим истинам душа теряет, наконец, всякое чувство. Ни угрозы, ни обещания, ни смерть, ни ад, ни рай, ни яд и горечь греха – ничто не поражает и не приводит в движение души. Она делается, как камень. И что же тогда с нею будет? То же, что присуждает Апостол земле, пившей "множицею" сходявший на нее дождь и износившей одни «терния и волчцы»: «непотребна есть... клятвы близ, еяже кончина в пожжение» (Евр. 6, 7–8).

Приложите к сему, что частое падение в грех образует привычку грешить, которая вяжет бедную душу и тирански держит ее в рабстве у себя. Пусть даже один грех обратится в привычку, он всю душу пленяет и во всей мучительно властвует. Посмотрите, что делает паук с своею добычею? Часть за частью опутывает у ней тонкою паутиною, пока запутает ее всю, после чего она хоть делает еще некоторые движения, но они бессильны освободить ее. Так и грех, к коему частым падением привыкает человек, силу за силою в нем проникает, пока исполнит собою и душу, и тело и на все отправления их наложит узы рабства себе. Хоть потом и приходит иногда человеку на мысль бросить свой грех, но душа, видя, как многоплетенно запуталась в нем, не решается поднять руки, чтоб распутаться, и предается совсем безнадежию одолеть грех, как пишет Апостол о язычниках, что они «в нечаяние (бесчувствие) вложшеся, предаша себя студодеянию (распутству), в делание всякие нечистоты в лихоимании» (Еф. 4, 19), и как евреи, заморенные рабством

египетским, даже тогда, как от лица Божия принес им Моисей обещание свободы, не верили, чтоб это могло совершиться.

Итак, покаявшиеся и вступившие в добрый путь, бойтесь снова впасть в грех. Увидьте сквозь прелесть греха, покусавшегося снова увлечь вас, решительную свою пагубу. Не смотрите на него легко, а как на пропасть зияющую, на ад отверстый и готовый поглотить вас безвозвратно. И опасением такой горькой участи отрезвляйте свою мысль и чувства сердца отвращайте от греха. Борьба, конечно, неизбежна. Но стоящему легче бороться, чем падшему. Встали? Стойте же и боритесь. Господь будет вам Помощник. День ото дня все легче будет становиться борьба. Наконец, она и совсем стихнет. Добро возьмет преобладающий верх – и потечет ваша жизнь мирно, путем богоугодного доброделания, и приведет вас к блаженному исходу отселе в вечные райские обители. А если снова падете, опять пойдет смятение мыслей и чувств, опять мрак и томление, опять страхи и мучения совести, опять туга и всякое нестроение. Начнете опять маяться в рабстве греху и, может быть, без конца, и, промучившись здесь, ввержены будете в нескончаемые муки по смерти в грехах неоплаканых и неисправленных.

Господь, давший вам возникнуть от диавольской сети, «Той да совершит вы, да утвердит, да укрепит, да оснует» (1Пет.5, 10). И будет так, если и вы сами будете трезвиться и бодрствовать, ведая, что "супостат наш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1Пет.5, 8). Аминь.

Часть 9. В неделю вторую Великого поста

В неделю вторую Великого поста (какие у нас части естества, какие на них нападения и какие против них орудия духовного нашего воинствования)

Вот уже для многих из вас минула неделя, как, примирившись с Господом, идете вы путем новой, богоугодной жизни. Уяснилось, полагаю, для вас, что наибольшее время в занятиях ваших делом спасения проходит в борьбе. Так и должно быть. Враг, из области которого ушли вы, не теряя надежды снова захватить вас в свои руки, строит козни и страсти, которым положили отказывать и отказываете, которые, однако ж, не замерли и даже не слишком обессилены, восстают снова в большей или меньшей силе и требуют удовлетворения. Эти нападки с той и другой стороны приражаются и бывают чувствуемы. Почему должны быть отражаемы и давать место брани. Таков уже закон жизни о Христе Иисусе! Всякий христианин, ищущий спасения, необходимо должен пройти три степени, именно: начать покаянием и к Богу обращением, а потом чрез борьбу со страстями вступить в область чистоты. Покаяние есть исходный пункт, чистота – последний конец, борьба со страстями наполняет все пространство между сими двумя пределами. Вы уже и теперь, по неизбежному закону, состоите в борьбе.

Мужайтесь и да крепится сердце ваше! Вы – воины. Как воинам, вам нужны оружия. Хочу указать их вам, чтоб, зная, чем сражаться, не затруднялись вы соображениями о том в час брани.

Святой апостол Павел, вооружая христиан на брань, заповедал им: «Облецытесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати» (Еф.6, 11). «Облецытесь» не в одно какое оружие, а во все, чтоб ни одна часть не была открытою и невооруженною. Как воины, идущие на войну, в руки берут меч, копье или ружье, голову прикрывают шлемом, лицо сеткою, грудь броней, прочие части щитом, словом, против всякой части имеют соответственное защитительное оружие, так и в брани духовной нам, как воинам, всякую часть естества своего должно

вооружить соответственным оружием. На всякую часть естества нашего враг делает свое нападение, ко всякой из них приражается своя страсть и свой грех. Защищающемуся надобно, в противоположность нападению, всякую часть свою защитить своим оружием.

Вот, смотрите, какие у нас части, какие на них нападения и какие против них орудия. Станем перебирать состав естества нашего часть за частью и прилично вооружать.

Имеем мы тело. Жизнь тела поддерживается стройным действием разных частей его и отправлений. Удовлетворение потребностей тела есть закон естества, но подходит к ним страсть, оно теряет меру и должный образ и становится грехом.

Тело наше должно быть питаемо. Органы питания суть вкус с гортанью и желудком. Страсти, нападающие на сию часть суть: многоядение, сладкоядение – роскошь в столе и приправах его, обжорство и пьянство. Орудие, коим надо отразить сию часть, суть воздержание и пост.

Тело наше чувствует. Органы чувствительности – нервы с чувствами. Страстей, нападающих на сию часть, много. Каждое чувство имеет свой соблазн: глаз – свой, ухо – свой, вкус – свой. Обща же всем страсть к приятному раздражению чувств, или к чувственным удовольствиям. Орудие, коим надо вооружить сию часть, у святых отцов называется хранением чувств, паче же зрения и слуха, от всех соблазнительных впечатлений, более всего посредством уединения и уклонения от встреч с соблазнительными вещами, лицами и местами.

Тело наше имеет движение. Органы сего отправления суть мускулы с руками и ногами. Страсти, нападающие на сию часть, суть, с одной стороны, леность и сонливость, с другой – ветреность, непоседство, страсть к играм и забавам, танцорство, актерство, драки и прочее. Орудие, коим надо защищать сию часть, суть: труд, бдение, поклоны, степенная регулярность движений.

Есть в теле язык – орган слова. Страсти, нападающие на него, суть: пустословие, празднословие, пересуды, свары, кощунства. Орудие, коим надо оградить его, есть благоразумное молчание уст.

Таково наше тело, таковы страсти его и таковы орудия против них. Совокупность сих орудий у святых отцов называется телесными подвигами. Так-то тело надобно взять в руки и обучать его благочестивой жизни. «Иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотми» (Гал. 5, 24).

Перейдем к душе. Тут на первом месте стоит воображение с памятью – магазин душевный с показателем сокровищ его. Страсти, смущающие сию способность, суть: мечтательность, рассеянность, или расхищение ума, фантазёрство, разжигаемые чтением романов и пустыми беседами. Орудие против них есть внимание, или трезвение, и бодренность духа.

За воображением следуют рассудок с разумом, которых дело все распознавать. Враги, действующие на них неблагоприятно, суть: пытливость, сомнение, гордость, себе только доверие, упорство мнений, отсутствие убеждений. Орудия, коими вооружить их надо, суть: чтение слова Божия и отеческих писаний, беседа с опытными в духовной жизни людьми, собственное размышление в подчинении голосу Церкви.

Наряду с рассудком стоит воля – деятельная способность желаний и предприятий. Страсти, мучающие ее, суть: многозаботливость, своекорыстие, своенравие, непокорливость, дерзость и вольность. Орудие против них есть всестороннее послушание, или покорность, подчиненная законным порядкам и уставам: житейскому, гражданскому, церковному и тому, который дается духовным отцом.

Далее в том же ряду стоит вкус – способность эстетических удовольствий. Страсти, одолевающие его, суть: модничество, щегольство, страсть к увеселениям, балам, театрам. Духовные орудия на ограждение его суть: духовное пение, иконы, паче же хождение в храмы, которые представляют самое полное удовлетворение потребностей неразвращенного вкуса.

Такова душа, таковы страсти ее, таковы орудия против них. Совокупность сих орудий составляет круг душевных подвигов, посредством коих прославляем мы Бога "и в душах" наших (1Кор.6, 20) и души свои «снабдеваем» (Евр.10, 39) и "очищаем" (1Пет.1, 22).

Наконец, выше души – дух, сила, обращенная к Богу и вещам Божественным. Враги здесь суть: неверие, богозабвение, бесстрашие, сожжение совести, нелюбовь к священному, отчаяние. Орудия против них: вера и Богу преданная любовь, оживляемые надеждою и действующие в хождении пред Богом, в непрестанном обращении ума и сердца к Богу, или в непрестанной молитве.

Сокращаю указания, чтоб дать свободу утомленному вниманию вашему, заведенному в непривычную область предметов. Перечислю только подряд все орудия духовного нашего воинствования. Они суть именно: вера, молитва, хождение в церковь и пребывание во всем чине церковном, всестороннее послушание, чтение слова Божия и святых отцов, живая беседа с опытными людьми и богомыслие, трезвенное внимание к себе, телесный труд, бдение, поклоны, уединение, хранение чувств, молчание, воздержание, пост.

Те же самые оружия, не по букве, но по духу, указывает и святой апостол Павел, когда, заповедав христианам облекаться во все оружия Божии (Еф. 6, 11), потом перечисляет их. "Станите... – говорит, – препоясаны чресла ваша истиною, и оболкшися в броня правды, и обувше нозе в уготование благовествования мира; над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукавого разжженные угасити; и шлем спасения восприимите и меч духовный, иже есть Глагол Божий; всякою молитвою и молением молящися на всяко время духом» (Еф. 6, 14–18).

Так, и апостольское наставление, и рассмотрение частей естества нашего, указывают нам как необходимое условие успеха в духовной брани все перечисленные орудия. Иначе они именуются подвигами и суть телесные, душевные и духовные. И вот вы видите, что все богоугодные мужи и жены, искавшие спасения, проходили сии подвиги неуклонно и потому, что проходили, одолевали страсти, являлись чистыми и спасались. Хочешь ли устоять в ведомой тобою брани? Начни и ты подвизаться добрыми подвигами. Каждый подвиг есть стеснение противоположной ему страсти, а все в совокупности – стеснение всех страстей, которым последние держатся, как в

осаде, и отчасти замариваются недопущением к ним пищи, а наиболее прямо поражаются противодействием. Будь постоянен, твёрд и неуступчив – и скоро увидишь успех. Не смотри на тех, кои бегают подвигов, считая их делом произвола. Между таковыми не найдешь победителей. Ибо, бегая их, что они делают? Сами себя со всех сторон открывают ударам врагов. Они подобны воинам, которые без всякого оружия, раздетыми, разутыми ходят среди врагов. Враги бьют их где и чем попало и всюду наносят им раны и убивают. Нет. Желаящему устоять в брани без отлагательства надобно обещаться в исчисленные оружия и обещаться во все, ни одного не оставляя. Ибо, опусти хоть одно, откроешь тем какую-нибудь часть свою ударам врагов, получишь рану, может быть, нелегкую, рану на смерть. Пусть воин весь прикрыт, а голова открыта – в голову нанесет ему рану враг и убьет. Пусть ноги открыты – ноги подобьет враг и возьмет его в плен, хоть он во всех прочих частях вооружен. Так и в духовной брани: опусти только хоть одно оружие, один подвиг – враги и устремятся туда, как в пролом какой в стене города, и произведут опустошение соответственно оплошности воителя. Не сходи в церковь, нарушь пост, дай волю очам и слуху: сколько отсюда произойдет вреда? Можешь получить поражение такое, что после не оправившись, а с первого раза это кажется малостью.

«Обещись во все оружия, подъять все подвиги – какая это тягота!» – подумает кто. Точно, тягота, но что же делать, когда без сей тяготы нельзя нам быть? Не хочешь попасть в плен врагу или быть им убит – неси оружия, необходимые для его отражения и поражения и для охранения себя. Но вот что нам в утешение: чем терпеливее и неопустительнее носит кто сии оружия, тем они становятся легче и действие ими непринужденнее, не так, как в чувственном вооружении. Здесь чем более кто действует оружием, тем более утомляется, а в духовной брани чем настойчивее и неутомимее кто действует каким оружием, тем меньше утомляется и оружие то все более и более становится легким, а, наконец, бывает почти незаметно по тяжести, хотя в то же время в силе и в живости действия возрастает до нечаемой степени. Возьмите

хождение в церковь. Сначала, может быть, оно тяжело и не совсем приятно, потом чем более кто ходит, тем приятнее становится хождение и тем легче, а, наконец, пребывание в храме становится столь сладостным, что иному не хочется и выходить из него, и, когда входит в него, такую чувствует в себе силу, что не боится никакого врага. Так и всякое другое духовное оружие чрез долгое употребление до того сродняется с нами, что от него не тягота, а легкость большая бывает ощущаема в духовном делании и ведении брани со страстями и похотями. Тягота же пребывает, когда кто почему-либо принужден бывает не исполнить дела подвига, к которому привык и в коем всегда находил подкрепление.

Итак, не отказывайтесь, а понудьте себя проходить по силе все прописанное. Бог будет вам Помощник, только начните и продолжите неопустительно. Вот теперь пост – время самое благоприятное к подобным навыкам. Кто говел, конечно, употреблял уже в дело все оружия духовные, а кто станет еще говеть, употребит. Остается только приложить малое себе насилие, начавши не отставать от них. А там, Бог даст, они так понравятся, что и навсегда расставаться с ними не захочется. Стоит только немножко прилепиться к подвигам, они все более и более будут обращаться в потребность нам, питать и услаждать нас. Они не противны нашей природе, а сродны с нею в ее чистом виде – что и ручается за успех их возобладать нами.

Дай Господи всем вам опытно ощутить спасительность их! Тогда и отвлечь вас от них не будет сил. Аминь.

24 февраля 1863 года

В неделю вторую Великого поста (самые главные приемы, чтоб обеспечить за вами успех борения)

В Святом Крещении мы возрождаемся для новой жизни, становимся «новою тварью» (2Кор. 5, 17), созданною о «Христе Иисусе на дела благие... да в них ходим» (Еф. 2, 10), так что рожденный сим образом от Бога «греха не творит» (1Ин. 3, 9), пока он пребывает в своем чине и действует по началам нового рождения. Выступая из сего чина, падаем мы и опять творим грех. Но вот приносим Покаяние, исповедуемся, причащаемся Святых Христовых Тайн – и снова приемлемся в первый чин и в первые преимущества, даруемые приемлющим новое рождение во Святом Крещении. Следовало бы теперь ожидать, что к нам снова должно быть приложимо апостольское слово: «рожденный от Бога греха не творит» (1Ин. 3, 9).

И вот, однако ж, и в себе, и в других мы видим царствующим грех, даже в дни сии освящающие, даже после святого говения и строгих обетов наших. Что же это? Обетование ли Божие стало не неложно? Или благодать Божия обессилела? Нет. И «елика... обетования Божия, в Том ей и в Том аминь» (2Кор. 1, 20), и в ком благодать, тот "вся" может «о укрепляющем его Господе» (Флп. 4, 13). Причина сему горестному явлению не вне нас, а в нас самих: в том, что мы с своей стороны не употребляем обязательных для нас усилий и не пользуемся, как должно, указанными нам средствами. Виновен ли врач в безуспешности лечения, когда больной не слушает его указаний и не употребляет прописываемых ему лекарств? Господь обетовал подавать силы и подает. Но с нашей стороны должно быть противление греху и борьба с ним. Кто не борется с грехом, тот не одолевает его, кто не одолевает, падает и пребывает в грехе. Напротив, кто противится греху, тому всегда готова помощь благодатная, кою укрепляемый хотя не без труда, но всегда может уклониться от зла и сотворить благо.

Итак, главное дело с нашей стороны есть борьба со грехом. Борись, не поддавайся и одолеешь. И не будет греха в тебе.

Если и другие так же станут действовать, то и в них его не будет. И будет повсюду светлое царство святости и правды.

Борющемся надобно иметь оружия и уметь употреблять их, или знать, как воевать. В другой раз я изображал вам всеоружие христианское и выяснял необходимость облечься в него. Припомните сии оружия. Это суть: пост, уединение, бдение, хранение чувств, поклоны, хождение в церковь, чтение слова Божия и отеческих писаний, всестороннее послушание, трезвенное внимание к себе, молитва, вера. Вы видели, как они вытекают из природы нашей и из свойства самой брани. И стало, можете быть уверены, что все они существенно необходимы в деле нашего воинствования против греха.

Но положим, что кто-либо вооружился всеми ими: все ли он сделал? Нет. Надобно еще действовать ими, и действовать не как попало, а целесообразно. Не берусь вам изобразить всё, как ведется духовная брань. Это предмет очень обширный. Укажу только самые главные приемы, которых, однако ж, достаточно, чтоб обеспечить за вами успех борения.

Первое. Не задумывайте вы поднимать войну против всего полчища страстей, а вооружайтесь всякий раз против той страсти, которая воюет на вас. Воюет гордость, боритесь с гордостью, воюет гнев, боритесь с гневом, одолевает зависть, боритесь с завистью. Какой враг пред лицом, того и борите, на того и устремляйте все свои воинские силы и все внимание. То вражеская уловка, что он отвлекает силы наши в другую сторону, а не на то, где опасность.

Второе. Поспешите отделить себя от врага и противопоставить себя ему, а его себе. В духовной брани не то, что в чувственной. В чувственной враг идет прямо в лицо и виден. А в духовной брани и враг, и мы – в той же душе и в том же сердце, и вся беда у нас большею частью оттого, что мы не умеем различить врага от себя и разъединиться с ним. Думаем, что страстное движение, нас тревожащее, это мы, наша природа, естественное требование, которому удовлетворить должно, тогда как она – не мы, не потребность природы, а враг наш, пришлый отовсюду. Это заблуждение есть источник всех наших грехопадений и неправых дел. Если б успевали мы на

первых порах отделять страсть от себя, как нечто пришлое, вражеское, то не удовлетворять бы ей склонялись, а воодушевлялись ненавистью и противлением.

Третье. Отделив беспокоящую нас страсть от себя и сознав ее врагом, начинайте воевать против нее, бороть ее, перебирая одно оружие за другим, пока не убежит и не скроется от нас, или пока не успокоится душа. Поститесь, молитесь, читайте, размышляйте, с духовным отцом говорите, в церковь ходите, дома поклоны кладите. Словом, все употребите, что полагаете пригодным, чтоб одолеть врага. Иногда страсть скоро скрывается, иногда долго борет. Наше дело не ослабевать, а мужественно терпеть в подъятии воевательных подвигов, пока и следа вражеского не останется на земле души нашей.

Четвертое. Враг прогнан, страсть погашена, душа успокоилась. Никогда не думайте, что вы поразили сию страсть насмерть. Нет. Она только устранилась на время, не имея возможности противостоять напору сил ваших. Но, как только случай, тотчас опять восстанет и начнет бороть. Вы одолели страсть только в одном случае, но таких случаев она найдет тысячи и снова начнет бороть и вызывать на брань. Притом одна страсть устранилась – другая выступит, и арена наша никогда не бывает пуста и праздна. Это значит, что христианину никогда не должно слагать с себя всеоружия своего, а быть в нем и день, и ночь. Он есть воин несменный, который всегда должен быть готов на брань. В сем "терпение" (Откр 13, 10). «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19), ибо только «претерпевый... до конца, той спасен будет» (Мк. 13, 13).

Вот и вся программа брани! Сознав врагом свою страсть, сейчас тебя борющую, поражай ее оружиями своими, употребляя одно за другим, пока прогонишь. Прогнал? Стой и смотри, ожидая нападения той же или другой страсти. И когда нападает, сделай с нею то же, что делал с первою. Так всякий день, всякий час и всякую минуту.

Спросите: «Когда же конец?» На деле уже всякий сам увидит, когда настанет конец брани именно для него. Когда кончится брань, тогда ей и конец будет, наперед же это определить никто не может. Наперед можно сказать только то,

что чем кто бодреннее будет бороться, не поддаваясь ни одному страстному влечению, тем скорее начнут ослабевать страсти, и по мере того, как длиться будет сия неуступчивая брань, мир и тишина начнут водворяться в душе. Есть же надежда, что душа придет наконец в такое мирное устройство, в котором, как в полночной тишине, царствовать будет глубокое молчание – знак, что враги далеко прогнаны или все положены на месте. Тогда душа внутренне будет праздновать непрестающую субботу, вопия: «Проидохом сквозь огонь и воду, и извел ны еси в покой!» (Пс.65, 12).

Милостивый Господь, Началовождь наш, да поможет всем вам, труженики в брани, достигнуть сего великого блага! Аминь.

В неделю вторую Великого поста (каким образом бывает, что когда мы губим себя – не губим, а спасаем)

Господь наш Иисус Христос сказал: «Иже... аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю» (Мк. 8, 35). Слова сии глубоко надобно напечатлеть в сердце своем тем, кои, поговевши, покаявшись и Святых Тайн причастившись, вступили теперь в борьбу с собою, со страстями своими, с живущим в них грехом. Ведайте, борцы Христовы, что, когда самих себя вы поражаете, самим себе труд, болезнь и скорбь причиняете, не наветование какое против себя являете, а спасение свое устрояете, не теряете, а приобретаете, не иждиваетесь, а полнеете, растете.

Чтоб это было вам яснее и мужество ваше в борьбе с собою неослабнее, поясню вам, каким образом бывает, что когда мы губим себя – не губим, а спасаем.

Понятно сие станет вам, когда хорошо вообразите, что произошло с нами в падении. Там положилося основание такому загадочному образу действия нашего в отношении к нам самим. Святой Макарий Египетский в беседах своих часто обращается к сему предмету и разными сравнениями старается приблизить его к нашему понятию. Он говорит, что в первобытном состоянии человек был чист, совершенен и украшен всеми добродетелями: страхом Божиим, верою, кротостию, смирением, милосердием, воздержанием, чистотою, нестяжательностию, братолюбием – словом, всеми совершенствами, в каких сиял в нем образ и подобие Божие. Но когда внял он внушению лукавого и преступил заповедь, тогда вошел в него другой человек, во всем противоположный первому, который, сорастворившись с ним, закрыл его, стеснил и заглушил собою, как бы член наложился на член, голова против головы, грудь против груди, руки против рук и прочее: всякий член против соответствующего члена, так что того первого человека не видно стало, а виднелся один почти сей пришлый человек, во всем, как сказано, противоположный

первому: страстный, нечистый, гордый, богоборный, злобный, любостяжательный, завистливый, невоздержный, похотливый, братоненавистный, всякою нечистотою и неправдою исполненный.

Так одвоился человек. Собственно человек есть естество человеческое, как оно вышло из рук Творца, а это пришлое, нечистое и страстное не есть человек, а только призрак являет человека, и не живет, а только являет призрак жизни, на деле же мертво есть или, лучше, мертвяще в отношении к истинному человеку. Кажется, нам самим, нашему лицу надлежало бы стоять на стороне правого, первобытного человека. Но неизвестно, что такое сделалось с нами, что мы отшатнулись от него и стали на сторону человека пришлого, страстного до того, что его только и считаем собою. Отчего и бывает, что, какую бы страстью ни был одолеваем человек, он стоит за нее, как за себя. Ему и на мысль не приходит, что он тут действует не за себя, а за чужого кого-то против себя. Когда, например, в гневе кто бывает и по внушению гнева идет против кого, то чувствует, что стоит за себя, себя хочет защитить. Тогда как ни гнев, ни другая какая страсть – не мы и не принадлежит к природе человека. Это все пришлое, чуждое, враждебное нам, губящее нас.

Вот сего-то страстного человека, чуждого нам и пришлого, которого, однако ж, по обольщению мы стали считать собою, душою своею, и заповедует Господь погубить и умертвить, если кто захочет душу свою спасти, ту душу, которая стеснена, закрыта и заглушена сим пришлым человеком, или пришлою страстною душою. И действительно так бывает. Так и с нами будет. Ибо если станем мы делом поступать так, станем, то есть, губить душу свою, то следствием сего будет, что истинный в нас человек освободится из-под гнета человека пришлого и заживет свойственною ему богоподобною жизнью, а человек пришлый, призрачно живущий, потребится в нас и во всем существе нашем воцарится, таким образом, истинная жизнь, исходящая, как видите, из самоумерщвления и самопогубления.

Очевидно вам, полагаю, стало, что значит губить душу свою, чтоб спасти ее, и почему сие спасение иначе и устроиться

не может, как погублением себя. Но вместе с сим очевидно да будет вам и то, что в деле брани духовной главный и начальный наш прием должен состоять в том, чтоб раздвоиться со страстным, пришлым в нас человеком, оттолкнуть его от себя, сознать его не только не собою, но и врагом нашим, губящим нас. Как в обыкновенных делах наших никак не станем мы действовать против кого-либо, пока не раздружимся с ним и не сознаем его в отношении к нам враждебности, так и в духовной жизни нашей, пока не раздружимся мы с страстями и не сознаем их враждебности нам, не станем действовать против них. А не станем действовать против них, и не умертвим их. Если же мы не умертвим их, то они будут мертвить нас. Итак, необходимо надо нам раздвоиться. Себя поставить на одну сторону, а страстного человека оттолкнуть на другую. Поставить его против себя и начать с ним брань и войну, чтоб, член за членом отсекая в нем, наконец и совсем убить его и выбросить вон из себя, оставшись чистыми и совершенными, как хочет Господь и как Он создал нас.

Напомню вам, что раздвоение должно было уже совершиться в вас именно силою и действием покаяния. Ибо что есть покаяние? Начинает человек гнушаться всем нечистым, страстным и греховным и, желая избавиться и очиститься от того, полагает твердое намерение посвятить жизнь свою Господу и исполнению святых Его заповедей, ни в чем не поблажая страстям и не поддаваясь более влечениям их. Вот что есть покаяние! Оно есть тот внутренний поворот, коим раздвояется человек внутри себя сознанием и свободою, переходя от страстей на сторону святости – правды.

Так, раздвоение в вас уже произошло. Смотрите, опять не сдружитесь. Ибо, коль скоро сдружитесь, прекратится брань. А брань теперь главное ваше дело, в ней – жизнь ваша. Вот и надобно вам постоянно поновлять и оживлять первоначальное раздвоение ваше со страстями, подогревать в вас враждование с ними. Страстный человек хоть и оттолкнут уже, но он все еще жив и будет тянуть вас к себе и лестию, и угрозою. Ваше же дело стоять на своем посту, не входя с ним ни в какие сделки и соглашения и всегда располагая себя противоположно тому, как

он внушает. Он будет, например, влечь вас к похоти, а вы напрягайте себя на чистоту; он будет возжигать гнев, а вы располагайте себя к кротости; он будет внушать гордость и тщеславие, а вы учите себя смирению. Так и во всем. Противьтесь злу и понуждайте себя на добро. И это есть как главное дело ваше в брани, так и главное условие успеха вашего в ней и вашего умиротворения внутреннего. Такого рода трудом над собою вы сделаете то, что человек страстный будет все более и более слабеть, не только не получая себе пищи и удовлетворения, но и постоянно будучи поражаем, а человек духовный будет все более и более крепнуть, пока наконец тот совсем не замрет и не останется один этот последний. Это только и хотел я вам ныне пояснить, чтоб, когда враг начнет к вам сладкие простираť речи: «Зачем себя мучите и, себе во всем отказывая, губите себя», – вы, воодушеваясь мужеством, ответили б ему: «Не себя мучим, а тебя, не себя губим, а тебя в голову поражаем, льстивого врага и губителя нашего», – и продолжали б безжалостное к себе борение страстей своих, ни в чем не поблажая и отдыха им не давая от непрерывных противлений им и поражений их.

Приложу в заключение мое искреннее вам благожелание, да умертвятся «уды ваша, яже на земли: блуд, нечистота, страсть, похоть злая и лихоимание», да отложены также будут вами «гнев, ярость, злоба, хуление, срамословие от уст ваших» (Кол.3, 5, 8). Так вы совлечетесь «ветхого человека с деяниями его» и облечетесь "в нового" (Кол.3, 9–10). И об вас можно будет сказать словом Апостола: "умросте" (Кол.3, 3), но так, что чрез смерть сию перешли вы "в живот" (1Ин.3, 14), "и живот сей сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол.3, 3).

Буди вам сие благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, смертью Своею нас оживившего и в нашем самоумерщвлении живот свой в нас возрождающего и утверждающего! Аминь.

В неделю вторую Великого поста (борцы страстей, не ослабевайте и льстивым речам их не внимайте)

Работающие страстям лелеют страсти, как дорогие детища, но и к тем, кои вступили уже в борьбу с ними, враг часто подступает с льстивою речью пожалеть себя и не бороться их с такою безжалостностью и непоощаждением. Если б познали страстные, какие мучители суть страсти, тотчас отвергли б их от себя, как исчадия адские. Но и вы, борцы страстей, не ослабевайте и льстивым речам их не внимайте, ведая, что они ад хотят отверзть под ногами вашими и низринуть вас туда. Ибо послушайте, что говорит о них святой апостол Павел. "Христос, – говорит, – явится, живот наш... Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение, их же ради грядет гнев Божий на сыны противления... Отложите также гнев, ярость, злобу, хуление, срамословие от уст ваших» (Кол. 3, 4–6, 8). Короткое наставление сие можно так выразить: придет Господь судить живых и мертвых и осудит на вечное мучение всех, коих сердца окажутся исполненными страстей. Восприимите же отныне усердие и труд очистить себя от сих страстей.

Вонмите же сему внушению и не ослабевайте в борьбе вашей со страстями. Страстных ад ожидает, за поблажку страстям они вечному мучению преданы будут. Я же хочу прибавить к сему, что страсти сами суть ад и страстный уже предвкушает мучения адские.

Есть люди, которые не верят, что будет огонь, червь, скрежет зубов и прочие телесные мучения, во аде ожидающие грешников. Нечестиво так думать и люди сии находятся в заблуждении опасном и пагубном. Но пусть так, скажем им. Пусть по-вашему! При всем том, однако ж, вы не можете отвергать, что по разлучении с телом душа останется живою, чувствующею и себя сознающею и что страсти, коим она работала здесь, в ней пребудут и перейдут с нею в ту жизнь. Если так, то этого одного будет достаточно, чтоб составить самый мучительный ад. Страсти, коими жила здесь душа, не

находя себе удовлетворения, там будут жечь и точить ее, как огонь и червь: будут терзать ее непрерывными, самыми томительными мучениями.

Страсти не суть какое-либо легкое помышление или желание, кои являются и исчезают, не оставляя следа. Нет, это внутренние и крепкие позывы сердца порочного. Глубоко входят они в естество души и долгим властвованием над нею сорастворяются с нею и сочленяются, так что их не выбросишь и не стряхнешь так легко, как легко выбрасывается сор или сметается пыль. Но как они не естественны душе, а входят в нее вследствие грехолюбия нашего, то по причине сей неестественности и будут томить и мучить душу. Это все то же, как кто примет яд: сей жжет и терзает тело, потому что противен устройству его. Или то же, как если б змею кто посадил в себя и она, оставаясь живою, грызла бы его внутренности. Так и страсти, внутрь души принятые, как змеи и яд, будут грызть и терзать ее, и она хотела бы тогда выбросить их из себя, но не сможет, ибо сроднила и срастила их с собою, а спасительных средств исцеления, кои здесь Святою Церковью предлагаются в Покаянии и Исповеди, тогда иметь не будет. И будет, таким образом, вовеки терзаема ими непрерывно и нестерпимо, внутрь себя самойнося адский огонь, вечно палящий и не угасающий.

Употребим другое сравнение. Слыхали вы про пытки. Накормят, например, иного соленым и запрут, не давая ему пить. Говорят, что он испытывает такое мучительное жжение, что жизни бывает не рад. Но кто же жжет его и мучит? Совне никто. Он в себе самом носит мучительное жжение. Нечем удовлетворить ему жажды, жажда и мучит его. Так и страсти суть внутренние жгучие жаждания, суть разжженные вожделения души грехолюбивой. Здесь, на земле, удовлетворишь их – они молчат на время. Но потом опять с силою требуют удовлетворения и беспокоят, пока снова насыщены не будут. На том же свете нечем будет удовлетворить их, ибо все предметы их суть предметы земные. Предметы сии остаются здесь, страсти же в душе и с душою перейдут туда и будут жаждать удовлетворения, жаждать и томить душу сею жаждою, потому

что ей нечем будет удовлетворить их. И чем далее будет жить душа, тем более будет томиться и терзаться страстями неудовлетворенными. Эта степень муки, не прекращаясь, все будет расти и расти и конца не будет сему возрастанию и усилению. Вот и ад! Зависть – червь, гнев и ярость – огонь, ненависть – скрежет зубов, похоть – тьма кромешная!

Сей ад от страстей еще здесь начинается, ибо кто из страстных наслаждается покоем? Только здесь они не всю свою мучительность обнаруживают над душою. Здесь тело и общежитие отводят и умеряют удары их. Там этого не будет и они всю свою ядовитостью нападут на душу. Приведу вам на сей предмет слова преподобного аввы Дорофея: «Находясь в теле сем, душа получает облегчение от страстей своих и некоторое утешение: человек ест, пьет, спит, беседует, ходите с любезными друзьями своими. Когда же выйдет из тела, душа его остается однако страстями своими и потому всегда мучится ими: исполненная ими, она опалается их мятежом и терзается ими. Как страждущий горячкою страдает от внутреннего огня, так и страстная душа всегда мучиться будет, несчастная, своим злым навыком, имея всегда горькое воспоминание и томительное действие от страстей, которые беспрестанно жгут и опаляют ее. Когда же это так, то поистине нам предстоит тягчайший конец, если не будем внимательны к себе. Потому я и говорю вам всегда: старайтесь возделывать добрые в себе расположения, чтоб найти их там, ибо что человек имеет здесь, то исходит с ним отсюда и то же будет иметь и там».

То же самое приложу и я к беседе моей. Позаботимся, пока живы, очистить себя от всякой скверны страстей и на место их насадить всякие добродетели. Конечно, это требует труда, и труда немалого. Как же и быть иначе? Без труда ничего не сделаешь. Кто запустил свое поле и дал ему зарости всякою дурною травою, а потом решается очистить его, тот, конечно, исторгая терния и колючие негодные травы, ранит и порезывает себе руки. Но считает ли он это чем-либо? Ничем. Он и не замечает почти труда сего в ожидании, что он, наконец, будет иметь плодоносное поле или сад с цветами и плодовыми деревьями, которые будут доставлять ему всякое удовольствие.

Так и душу, заросшую тернием страстей, нельзя очистить без болезненных трудов и борений. Но зато когда, очистив ее от них, насадим добрые семена, она расцветает всякими добродетелями и всякого рода красотами духовными, кои привлекут взоры и Небесных, и земных. Тогда в душе будет рай духовный и Сам Господь, как некогда в раю земном, будет ходить в ней, исполняя ее неизреченными утешениями, как Сам обетовал чрез Пророка, говоря: «Очиститесь... и Я вселюся в вас и похожду, и буду вам в Бога" (2Кор.6, 16).

Сие-то обетование имея в памяти, не ослабевайте в мужестве, вступившие в борьбу со страстями и похотями. Разжигайте ревность свою чаянием того светлого состояния, которое будет достоянием вашим по преодолении страстей, как борцы на аренах разгораются к усилиям препобедить соперников дарами, какие обещают им за преодоление. Помогите вам Господи в сем спасительном деле! Аминь.

В неделю вторую Великого поста (что такое есть распятие мира нам и нас миру)

«Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру» (Гал. 6, 14), – говорит святой апостол Павел. Хочу протолковать вам, что такое разумеет Апостол, когда говорит: «имже мне мир распяся, и аз миру». Ибо вам, которые после Исповеди и Святого Причастия вступили на тот путь, на котором распинается «плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24), необходимо иметь в сем запутанном деле руководительные указания, чтоб действовать прямым и верным образом. А одно из первых указаний содержится в приведенных словах Апостола, и вы будете его иметь, когда уразумеете, что такое есть распятие мира нам и нас миру.

В руководство к истолкованию сего возьмем мысли святого отца нашего, аввы Дорофея, из первого его поучения об отречении от мира. Он истолковал место сие для монахов, но так, что толкование его можно применить и не к монахам. Он говорит, что, когда человек отрекается от мира, оставляет дом, родителей, родных, имение свое, свое село или город, уходит в монастырь и делается иноком, тогда он может сказать: «Мне мир распяся» (Гал. 6, 14). Мира для меня нет, он далеко остался за стенами монастыря. Я оставил его, и он не видит меня на улицах, ни на торжищах, ни не беседах своих и ни в каких делах своих. «Мне мир распялся», умер, как бы нет его. Но, говоря так, инок, укрывшийся в стенах монастыря от мира и прелестей его видимых, может сам в себе, в своем сердце, жить для мира, сохранять мирские пристрастия и, сидя в келии, думать о мире и красоте его и услаждаться мысленно утехами его. В таком случае он не может сказать, что и он распялся миру. Ибо хотя оставил мир телом, но сердцем живет в мире и во всех утехах его. Когда же он при помощи Божией, зная силу обетов иноческих, не внешне только оставляет мир, разделяясь с ним пустынею или оградю обители, но и внутренне, в сердце своем погашает всякое к нему пристрастие, всякое им соуслаждение и

даже помышление о нем, тогда может он сказать, что не только мир ему распялся, но и он миру, то есть, что и он уже не живет миру: в сердце его другие есть помышления, другие чувства и расположения, другому миру, лучшему и совершеннейшему, живет он, а этому распялся.

Думаю, что это толкование понятно для вас, но вместе предполагаю, что вы тотчас готовы отклонить от себя всякое обязательство, налагаемое на вас истолкованными словами Апостола, говоря: «Так это к монахам идет, чтоб иметь мир распятым себе и себя распять миру, а не к нам, мирянам». Нет, не так, братие! Апостол это в лице своем всем христианам дал закон и всех обязал так устроиться в себе, чтоб всякий мог сказать: «Мне мир распялся, и аз миру». Вот посмотрите, как это может и должно совершиться в вас.

Возьмите вы во внимание, что словом «мир» означает, собственно, не сожительство человеческое, не дела житейские, а все греховное, страстное, богопротивное. Мир – то, в чем качествуют «похоть плоти, похоть очес и гордость житейская» (1Ин. 2, 16), или где царствует всякий грех. В этом смысле слова: «мне мир распялся, и аз миру» – будут значить то же, что: «мне всякий грех распялся, и я всякому греху распялся». Как же это и когда бывает?

Заметьте наперед, что в каждом грехе есть две стороны: одну составляют греховные дела, а другую – греховная страсть. Страсть служит источником и причиною греховных дел, а дела суть произведение и выражение страсти. Так, например, гневливость или сердитость есть страсть греховная, в сердце живущая, а дела, в коих она выражается, суть: вспышки гнева, брань, свары, споры, драки, убийства. Страсть одна, а сколько у нее дел? И все они от нее одной происходят. Так же сластолюбие, или чувственность, есть греховная страсть к чувственным удовольствиям, а дела ее суть: многоядение, сладкоядение, многопитие, сладкопитие, гулянье в трактирах, на гульбищах, в непотребных домах, в театрах, на балах, вечеринках. То же надобно разуметь и о всякой страсти. Всякая страсть, одна в сердце, вовне телом выражается многими делами.

После сего нетрудно вам понять, как бывает, что грех, или мир, распинается нам, и как бывает, что мы распинаемся греху, или миру.

Когда кто оставляет дела греховные, или страстные, тогда распинается ему грех, или мир, а когда кто и самую страсть греховную в себе погашает и искореняет, тогда и он распинается греху, или миру. Так, например, когда кто оставляет гульбища, театры, трактиры, вечеринки и прочее, так что никто никогда не видит его ни в каких непотребных делах и местах, а всегда все видят его в поведении исправным и степенным, тогда, значит, грех, или мир, эту часть своею умер для него, или распялся ему. Но при сем нельзя еще наверно сказать, чтоб и сам он распялся греху, или миру. Ибо хотя нет его в тех местах и делах телом, но он может быть там сердцем и умом. Нет его в театре телом, но он может думать о нем и с соуслаждением говорить: «Как бы хорошо побыть там». Нет его в трактире и на гуляньях телом, но он может быть там умом и сердцем, может думать и желать, как бы попасть туда, жалея, что его нет там. Во всех сих и подобных случаях хотя грех, или мир, распялся ему, но он сам еще не распялся греху, или миру, еще любит его, еще желает его и услаждается им. Одолеl он себя настолько, чтоб удаляться от греховных дел, а сердца своего еще не переломил, еще не научил его не любить греховных дел, отвратиться от них и возненавидеть их. Пред Богом он еще грехолюбец, или миролюбец. Ибо Бог смотрит не на одни дела, а паче на сердце (1Цар.16,7). Почему должно нам не только отстать от дел страстных и греховных, но преодолеть и погасить самые страсти так, чтоб не услаждаться никакими страстными предметами и делами, а иметь к ним отвращение и гнушаться ими. Вот когда уже кто достигнет до этого состояния, когда кто не только дел греховных делать не будет, но и самое пристрастие к ним погасит в себе, тогда он может сказать о себе, что и он распялся миру.

Итак, поставьте вы на одну сторону все греховные и страстные дела, а на другую – греховные страсти, и так помышляйте: когда оставите вы все страстные дела, тогда будет значить, что мир вам распялся, а когда вы самые страсти

погасите, тогда будет значить, что и вы распялись миру. Вот в каком разуме и к вам, мирянам, приложим закон, чтоб иметь мир распятым себе и себя распять миру. Первое выражается тем, что человек порочный оставляет жизнь распутную, дурную, зазорную и начинает жить степенно, исправив свое поведение. А второе выражается тем, что не только исправного кто бывает поведения, но и чувства сердца своего держит исправными, чистыми и Богу приятными. Первое легче, а второе труднее. Почему не у всякого, исправного по внешнему поведению, исправно бывает и сердце.

Это и было причиною, что Апостол не остановился на одном распятии мира, или греха, нам, но прибавил и распятие нас – миру. «Мало, – как бы так говорит, – мало, что твое поведение исправно. Ты в сердце свое войди, пересмотри там свои чувства и расположения и их все сделай святыми и Богу угодными». Исполняет сию апостольскую заповедь тот, кто, вошедши в себя, к Богу возносится умом своим и, Его в себе созерцать напрягаясь непрестанно, помышлением о Нем испытывает правоту всякого своего помышления и чувства и прогоняет все неправое как богопротивное, кто, водворивши в себе страх Божий, строго внимает себе и без жалости посекает всякое нечистое расположение, сопутствующее ли делам или предшествующее и последующее им, и, таким образом, всякое дело очищает и чистым представляет Богу, как жертву непорочную и всесожжение тучное. Что же вы изберете? Надобно избрать то и другое. Кто в страстные дела запутался – брось их и исправь поведение свое. Кто исправил поведение – не останавливайся на одном этом, а войди внутрь себя и исправь самое сердце твое, погасив в нем страсти, кои и исправное для людей поведение делают неисправным пред лицом Бога, Который видит сердце и по нем оправдывает или осуждает человека. Тогда и из вас всякий со Апостолом может сказать: «Мне мир распяся, и аз миру» (Гал. 6, 14). Аминь.

15 марта 1864 года

Часть 10. В неделю крестопоклонную

В неделю крестопоклонную (или погибать, или быть на кресте самораспинания)

Посреди святой Четыредесятницы Святая Церковь предлагает чествованию и поклонению нашему Святой Крест Господень. В этом видна Ее о нас материнская попечительность... Она хочет тем ослабевающих в подвигах поста и самоисправления подкрепить, ревностных воодушевить на большие подвиги и всем внушить мысль и намерение до конца жизни неотступно и непоколебимо шествовать вслед Господа под крестом, который каждым взят на себя в час решимости угождать Господу.

Припомните, что было у вас на душе, когда вы принесли раскаяние во грехах и, отворотившись от страстей и страстных дел, сказали Господу чрез духовного отца своего: «Не буду»? Если это было сказано искренно, то, верно, вы чувствовали тогда полную готовность до крови стать в подвиге против врагов Господа и ваших, вступить в борьбу со страстями и похотями без всякого саможаления и снисхождения к себе, с принесением в жертву всего дорогого, но грешного, со всецелым самоотвержением. Нет сомнения, что вслед за Исповедью, сподобившись Святого Причастия, вы, отходя от Чаши Господней, тотчас и вступили в сию брань, или в сей труд мысленной и сердечной верности Господу, которой искушения начали представляться вам на каждом шагу, по обычному порядку дел наших. Брань эта, вы знаете теперь, нелегка, а главное, как живая, слишком чувствительна. Вы должны были отказывать себе в том, что глубоко залегло в сердце, и, чтоб успеть в этом, держать в напряжении и душу, и тело. Один день, другой так провести можно почти без труда, а в неделю – утомишься, в две – еще более. Когда подумаем, что так надо прожить и до конца поста и всей жизни, невольно начнут как бы опускаться руки и подламываться ноги, то есть чувство тяготы подвига начнет подавлять и колебать первую решимость или, по крайней мере, позывать на льготы и послабление. Как то и другое пагубно, ибо означает бегство с поля битвы, обращение

вспять, то, предвидя такое положение наше, святая мать наша, Церковь, в помощь нам спешит оживить нашу ревность живейшим впечатлением во внимании нашем лика распявшегося Господа. Предлагая поклонению нашему Крест Господень, она сим говорит каждому из нас: «Смотри на Господа, висящего на Кресте. Видишь, что, взошедши на Крест, Он уже не сходил с него до тех пор, пока предал дух Свой Богу и Отцу. Вот и ты, вступив в подвиг борения со страстями в видах угождения Господу, начинаешь чувствовать, что ты будто распят на кресте. Так это и есть. Смотри же, пребывай на сем кресте спокойно, не рвись и не мечись и особенно отревай всякое помышление сойти с него до тех самых пор, пока не придет минута и тебе сказать: «Отче, в руке Твои предаю дух мой!» (Лк.23,46)». Смысл слова такой: не ослабляй своей решимости, не допускай поблажек себе, не изменяй начатых подвигов, иди твердо болезненным путем самоотвержения. Он приведет тебя к блаженному почитию в лоне Отца Небесного.

Прост и ясен урок сей. И как для многих он, может быть, есть урок самый благовременный! Помолимся, да дарует Господь и всем нам пребыть навсегда в таком настроении. Решившись угождать Господу, не отступим от сей решимости; вступив в подвиг, не будем изменять его. А когда немощь начнет брать свое и колебать дух наш, поспешим всякий раз обставлять его возбуждательными помышлениями. Будем говорить ему так: «Иначе нельзя – или погибать, или быть на кресте самораспинания, пока есть в нас дыхание жизни». И Господь был на Кресте, и все святые крестным шествовали путем. «Толик имуще облажащ нас облак свидетелей... и взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса... с терпением да течем на подлежащий нам подвиг» (Евр.12, 1–2). Точно, трудно и болезненно! Но разве без обетования труд сей? О! «Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас!» (Рим. 8, 18). Далеко это! Но потерпим немного в постоянстве самоумерщвления и еще здесь начнем предвкушать блаженство, ожидающее нас в будущем. Много ли мы потрудились? И посмотреть не на что, а хотим уже пожинать приятные плоды. Воодушевимся! Получаем удар и наносим

удар. Но тем самым, что наносим удар, сами крепнем, а врага истощаем, и чем больше будем давать этих противоударений, тем будем становиться мы крепче, а враг слабее. Потом из вражеского полчища один за другим начнут выбывать борющиеся нас, отстанут, наконец, и самые злые и неотвязчивые и разве издали, косвенно как, будут приражаться к нам. Вот "и мир", а за миром «и радость о Духе Святе» (Рим.14,17). И это скоро может прийти. Только положим в закон не поддаваться и не делать поблажек. Но вот тут-то, братие, вся наша беда и есть! Враг-то нам первый кто есть? Саможаление – враг самый льстивый и самый опасный. «Послабь, – говорит, – немножко, утомился!» Видите, за нас стоит. А послушай его и послабь себе в чем? Одно послабление поведет к другому, другое – к третьему и так далее, а потом все и расслабнет, и все строгости отойдут, и все порядки жизни благочестной придут в забвение. Современно же с этим мысли рассеются и похоти раздражатся, а ревность духа охладееет. В этом нестроении придет любимая страсть – выманить сначала внимание, потом сочувствие, а там согласие. После же сего только случай, и грех – готов. Вот и опять падение, опять омрачение ума, опять томление совести, опять нестроение, и внутреннее, и внешнее. Дальше, падение за падением: и опять все пойдет по-старому, как будто и не начато дело самоуправления.

И что я говорю: по-старому? Хуже будет. Ибо как после молнии та же темнота ночи бывает темнее, так после восстаний от греха новые падения повторительные в большее и большее расстройство приводят бедную душу. О сем в предостережение наше Господь Сам предъявлял, говоря: «Егда... нечистый дух изыдет из человека, преходит сквозь безводная места, ища покоя, и не обретает. Тогда речет: возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох. И пришед обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою семь иных духов лютейших себе, и вшедше живут ту; и будут последняя человеку тому горша первых» (Мф.12, 43–45).

«Горша первых!» И по закону правды Божией следует так быть. Давно ли каялся и плакал? Господь принял раскаяние и все простил, опять возвратил Свое благоволение прежнее и

Самого Себя дал в Общение в Святом Причащении. Человек же – что за все это? Поддержал себя немного степенно и бросил и опять предался греху. Как можно этому поблажать? Вот и слушай строгий приговор суда: «Отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или трех свидетелях умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и Кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый? Вемы бо Рекшаго: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь... Страшно есть, еже впасти в руце Бога Живаго» (Евр.10, 28–31). В другом месте святой Апостол устрашение сие усиливает и оправдывает тем, что падающих вновь, по принятии благодати, ставит в один ряд с распинателями Господа, именуя их «второе распинающими» (Евр.6, 6) Его, и еще страшнейшее произносит о них суждение, говоря, что таковых, падающих по вкушении дара Небесного, невозможно «паки обновлять в покаяние» (Евр.6, 6), конечно, не оскудение милосердия Божия выражая тем, а окончательное расслабление самих падающих. Ибо от повторительных падений грубеет душа, тупеет чувство совести – раскаяния – и приближается предание себя в руки падения своего, в "нечаяние" вложение (Еф.4, 19). Почему приговаривает далее тут же святой Апостол: «Земля... пившая сходящий на ню множицею дождь... а износящая терния и волчец, непотребна есть и клятвы близ, еяже кончина в пожжение» (Евр.6, 7–8).

Бывает же так, что часы, например, чинят, а потом дойдет до того, что и чинить нельзя. Так и в грехопадениях: иной до того дойдет, что и поправить его ничем не поправишь.

Такие устрашения предъясвляет нам Господь в слове Своем не затем, чтоб ввергнуть кого в отчаянное состояние, а затем, чтоб, зная сие, мы имели опасливую заботу, как бы не довести себя до него в самом деле; затем, чтоб, если кто пал, не валялся в падении, а поспешил встать, а кто встал, раздражал бы в себе ревность всегда стоять, не позволял бы себе разлениваться и снова падать в прежние грехи и поблажки страстям. Ведь оставаться в падении нельзя. Надо встать. Помог Господь, встали – и стойте. Какой смысл опять увлекать себя в падения, зная, что надо опять вставать и что это

восстание будет труднее? Начато дело? Не бросайте. Трудно? Перемогитесь, день ото дня все будет легче и легче. А там и совсем легко. Не все же труд и болезнь, и утешение Господь посылает, а там и смерть скоро, и всему конец. Даруй, Господи, чтобы она застала нас на добром пути раскаяния и в трудах самоисправления! Все сие приводя себе, братие, на мысль, ныне, пред Крестом Господа, положим в сердце своем не изменять положенного намерения угождать Господу и пребыть Ему верными до положения живота в трудах самоотвержения и самоисправления. Аминь.

22 марта 1864 года

В неделю крестопоклонную (о трех видах крестов: о крестах внешних)

«Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6, 14), – говорит святой апостол Павел. Как это святой Апостол до такого дошел расположения, что ничем другим хвалиться не хотел, кроме креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничижение: как же хвалиться им? И вот, однако ж, апостол Павел хвалится им, вместе с ним хвалились, конечно, и все Апостолы, а за ними и все другие крестоносцы. Почему же это так? Прозрели богомудрые мужи великое значение креста, высоко ценили его и хвалились, что сподобились носить его. Они зрели в нем, вместо тесноты – широту, вместо горести – сладость, вместо уничижения – величие, вместо бесчестия – славу, и хвалились им, как хвалится иной великолепным каким украшением и отличием.

О, когда бы нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтобы понять и ощутить силу креста и начать хвалиться им!

О значении креста вот краткое общее объяснение: Господь совершил спасение наше крестною смертию своею, на кресте растерзал Он рукописание грехов наших, крестом примирил нас Богу и Отцу, чрез крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков крест Господень в нем самом. Каждый же из нас становится причастным спасительной силы его не иначе, как чрез свой собственный крест. Свой собственный каждого крест, когда соединяется с крестом Христовым, силу и действие сего последнего переносит на нас, становится как бы каналом, чрез который из креста Христова преливается на нас «всякое даяние благо и всяк дар совершен» (Иак. 1, 17). Из этого видно, что собственные каждого кресты в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим крест Христов. И вы не найдете ни одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей-то причине каждый всесторонне обложен крестами, чтоб не затрудняться исканием крестоношения и недалеко быть от спасительной силы креста

Христов. Можно сказать так: осмотришь около себя и в себе, усмотри крест свой, понеси его, как следует, соединенно со крестом Христовым, – и будешь спасен.

Хотя и не всякий несет крест свой, и крест большею частию не простой, а сложный, но не всякий смотрит на него чрез крест Христов, не всякий обращает его в устроение спасения своего, не у всякого потому крест бывает спасительным крестом. Пересмотрим все возможные кресты и разберем, как следует нести каждый из них, чтоб он был силою во спасение.

Крестов много, но видов их три: первый вид – кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед, и вообще из горькой участи земного пребывания; второй – кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; третий – кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностью в волю Божию.

Ныне скажу вам несколько слов о крестах внешних. Это – самые многосложные и разнообразные кресты. Они разбросаны на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся: скорби, беды, несчастия, болезни, потери близких, неудачи на службе, всякого рода лишения и ущербы, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины и вообще доля земная, у всякого больше или меньше нелегкая. У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет от них ни знатность, ни богатство, ни слава и никакое величие земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земный, и не отступят от него до той, когда отвернется рай небесный.

Хочешь, чтоб сии кресты были тебе во спасение, употреби их по намерению Божию при назначении их в отношении к человеку вообще и в отношении к тебе в частности. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтоб не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришлец на стране чужой, и искал возвращения в истинное отечество свое. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из

рая и вне рая обложен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтоб помнил, что он не на своем месте, а состоит под наказанием и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Так, видя скорби, несчастья и слезы, не удивляйся и, терпя их, не досадуй. Так следует. Преступнику и ослушнику не к лицу полное благоденствие и счастье. Прими сие к сердцу и благодушно неси долю свою.

«Но зачем, – скажешь, – у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключений и раздавать ее». Да так ведь она и раздается. Присмотрись и увидишь. Тебе ныне тяжело, а другому вчера было или завтра будет тяжело, ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь, от начала до конца, и увидишь, что всем бывает тяжело, и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же! Прояснится и над тобою небо. В жизни, как в природе, то светлые, то мрачные бывают дни. Бывало ли когда, чтоб грозная туча не проходила? И был ли кто на свете, кто бы так думал? Не думай и ты так о своем горе, и обрадуешь себя упованием.

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони несколько главу твою и помяни, что есть Господь, отечески о тебе пекущийся и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе, как с Его согласия и воли. Никто, как Он послал его тебе. А Он очень точно знает, что, кому, когда и как послать, и когда посылает, во благо того самого посылает, кто подлежит горю. Так осмотришь и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвести, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать – терпение и верность Господу показать, чтоб на тебе потом показать и славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего конечно идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране

своей, как пластырь, – и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог чрез постигшее тебя горе, общее неразмышляющее верование воздвигни в сердце своем, что все от Господа, и что все, идущее от Господа есть во благо нам, и толкуй мятущейся душе: «Так Богу угодно». Терпи! Кого наказует Он, тот у Него как сын!

Наипаче же останови внимание на твоём нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен, – как, конечно, и грешен, – то радуйся, что пришел огонь скорби и поглотит грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на суде. Воззри на огонь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаему, каких горестей не пожелал бы ты перенести здесь, чтоб только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтоб каждый день теперь резали и жгли, нежели там неопisanному и непреставшему подпасть мучению. Не лучше ли же, чтоб там не испытать сего, теперь и не столь большое нести горе так, чтоб чрез то избавиться вечного огня? Говори сам себе: «По грехам моим посланы мне такие удары», и благодари Господа, что благодать Его на покаяние тебя ведет. Затем, вместо бесплодного горевания, распознай, какой есть за тобой грех, покайся и перестань грешить. Когда так расположишься, то конечно скажешь: «Мало еще мне. По грехам моим и не того стою!»

Так, общую ли несешь горькую долю, или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней, как врачевство от грехов, как ключ, отверзающий дверь в Царство Небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуй и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе и только горюет, не движась мыслию своею окрест и не возводя сердца своего горе – к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами, как следует, и пропускают время благоприятное и день спасения. Господь в руки подает содевание спасения, а они отвергают его.

Постигли беда и горе. Уже несешь крест. Сделай же, чтоб сие несение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы представлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположениях сердца. Возбуди благодарность, смирись под крепкую руку, покайся, исправь жизнь. Если отошла вера в богоуправление всем, возврати ее в недро свое, и облобызаешь десницу Божию. Если скрылась связь горя с грехами твоими, изостри око совести и увидишь, оплачешь грех и увлажишь сухость горя слезами покаяния. Если забыл, что горькость здешней доли искупает от горчайшей вечной участи, воскреси память о том, и к благодущию придашь желание скорбей, чтоб за малые здешние скорби милость вечную сретить нам от Господа. Много ли и трудно ли все сие? А между тем такие помышления и чувства суть нити, коими крест наш связуется с крестом Христовым и из него истекают спасительные для нас силы. Без них же крест остается на нас и тяготит нас, а спасительности не имеет, будучи разъединен с крестом Христовым. Тогда мы являемся не спасаемыми крестоносцами и не можем уже «хвалиться... о кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6, 14).

Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодущным, благодарным и покаянным терпением. Тогда ощутим спасительное действие скорбных крестов и будем радоваться, подвергаясь им, прозревая сквозь них свет славы, и научаться хвалиться ими не будущего только ради, но и настоящего плода от них. Аминь.

В неделю крестопоклонную (о трех видах крестов: о крестах внутренних)

Из трех видов креста я сказал вам несколько слов об одном, именно, о крестах внешних: скорбях, бедах и лишениях. Теперь скажу что-нибудь о втором виде крестов – крестах внутренних.

Кресты внутренние встречаются нам во время борьбы со страстями и похотями. Святой Апостол говорит: «Иже Христови суть, плоть распяша со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Распяли? Стало, был крест, на коем у них распяты сии страсти и похоти. Какой же это крест? Борьба с ними. Распять страсти значит обессилить их, подавить, искоренить. Поборет человек страсть какую несколько раз, обессилит ее; поборет еще несколько, подавит; еще поборет, и совсем искоренит, с помощью Божиею. Как сия борьба трудна, прискорбна и болезненна, то она есть воистину крест, внутри нас водруженный. У борющегося со страстями иногда будто руки пригвождаются, терновый венец на голову надевается, сердце живое прободается. Так ему бывает тяжело и больно.

Труду и болезненности нельзя не быть, ибо страсти хоть суть чужие нам, но, пришедши совне, так приросли к телу и душе, что корнями своими проникли во все составы их и силы. Стань вырывать, и больно. Больно, зато спасительно, и спасительность сия не иначе достается, как чрез болезненность. Есть болезнь полип: какое-то чуждое нам тело зарождается в нашем теле, растет и пускает корни. Не вырежешь – не исцелеешь, а стань вырезывать – больно. Пусть больно, но сия боль здоровье возвращает. А оставь, не вырезывай – тоже будет больно, только боль сия не к здоровью, а к усилению болезни, может быть, даже к смерти. Вот и сибирскую болезнь как лечат? Вырежут прыщ и прижгут то место и еще ядовитым чем намажут и натрут. Больно, зато целительно. А оставь так, боль будет болью, да еще смерти не миновать. Так и борьба со страстями, или искоренение их – болезненны, зато спасительны. А оставь страсти, не искореняй – они тоже будут причинять тяготу,

болезненность, страдание, но не на спасение, а на пагубу и смерть духовную, ибо «оброцы... греха смерть» (Рим. 6, 23).

Какая же страсть не болезненна? Гнев жжет, зависть сушит, похоть расслабляет, скупость есть и спать не дает, гордость оскорбленная убийственно снедает сердце и всякая другая страсть – ненависть, подозрительность, сварливость, человекоугодие, пристрастие к вещам и лицам – свое причиняет нам терзание, так что жить в страстях то же, что ходить по ножам или угольям босыми ногами или быть в положении человека, у которого змеи сосут сердце. И опять, у кого нет страстей? У всякого есть. Коль скоро есть самолюбие, все страсти есть, ибо оно есть мать страстей и без дочерей своих не бывает. Только не у всякого они все в одинаковой степени: у одного одна, у другого другая преобладает и заправляет другими. А когда есть у всякого страсти, есть и мучение от них. Всякого мучат и распинают страсти – только не на спасение, а на пагубу.

Так, нося страсти, терзаешься ими и гибнешь. Не лучше ли же взяться за себя и самому в себе устроить страдание, тоже по поводу страстей, но не на пагубу, а во спасение. Стоит только обратить нож и, вместо того, чтоб, удовлетворяя страстям, себя поражать им, поражать им страсти, начав борьбу с ними и во всем им попереча. И тут будет боль и страдание сердца, но боль целительная, за которую тотчас последует отрадное успокоение, как бывает когда целительный пластырь попадает на рану. Рассерчает, например, кто: трудно одолеть гнев и неприятно, но когда одолеешь – успокоишься, а когда удовлетворишь ему – долго будешь беспокоиться. Оскорблен кто: трудно одолеть себя и простить, но когда простишь – мир возымеешь, а когда отмстишь – не увидишь покоя. Загорелось пристрастие: трудно погасить, но когда погасишь – свет Божий увидишь, а не погасишь – будешь ходить как убитый. Так в отношении ко всякой страсти. И страсть мучит, и борьба с нею скорбь причиняет. Но первое губит, а второе спасает и исцеляет. Всякому страстному надо сказать: «Ты гибнешь на кресте страстей. Разори этот крест и устрой другой – крест борьбы с ними. И будет тебе распинание на нем во спасение!» Все сие

ясно, как день, и выбор, кажется, должен бы быть очень незатруднителен. И, однако ж, делом он не всегда оправдывается.

И удивляться надобно нашему ослеплению. Страдает иной от страсти – и все еще удовлетворяет ей. Видит, что удовлетворением больше и больше себе причиняет зла – и все удовлетворяет. Необъяснимое вражество против себя самих! Иной и собирается восстать на страсть, но лишь только пробудись страсть с своими требованиями, тотчас идет в след ее. Опять соберется и опять уступает. Несколько раз так, и все успех один и тот же. Непонятное расслабление нравственной силы! Лесть и обман в чем? В том, что страсть за удовлетворение себе обещает горы удовольствий, а борьба с нею ничего не обещает. Но ведь сколько уже раз было испытано, что удовлетворение страсти приносит не счастье и покой, а муку и томление. Она много обещает, но ничего не дает, а борьба ничего не обещает, а все дает. Если не испытал сего, испытай и увидишь. Но то горе наше, что испытать-то не соберемся с силами. Причина тому саможаление. Саможаление есть самый лстивый наш изменник и враг. Первое исчадие самолюбия. Жалеем себя и губим себя сами. Думаем, что добро себе делаем, а делаем зло, и чем более делаем зла, тем более желательнее нам делать зло. Оттого зло растет и конечную пагубу нашу приближает к нам.

Воодушевимся же, братие, и мужественно пойдем на крест самораспятия, чрез распятие и искоренение страстей и похотей. Отвергнем саможаление и возгреем ревность самоумучения. Возьмеем сердце врача, который в нужде и любимым и чтимым особам делает жестокие резания и прижигания. Не буду вам указывать способа и всего хода борьбы. Возьмитесь за дело, и оно само все пояснит и всему научит. Приведите на мысль тот покой, ту радость и тот свет, кои водворяются в сердце по одолении страстей, и возгрейте тем ревность свою к восстанию на них. Свет, покой и радость зарождаются с самого начала вступления в борьбу сию, и все растут и возвышаются, пока в конце не завершатся мирным устроением сердца, в коем почивает Бог. И Бог мира истинно выну пребывает с тем, кто

достигает сей степени. Тогда-то вполне оказывается, что крест точно есть древо жизни. Райское древо жизни осталось в раю; на земле вместо его водружено древо креста. Цель же и этого одна: вкусит человек и жив будет. Приди, прильпни к нему устами твоими и пей из него жизнь. Прильпнешь ко кресту когда, отвергнув саможаление, возревнуешь о самораспятии, а пить жизнь из него станешь, когда вступишь в борьбу со страстями. Каждое одоление страсти будет то же, что прием живительных соков из креста живоносного. Учащай, скорее напоишься и исполнишься жизни. Дивно свойство самораспятия! Оно будто отнимает, но, отнимая, дает; оно будто отсекает, но, отсекая, прививает; оно будто убивает, но, убивая, живит. Точно Крест Христов, коим смерть попрана и живот дарован. Какое благо, а велик ли труд!!! Первый шаг трудноват – первое себя одоление, первая решимость на борьбу, а потом, что ни схватка в брани, все легче и легче. И ревность будет сильнее разгораться, и умение одолевать увеличиваться, и враг слабеет. Как в обычной брани воинам бывает страшно только начать, а потом они уже ни на что не смотрят, все им становится и сподручно, и легко, так и в духовной брани: только начни, далее брань будет сама себя разгорячать и облегчать. И затем, чем ретивее и живее схватки, тем скорее конец брани и ближе покой. Сил недостает начать? Молись. Господь пошлет. Окружи себя помышлениями об опасности пребывания в страстях, и погонишь себя тем из тьмы их к свету свободы от них. Оживи чувство мучительства и возгоришься досадою на них и желанием избыть от них. Но паче всего, исповедав немощь свою пред Господом, стой и толки в двери милосердия Его, вопия о помощи. Придет помощь! Воззрит на тебя Господь и свет от очей Его попадит в тебе саможаление и возжет ревность бодро вооружиться против страстей. А там, аще Господь с нами, кто на нас?

Подвигоположнице Господи! Воодушевивый нас ревностию вступить в подвиг борьбы со страстями, Сам и устоять в ней подай силы, да под знаменiem Креста Твоего воинствуем доброе воинствование, взирая на Тебя, Начальника и Совершителя веры нашей, крестом спасение нам устроившего и живот нам в нем даровавшего. Аминь.

В неделю крестопоклонную (о трех видах крестов: о кресте преданности в волю Божию)

Осталось еще изъяснить вам третий вид креста, спасительного для нас, – крест преданности в волю Божию. Скажу и о нем слово-другое.

Слово вам слово-другое, потому что полное о нем учение превосходит силы мои. На крест сей восходят уже совершеннейшие христиане. Они и знают его и говорить о нем могли бы ясно, полно и с силою. Другим же где говорить так? А не помянуть нельзя, чтоб кто из вас, одолевши одну-другую страсть и несколько успокоившись от тревог изнутри, не подумал, что уже все сделал, что должно и что ожидается от христиан.

Нет, и при этом не все еще сделано. Кто даже совсем себя очистил от страстей, не совершил еще главного действия христианского, а только приготовился к нему. Очистил ты себя от страстей – принеси же теперь себя чистого Богу в жертву чистую и непорочную, каковая одна и приличествует Ему Пречистому. Посмотри на Голгофу. Там крест благоразумного разбойника есть крест очищения себя от страстей, а Крест Господень есть крест жертвы чистой и непорочной. И он-то есть плод преданности в волю Божию – беспрекословной, полной, безвозвратной. Кто вознес на крест Спасителя нашего? Сия преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, «да мимоидет... чаша», но решительное о сем определение изрек так: «Обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты» (Мф. 26, 39). От слова Его: "Аз есмь" (Ин. 18, 6), падают пришедшие связать Его. Но потом они же вяжут Его. Почему? Потому что Он Сам Себя прежде связал преданностью воле Божией. Под крестом тварь вся содрогается и жизнь умершие приемлют, а Он неподвижен пребывал на кресте, ибо предал дух Свой Богу. Таковы и все, возросшие «в мужа совершенна», достигшие «в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13). Они все бывают распяты, так сказать, на воле Божией. На ней пригвождено всякое их своеличное движение, и мысль, и

желание. Или сих последних, в обыкновенном смысле и виде, совсем нет у них: свое все у них умерло, пожерто будучи волею Божиею. Что движет их, это есть Божие мановение, Божие внушение, которые им только одним ведомым образом печатлеясь в сердце их, определяют всю их деятельность. Святой апостол Павел в отношении к себе изображает сие состояние так: «Христови сраспяхся. Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19–20). Как только сораспяхся он Христу, он – Апостол, муж совершеннейший, перестал уже жить сам, но стал жить в нем Христос. Или он стал в таком положении, о коем пишет в другом месте: «Бог... есть действуя в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении» (Фил. 2, 13). Это верх совершенства христианского, до которого только способен достигнуть человек. Он есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда Бог будет «всяческая во всех» (1Кор. 15, 28). Почему все, удостаивающиеся достигнуть его, нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и, или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юродами, или удаляются в пустыни. Но во всех сих видах внешней участи их внутреннее их одно: едины, с единым Богом пребывая в сердце, Им единым живут и действуют, скрываясь во внутреннейшем, глубочайшем безмолвии, при совершенном отсутствии всяких движений своих. Говорят, что высоко в последних пределах атмосферы нашей прекращается всякое движение стихий земных. Там спокойно пребывает одна всемирная стихия. Это образ сораспяхшихся Христу, переставших жить своею жизнью и начавших жить токмо Христом, или иначе, восшедших на крест преданности в волю Божию, которая одна качественно и действует в них с отрицанием всяких своеобразных усмотрений и действий.

Больше не имею вам сказать ничего о сем. И это сказано, чтоб только намекнуть вам, что вот где конец, вот где надобно нам быть и чего достигнуть, и чтоб, зная сие, вы расположились все, что ни имеете и ни делаете доброго, считать ни во что, если не дошли до сей нам определенной и от нас ожидаемой высоты духовной жизни. Многим думается, что христианство то же, что и другие виды жизни, а оно не то. Зачинается оно покаянием,

спеет борьбою со страстями, завершается чрез сораспятие Христу чистого внутреннего человека, погружением в Бога. "Умросте... – говорит Апостол, – и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге" (Кол. 3, 3). Тут все совершается внутри, незримо для людей и ведомо только совести и Богу. Внешнее тут ничто. Оно есть, конечно, приличная оболочка, но не решительный свидетель, и тем менее производитель внутреннего. Внешнее исправное поведение как часто бывает прекрасною наружностью гроба, полного костей!

Сие ведая, станем, братие, на Голгофе у крестов и начнем применять себя к ним и их к себе, какой к кому придется. Симон Киринейский, несший крест Господа, есть образ тех крестоносцев, кои подвергаются внешним скорбям и лишениям. Кого изображает благоразумный разбойник распятый и кого Господь на кресте, я только что сказал пред сим: первый изображает борющихся со страстями, а Господь – мужей совершенных, распявшихся в богопреданности. А крест злого разбойника кого изображает? Изображает тех, кои работают страстям. Страсти их мучат, терзают, распинают на смерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды. По сим признакам примеряй всякий к себе кресты и сам себя по ним определяй, кто ты – Симон ли Киринейский, или благоразумный разбойник, или подражатель Христу Господу или разбойник злой, по страстям, тебя снедающим?

Каким себя найдешь, такого и конца себе ожидай. Я только прибавлю: выбросьте вы из головы, будто можно путем утешной жизни стать тем, чем подобает нам быть во Христе. Утехи если бывают у истинных христиан, то совершенно случайно, отличительнейший же характер жизни их суть страдания и болезнования, внутренние и внешние, произвольные и невольные. «Многими скорбями подобает... внити в царствие» (Деян. 14, 22) и в то, которое "внутри" (Лк. 17, 21) является. Первый шаг здесь – перелом воли от худа на добро, составляющий сердце покаяния, – отражается смертельною болию от раны сокрушения, из которой потом сочится кровь во все продолжение борения со страстями и которая закрывается уже по стяжании чистоты, возводящей христианина на крест

сораспятия со Христом в воле Божией. Все – скорби и болезни и тяготы. Можно сказать так: утешность есть свидетельство непрямого пути, а скорбность – свидетельство пути правого.

Помышляя о сем, радуйтесь, крестоносцы! А вам что, утешающиеся? Слово Авраама к богачу в притче о богатом и Лазаре (Лк. 16, 25). Здесь вы утешаетесь, а другие страждут Христа ради и закона Его святого, а на том свете будет наоборот: крестным идущие путем будут утешаться, а утешавшиеся страдать. Вы говорите обыкновенно: «Вот и повеселиться будто нельзя или какое-либо себе позволить удовольствие». Да вы главное-то прежде сделайте, а потом позволяйте и это. А то у иного только и дела, что – ныне бал, завтра театр, там гулянье, да веселое чтение и беседа, да развлечения разные, – переход от одних приятностей к другим. А о главном, о том, как достигнуть того, чем должен быть всякий христианин, и помышления нет. Какого же плода ожидать от такой жизни? То внутреннее наше к Богу отношение во Христе будто само будет зреть, несмотря на эти внешние нестроения?! Как ему зреть? Горит ли свечка на ветре? Спеется ли жизнь от приема яда? Нет. Хочешь добра себе – брось утехы, вступи на крестный путь покаяния, перегори в огне самораспинания, закались в слезах сокрушения сердечного, и станешь золото или серебро, или камение драгое и в свое время будешь взят небесным Домовладыкою на украшение Его пресветлых и премирных чертогов. Аминь.

В неделю крестопоклонную (вы взошли на крест, давши противиться греху)

Ведомо вам, чего ради предлагается чествованию и поклонению нашему Честный Крест Господень среди Великого поста. Тем, которые еще не покаяться, сим говорится: «Если Сына Своего Единородного не пощадил Бог Правосудный, то какой ожидать вам пощады, если нераскаянными пребудете во грехах ваших? Бросьте же грех и обратитесь на путь правый». А тем, кои уже покаяться и начали трудиться над исправлением своего жития, говорится сим: «Видите, чего стоит грех. Смотрите же, не поддавайтесь более греху и не изменяйте данному вами в покаянии обету быть впредь исправными пред Господом».

К сим последним хочу обратить ныне слово мое и повторить им апостольское воодушевление: "Стойте... братие, мужайтесь, утверждайтесь» (1Кор.16, 13). Смотрите на Господа, ради вас на Кресте распявшегося. Взошедши на Крест, Он не сходил с него, пока предал дух Свой Богу Отцу. Вот и вы взошли на крест, давши обет противиться греху и вступивши в борьбу со страстями и похотями. Не сходите же с сего креста, каким бы искушениям и увлечениям ни подвергались вы. Враги Господа, окружая Крест Его, кричали: «Да снидет ныне со Креста, да видим и веруем Ему» (Мф.27, 42). Не послушал их Господь. Не слушайте и вы, когда враги вашего спасения начнут сманивать вас с вашего креста и прельщать к тому, чтоб вы бросили эту борьбу со страстями и похотями. Стойте, братие, и не поддавайтесь.

Давши обет не грешить и получивши за то прощение во грехах и сподобившись Причастия Святых Христовых Тайн, снова впадать в обычные грехи – значит совершать страшное и ужасное преступление. Смотрите, что говорит о сем Апостол. Говорит, что те, кои «просвещены», вкусили «дара небесного», стали «причастниками Духа Святого» и "доброго" вкусили «глагола Божия и силы грядущего века» (Евр.6, 4–5), во второй раз распинают «Сына Божия себе», если снова отпадают от

Бога и предаются нечистотам и непотребствам (Евр.6,6). Не пропускай никто из покаявшихся мимо ушей сего страшного слова, а сядь лучше и размысли, не к тебе ли прямо идет приговор сей, если снова падешь. Не просвещен ли ты теперь только в Покаянии? Да, просвещен. Ты был в ослеплении. Пришла благодать, просветила твои мысленные очи, увидел ты бездну пагубы, пришел в чувство и опомнился. Не вкусил ли ты "доброго... глагола Божия»? Да, вкусил, когда слышал утешительное разрешение во всех грехах своих. Не стал ли ты причастником Духа Святого и Дара Небесного? Да, стал, когда причастился Святых Христовых Тайн и с сим Причастием принял Самого Господа. Если же все сие прямо идет к тебе, то, когда снова падешь, будет прямо к тебе же идти и то, что приговорено потом снова отпадающим после таких милостей. То есть, если ты, сподобившись таких благодатей, снова вдашься в грех, то будешь "второе" распинать Сына Божия (Евр. 6, 6). Войди же ты чувством в сие и страшись греха.

Подумает кто, не для устрашения ли только написал сие святой Апостол? Ибо как можно теперь снова распять Господа, прославленного и сидящего одесную Бога и Отца? Точно, сего никто уже не может сделать, но не это и хочет сказать Апостол, а хочет доказать, как велика тяжесть греха, когда падают в него по обновлении в Крещении или в Покаянии, которое есть второе Крещение. И говорит, что тяжесть греха сего так же велика, как велика тяжесть греха тех, кои самым делом распинали Господа. Падая снова в грех, ты становишься в ряд распинателей Господа, в ряд тех, кои заушали Его, плевали на Него, били Его по ланитам, бичевали Его, терновый венец возлагали на главу Его, пригвождали ко Кресту, ругались над Ним, копием ребра Его прободали. Ведь когда страдал Господь, то Он наши грехи подъял. Какая-нибудь черта страдания очищает грех каждого из нас. Положим же, что какой-нибудь, например, удар бича был за твои грехи прошедшие. Когда ты покался и обратился ко Господу, ради того удара прощены все грехи твои. А когда ты снова падешь в грех и опять поновишь все грехи свои, чем снова прикрыть их и ради чего снова простить тебе их? Не иначе, как ради другой какой черты страдания, ради

следующего, например, удара бичом. Стало, этот удар будет за тебя, за твой грех. Он нужен ради твоего греха, грех твой даст его. Не будь твоего нового греха, не был бы нужен и новый удар за тебя. Пусть следующий-то удар и был уже дан, но он будет уже не за тебя, а за другого кого. Ты очищен предыдущим ударом. Не повторяй снова грех, и не будет из-за тебя новой раны в страждущем Господе. Вот это и напечатлей поживее в уме своем, в борьбе твоей с грехом своим. Когда подойдет грех и начнет влечь, вообрази, что если ты согласишься на него, то будешь, совершая грех, заушать, или бичевать, или оплевывать Спасителя, и отскочишь от греха, как от страшилища.

Рассказывается в отечниках, что в Египте был один грешник, который после Исповеди и Святого Причастия нимало не берег себя, но, как только представлялся случай, снова падал в прежние грехи после каждого говения. Но как он не злой был, а немощь его одолевала, то Господь сжалился над ним и для вразумления его устроил ему такое видение: шел он где-то один и видит, что к нему подходит какое-то страшилище, похожее на человека, непомерной высоты, косматое, безобразное, нечистое, с глазами сверкающими. Подошло оно, потрепав его по плечу, сказало: «Чего ты боишься, мы с тобой приятели, в одном месте будем». Грешник хоть очень испугался, но спросил его: «Да ты кто же?» «Я, – говорит, – тот, кто ударил в ланиту Иисуса Христа, да и все, которые после Исповеди и Святого Причастия снова грешат, на одной стоят линии с Иудой и прочими мучителями и распинателями Господа». Сказал так и пошел в другую сторону. Это видение так поразило грешника, что он тогда же, оставя все, удалился в пустыню и там до конца жизни в строгих подвигах оплакивал грехи свои.

Из сего случая возьми ты себе удостоверение, что снова грешащие после Покаяния и Святого Причастия точно сами себя ставят в ряд распинателей Господа, и сим убеждением устрашай душу свою и отбивай у нее всякое поползновение на грех, возникающее в похотях сердца и возмущающее доброе твое намерение блюсти себя впредь чистым и непадательным.

Говорится так не затем, чтоб ввергнуть кого в отчаяние, но чтоб отклонить от грехопадений. Отчаиваться не должно,

сколько бы кто ни грешил. Но что за радость ставить себя произвольно на ту линию, на которой стоят Иуда и распинатели, даже зная, что возврат из такого сообщества невозможен. Может быть, и из распинателей многие образумились, подобно сотнику (Мк. 15, 39). И Иуда был бы конечно прощен, если бы покался. Но всякий скажет, что гораздо бы лучше не быть в толпе распинателей, чем, побывши, идти обратно восвояси, бия в перси свои. К тому же сии раскаявшиеся не знали, Кого они распинали. А о нас можно ли сказать, что не знаем? Сознательное же падение во сколько утяжеляет грех? Конечно, в минуту увлечения греховного ослепление нападает и душою овладевает легкомыслие, по коему все нипочем, но это не оправдание. В первый раз кого отуманивает грех, тому еще можно извиниться, а кто несколько раз подвергался сей беде и хорошо знает, в чем состоит, как подходит, что производит сие отуманение, тому чем извиниться? Чувство же неизвиняемости ожесточение сердца производит, а ожесточение сердца ведет к нераскаянности. Про Иуду говорят, будто он, предавая Господа, не думал, что Он пострадает, а ожидал, что Своею чудодейственною силою развеет все напасти. Но потом, когда увидел, как пошло дело, упал духом, ожестел сердцем и отчаялся. Если б знал он такой исход своего предательства, едва ли бы решился на него. Для нас же и без испытания все подобные исходы видны. Не лучше ли потому не идти нам сим путем Иудиним, хоть не можем сказать, чтоб Господь снова не явил на нас чудес Своего милосердия. Господь всегда готов явить их, но вот чего не можем мы предугадать: не приняло бы сердце наше поворот к ожесточению и от ожесточения к решительной нераскаянности после греха, к которому теперь влечет нас страсть? Если еще падем, погибли мы. Не лучше ли же совсем не делать шага, который может подвергнуть нас такой крайней опасности, и не искушать милосердия Божия?

Вот такими помышлениями ограждайте себя и душу свою отрезвляйте, когда придет блажь греха и начнет искушать вас. Ведь теперь вы на добром пути. Употребите труд устоять. А что стоит употребить, сие видите вы из той беды, в какую впадете, если не устоите.

Господь да умудрит всех вас во спасение и да дарует вам силы и мужество сердца противостоять страстям и похотям, чтобы часть спасаемых получить, а не тех, о коих написано: «Воззрят на Него, егоже прободоша!» (Ин.19, 37). Аминь.

27 февраля 1866 года

Часть 11. В неделю четвертую Великого поста

В неделю четвертую Великого поста (изображение жития святого Иоанна Лествичника; как сделаться полным подражателем святого Иоанна)

Нынешнее воскресенье посвящается памяти святого отца нашего Иоанна, писателя «Лествицы». И говорить нечего о том, чего ради так положено во Святой Церкви. Пост святой учрежден не для очищения только нашего, но и для укрепления нас в добре, – не для того только, чтобы полагать доброе начало, но и подвигнуться вперед на пути к совершенству. Так вот, чтоб кто-либо, потрудившись немного в делании добра, совершив несколько подвигов или проведши несколько времени степенную жизнь, не подумал, что он совершил уже все или зашел далеко на пути к совершенству, приводится ныне каждому из нас на память святой Иоанн Лествичник, чтоб, вспомнив о нем, живописали мы в уме своем и его святую «Лествицу» и, ею измерив труды свои, вернее могли определить, что пройдено нами и что осталось еще пройти нам. Чтоб помочь вам в сем деле, лучше бы всего сокращенно описать вам святую «Лествицу» восхождения к богоподобному совершенству. Но думаю, что того же можно достигнуть изображением жития святого Иоанна Лествичника, ибо не писанием только, но и жизнью своею он указывает нам лестницу, по которой необходимо должно восходить всем, желающим совершенствоваться в духовном житии. Итак, послушайте.

Жизнеописание святого Иоанна Лествичника коротко, но оно в малом совмещает многое или, лучше сказать, все. Вот как текла жизнь его.

С юных лет возлюбил он Господа и, несмотря на лестные надежды, какие подавали его естественные дарования и обширная ученость, оставив мир, удалился он от своей родины далеко – на Синай, чтоб странничеством освободиться от многих препятствий к жизни духовной и в местности иметь вразумительное указание на то, чего и где искать должно.

Положив, таким образом, доброе начало, он с самого вступления в обитель предает себя вседушно опытному

наставнику и поставляет себя в такое состояние, как будто бы душа его не имела ни своего разума, ни своей воли. Подавив в себе чрез то самоуверенность и самоволие, он вскоре избавляется от свойственной людям даровитым кичливости, приобретает небесную простоту и является совершенным в трудах и добродетелях послушничества.

Когда затем наставник его отошел ко Господу, святой Иоанн, горя любовью к большему совершенству, как уже окрепший в добродетелях иночества – и внешних, и внутренних, – исходит на поприще безмолвия. Избрав для сего подвига в пяти поприщах (около одного километра) от храма Господня удобное место, сорок лет проводит на оном уединенное житие в строгом воздержании и подвижничестве, в непрестанной молитве и богомыслии, а паче в слезах, которые составляли для него хлеб день и ночь.

Зато скоро восходит он на высшую степень чистоты и делается сосудом особенных дарований Божиих: прозорливости, дерзновения в молитве и чудотворений. Потом, когда надлежало избирать настоятеля, братия вся единодушно поставила его вождем над собою, как новоявленного какого Моисея, и он, с горы богосозерцания снисшедши, предложил, как богописанные скрижали, свою святую «Лествицу», где изобразил образ совершенного христианского жития, им самим пройденный и благодатию Божиею в сердце его начертанный. Путеводствуя так сих избранных иноков, достигает предела видимого жития и отходит в Горний Иерусалим.

Вот все течение жизни святого. Я не касался подробностей, имея в виду указать только те ступени, по которым восходил он к совершенству в научение нам. И легко всякому заметить, что их было три главнейших: оставление мира со всеми его надеждами, труды послушничества по воле руководителя, затем безмолвие, сделавшее его достойным особых дарований Божиих и богомудрого настоятельствоваания. Эти степени общи всем святым, просиявшим христианскими совершенствами на земле, как можете сами увериться, прочитав со вниманием житие какого угодно из них. Те же степени надобно пройти и

всем нам, если желаем не казаться только, но быть истинными христианами.

Не подумал бы кто: «То жизнь монаха-пустынника, а мы, миряне, живем в сожительстве человеческом: как же приложить его жизнь к нам? Хотя бы и желал кто подражать, но не сможет, ибо мы совсем в других находимся обстоятельствах». Но, братие, не в форме сила. Трех показанных степеней в том виде, как они пройдены святым Иоанном и проходятся всеми немирными, мы пройти не можем, но можем пройти их так, как они могут быть проходимы в миру и сожительстве с мирянами, в другой форме, но в той же силе. Дадим им прежде всего настоящее название. Отречение от всего, или оставление мира, понятно вам. Послушничество – это жизнь в добрых трудах, не по своей воле, а по указанию другого. Наконец, безмолвие – это стремление быть непрестанно в сердце с Единым Богом, чего когда кто достигнет, начинает являть силы Божии, или особенные дарования. Посмотрите теперь, как это может быть исполнено мирянином и даже исполняется вами.

То, что у святого Иоанна есть оставление мира и удаление в обитель Синайскую, у нас с вами есть оставление греховного и страстного жития и обращение умом и сердцем к богоугождению, ибо мир есть образ страстной греховной жизни, а обитель иноческая – символ добродетельного жития. Кто оставляет грех и полагает намерение жить свято, тот делает то же, что другой оставляющий мир и поступающий в обитель. Если вы в пост сей искренно покаетесь и положили не оскорблять более Бога грехами своими, то вы сделали подражателями святого Иоанна, когда он, оставя мир, удалился в обитель Синайскую. Остается вам пребыть в сем намерении и в исполнении требований его, чтоб сделаться подражателями его и во второй степени его восхождения к совершенству.

На второй степени, в обители, святой Иоанн нес труд послушания под руководством своего старца-руководителя. В нашем житейском быту в чем должно состоять сие послушничество? В исполнении заповедей, коими определяется образ жизни каждого из вас как семьянина, как члена гражданского общества и как сына Церкви. Делай то, что

повелевают заповеди, и будешь исправный послушник. Слуга ты – исполняй заповеди слуги, отец или мать – исполняй заповеди родительские, сын ты – исполняй заповеди сыновства, судья – исполняй заповеди правосудия, торгующий – торгуй как заповедано. Требуется чего гражданское устройство – исполни. И все, что заповедует Святая Церковь, исполняй от мала до велика. Все сие есть спасительное послушничество, когда действуют не по своей воле, а по тому, как предписано. Святой Иоанн имел руководителя. Кто у вас руководители? Пастыри Церкви. Поди, спроси и вразумись всякий раз, и поступи по указанию их. Не свою волю будут они изрекать вам, а заповеди Евангелия и постановления Святой Божией Церкви. Вот кто, таким образом оставя грех, начнет жить в трудах добродетели и исполнения всесторонних заповедей Божиих, под руководством законных пастырей, тот будет подражателем святого Иоанна во второй его степени совершенства.

Как, наконец, подражать ему в безмолвии? Вот как. Посмотрите, что есть безмолвие? Внешне – это есть удаление от всех и пребывание наедине, а внутренне – это есть устранение всякого развлечения мысленного и собрание себя внутрь сердца, чтоб там пребывать неистово, пред лицом Единого Всевидящего Бога. Внешнее безмолвие не в ваших руках и может быть в житейском быту только случайно, а уединение внутреннее в ваших руках. Его себе и устройте, всячески заботясь о том, чтоб сколько можно чаще входить внутрь себя, в свою внутреннюю клетку, и там наедине предстоять Единому Богу. В доме ли вы, на пути, на должности или в храме, напрягайтесь не исходить вниманием из сердца и не отрывайте око ума вашего от лицезрения Божия. И будете уединенники, или безмолвники. Потребность к безмолвному внутри-пребыванию рождается в душе вследствие добросовестного труда в исполнении заповедей Божиих. Пока страсти и греховные привычки качествуют в сердце, нельзя иметь внутреннего безмолвия: это так по свойству их. Труд добродетели и исполнения заповедей Божиих исторгает из естества нашего страсти и греховные привычки. Тогда рождается позыв быть едино с Господом. И вот, смотрите: те,

кои окрепли в добрых делах и расположениях, часто – или во время молитвы дома и в храме, или во время благочестивого размышления и чтения – так входят глубоко внутрь и погружаются в такое безмолвие, что не замечают, как время идет, и, несмотря на труд внешний, например во время молитвы или стояния в храме, не хотели бы прекратить его, чтоб всегда быть в сем блаженном состоянии. Это начатки внутреннего безмолвия, возможного и в семейном быту. Остается продолжать жизнь в том же труде доброделания, всячески заботясь и молясь чаще бывать в сих состояниях и ища, чтоб то, что бывает по временам, стало непрерывным. И будет. Господь не оставит труда любви. Надо только отстранить из жизни все, что может расстраивать сие благонастроение и погашать блаженную теплоту внутреннего безмолвия.

Вот как и из вас каждый может сделаться полным подражателем святого Иоанна. Только, братие, «такو тецыте, да постигнете» (1Кор.9, 24). Восходите «в меру возраста исполнения Христова» (Еф.4, 13). Видите, какой образец! Пред ним все наше – ничто. Что и засматриваться на наши малости. «Задняя убо забывая, в предняя» простирайтесь, «к почести вышняго звания... о Христе Иисусе» (Флп.3, 13–14). Аминь.

2 апреля 1861 года

В неделю четвертую Великого поста (главное содержание «Лествицы» и краткое очертание всего пути нашего к Господу, под видом восхождений по лестнице)

Вслед за поклонением Честному и Животворящему Кресту, что совершалось в прошедшее воскресенье и седмицу, ныне Святая Церковь приводит нам на память преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Лествичника все с одною и тою же целию поощрения нас на подвиги самоисправления и преуспевания в добродетелях. Известно вам, что святой Иоанн составил душеспасительную книгу, именуемую «Лествица духовная, возводящая на Небо». Тут изображается непрерывная цепь добродетелей, или степени их, из коих, от одной к другой переходя и тем с одной степени на другую восходя, христианин вступает, наконец, в духовное Небо, в коем становится "един дух с Господом» (1Кор. 6, 17). На сей-то последний предел жизни христианской наводя мысль нашу, Святая Церковь хочет нам сказать: «Не бойтесь креста самораспинания и не бегайте крестоношения подвижничества. Смотрите, куда он приводит, и воодушевитесь. Есть из-за чего потрудиться!»

И лествица сия точно сильна во всякую душу влить сей дух мужественного ревнования. Так, она все выясняет: и начало всякой добродетели, и ее возрастание, и препятствия, и способы к преодолению их, и чрез это таким легким представляет упражнение в них, что читающему тотчас хочется вступить в подвиг, чтоб преуспеть в них. Почему не могу не желать, чтобы могущие познали сию книгу и пользовались ею ко спасению своему. И сам я пересказал бы ее вам всю, но где же это сделать? Целая книга! Укажу, по крайней мере, главное содержание ее и сделаю краткое очертание всего пути нашего ко Господу, под видом восхождений по лестнице.

Лествица у святого Лествичника имеет тридесять ступеней, по числу лет сокровенной жизни Господа и Спасителя, после коих Он начал «творити же и учити» (Деян. 1, 1). Подобно

лестнице, виденной патриархом Иаковом (Быт. 28, 12), она одним концом утверждается на земле, чтоб быть доступною для нас, земнородных, а другим упирает в Небо, указывая конечный предел нашего предназначения. По лестнице Иакова восходили и нисходили Ангелы, означая, что христианские добродетели суть ангельское дело и совершаются при помощи святых Ангелов. На верху лестницы святой Иаков видит Господа (Быт. 28, 13): к Господу приводит и лестница добродетелей христианских, чрез кои всякий, восходя от силы в силу, достигает «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13), достигает того совершенства, к которому обязует Господь: «Будите убо... совершены, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48), того единения с Богом, о коем молился Господь: «Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17, 21).

Сие неописанное благо, братие, предзря, мужественно, приступим к сей лестнице и бодренно понудим себя к неленостному по ней восхождению.

Мужественно приступим и бодренно понудим себя положить доброе начало сему восхождению. Если везде доброе начало – половина дела, тем паче в жизни духовной, которой оно бывает полным предначертанием. Ибо смотрите, чего требует здесь первый шаг? Требуется оставить землю. Как в житейском порядке нельзя ступить на лестницу, не отделившись от земли, над которою неизбежно поднимаются вместе с тем, как вступают на первую ступень, так и в порядке духовном первая степень восхождения к христианскому совершенству есть оставление земли – греха, то есть удаление от грешных дел и страстных чувств и расположений, которое совершается в Покаянии, когда, отвергну все недоброе и оплакавши, полагают благую решимость угождать Единому Богу. Кто дошел до сей решимости, тот сделал первый шаг, вступил на первую ступень. Как тому, кто как бы прирос к земле, нельзя подниматься по лестнице, так тому, кто еще обременен грехами, невозможно и думать о восхождении к совершенству. Уклонись прежде от зла – и начнешь творить благое. «Уклонение от зла, – говорит святой Лествичник, – есть начало покаяния, начало покаяния

есть начало спасения, а начало спасения есть благая решимость угождать Богу».

Вступив на лестницу, как потом восходят? Действуя руками и ногами, ступая то правою, то левою ногою и напрягаясь всеми членами тела. Так и покаявшийся и возымевший благую решимость угождать Богу тотчас вступает в труд, требующий напряжения и душевных, и телесных сил и безжалостного их утомления. Ибо ему необходимо противиться себе в худом и нудить себя на добро, внимать себе и всему встречающемуся, из многого избирать лучшее, не упрежу дать и не отставать, не пропускать без внимания и малых приражений греха, отстранять препятствия, угадывать способы в нападениях врагов и бороться с ними, не слагая оружий. Все сие и подобное составляет труд борьбы со страстями и преуспевание доброделания, которым определяется самое восхождение к совершенству. Ибо что есть совершенство, как не искоренение страсти и вкоренение вместо нее доброго расположения. Это и есть главный труд наш. И не одну ступень надо перешагнуть, пока он кончится. Не искоренишь вдруг всех страстей и не насадишь всех добродетелей. И то, и другое совершается постепенно. И каждой страсти умаление имеет свои степени, равно как и утверждение всякого доброго расположения. Почему у святого Лествичника изображение сего труда кончается двадцать шестой уже степенью.

Чему он здесь не учит, против какой страсти не вооружается! Вооружается против гордости и тщеславия, хитрости и лукавства, сребролюбия и любостяжания, чревоугодия и нецеломудрия, многословия и злословия, гнева и памятозлобия, лжи и клеветы, лености и сонливости, малодушия и боязливости и прочего. Научает смирению, незлобию, мужеству, бдению и усердию к молитве, нестяжательности, целомудрию, воздержанию, кротости, благоразумному молчанию, послушанию, памяти смертной, плачу, мягкосердию и прочему. Искоренение всякой страсти и насаждение противоположной добродетели составляет особую степень, которую надобно пройти, чтоб приступить к следующим. Во всем этом есть свои чин и порядок, для всякого,

впрочем, свой, о котором узнает он, однако ж, уже на самом деле. «Покусившиеся с телом взойти на Небо, – говорит Лествичник, – поистине имеют нужду в самопринуждении и непрестанном самоозлоблении. Благая решимость угождать Богу рождает труды. Труды сии суть делание добродетелей, или постоянное себя в них обучение. Плод сего обучения есть навыкновение в них. От навыкновения же происходит укоренение в добре».

Это предел трудов в восхождении по лестнице добродетелей. Говорят, что чем выше от земли, тем меньше бывает тяготение к земле и, следовательно, легче борьба с своею тяжестью у того, кто восходит горé. А есть такая черта, за которую тела совсем перестают тяготеть к земле, то есть становятся совсем без тяжести. Так и в степенях совершенства духовного: чем выше кто в нем всходит, тем меньше тяготит его земное. Иначе, чем тверже кто становится в добродетелях, чрез постоянное навыкновение в них, тем меньше борют его грехи и страсти. А есть и такая высота совершенства, где страсти совсем почти замирают и душа наслаждается покоем пребывания в добре, в коем беспрепятственно добродействует, свободно, непринужденно, естественно как бы, так же, как естественно, например, дыхание и обращение крови. Степень сия достигается тогда, когда в душе совершенно укореняется всякая добродетель и воссиявает бесстрастие и чистота. Это есть Небо духовное – верхний конец лестницы. Достигшим сего предела принадлежат прописанные Господом Блаженства (Мф. 5, 3–12) и верх Блаженств – вселение Бога, виденного Иаковом на верху лестницы. «Совершенно бесстрастным, – говорит святой Лествичник, – называется и есть тот, кто ум возвысил превыше всякой твари, душу же свою представил лицу Господа. Бесстрастие есть сердечное небо ума, есть небесная палата Небесного Царя. Плод бесстрастия есть полнота любви и совершенное вселение Бога в соделавшихся чрез сие бесстрастие чистыми сердцем, о коих сказано: «яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8)".

Вот куда возводит и чем кончается священная лестница! И вот эту-то картину хочет живописать ныне в уме нашем Святая

Церковь и, конечно, не любопытства ради или празднословия, а ради того, чтобы дать нам побуждение и возможность осмотреть добросовестно самих себя и определить неошибочно – где же стоим мы и какую занимаем степень? Вступили ли на лестницу и, вступивши, далеко ли взошли, высоко ли поднялись от земли и виден ли хоть сколько-нибудь последний конец восхождения? Конечно, численно определить степень свою может быть трудно и даже невозможно, но нетрудно определить степени, резкими чертами отличающиеся. Какой труд определить, например, первую свою степень? Кто не в состоянии дать определительный ответ, покался ли он и положил ли твердое намерение угождать Господу? Кто также не в состоянии сказать, вступил ли он, по раскаянии во грехах, в борьбу со страстями, борется ли с ними или поддается им? Так что же мы с вами скажем, братие? Стали ли на лестницу? Сделали ль хоть этот шаг?

Пусть ответит на сие совесть каждого. Я же приложу, что хоть шаг только кто сделал – все хорошо. Он уже на лестнице, уже на добром пути. Пусть много еще надо трудиться, пока покажутся в нем ясные следы совершенства, но начало положено. Не ослабевай только и не ленись по мере сил подвигаться вперед. Благословенно будет шествие твое и, если будет постоянно и неуклонно, несомненно увенчается успехом. Так хорошо хоть это. Но то дурно, если еще и первый шаг не сделан, если кто предан страстям и отстать от них не думает или и думает, но все отлагает день от дня, или, жалея свою страсть любимую, хочет заменить ее каким-либо добром, не отказываясь от нее, или, не имея резких страстей и порочных дел, живет, однако же, как живется, не радея о чистоте сердца. Все такие и подобные им не на добром пути стоят, еще не вступили на лестницу, возводящую к Богу, и им предлежит сделать сей первый шаг. Вот почему «Лестница» и воспоминается нам среди поста, чтоб, если кто, уразумев уроки ее, найдет, что он блуждает еще вне ее, имел время прийти в себя и покаяться. Вот это и поспешите сделать все, кому сие надлежит еще сделать. А потом усугубьте усердие заняться

исправлением себя и утверждением в себе добрых навыков. Ведь другие не стоят, а всё идут. Зачем же и нам отставать?

Да и все, братие, "так" будем тещи, да постигнем (1Кор.9, 24), «задняя... забывая, в предняя же простираясь» (Флп.3, 13). Кто остановился, тот уже не идет. Кто не идет далее, тот неизбежно отстает или даже более подвигается назад. Нет у нас и минуты без дела и нет дела, которое бы не было Богу или угодно, или негодно. Это потому, что мы лица и всюду влагаем свое намерение, по которому дела обращаются или во славу Божию, или в угоду нашей самости и служат потому или в благопоспешение в нашем шествии, или в препону ему. Внимательный к себе и всему окружающему и остановиться не может, а, что ни шаг, все вперед в совершенстве своем, от всего собирает с Господом и от всего богатеет. «Блюдайте убо, како опасно ходите, не якоже немудры, но якоже премудры, искупующе время, яко дние лукави суть» (Еф.5, 15–16).

29 марта 1864 года

В неделю четвертую Великого поста (о лестнице, возводящей на небо, и о непощадении плоти)

Какие не употребляет Святая Божия Церковь средства к тому, чтоб постоянно возбужденным и бодренным держать наш помысл в наших трудах богоугождения и ревнования о спасении души, особенно в сии дни постничества! Прошное воскресенье предлагала она нашему чествованию и поклонению Крест Господень, чтоб сказать нам: «Не бойтесь креста самоотвержения и самораспинания, всю тяжесть Креста Господь понес Сам, вам же остаются одни утешительные плоды его». Ныне предлагает она нашему воспоминанию и вниманию лестницу, возводящую на Небо, указывает пример восхождения по ней в писателе ее, святом Иоанне, и самое блаженство живописует в евангельском чтении о Блаженствах (Мф. 5, 3–12). Она говорит ныне каждому из нас: «Не желей трудов, смотри, какой блаженный конец ожидает тружеников, и воодушевляйся: спеши, гони, теки, да постигнешь». Она то же делает, что делают распорядители и учредители ристалищ. Как сии последние выставляют на вид награды тому, кто перегонит других в бегах, чтоб всякий видел, есть ли из чего трудиться, так поступает и она – указывает всестороннее блаженство и приговаривает всякому: «Хочешь такого блаженства? Трудись. Без труда, и труда усиленного, ничего не получим».

Сей урок и передаю вам ныне. Как послушные сыны Церкви, конечно, вы примете его. Прибавлю, однако ж: примите его охотно, примите не к сведению, а к исполнению. Нужным считаю сделать сие прибавление, потому что получить блаженство все готовы, а труды ради сего нести очень многие упираются, очень многие всякие позволяют себе льготы, а между тем всё же чают благую улучшить часть вместе с другими. Точно, Господь многомилостив и всякого готов облаженствовать. Но сами-то мы никак не можем изменять путей, Господом указанных, и по своему вкусу прописывать себе условия к получению блаженства, которые не в наших, однако же, руках.

Вот, посмотрите, как апостол Павел и себя, и других воодушевляет на труды и остерегает от льгот. «Не весте ли, – говорит, – яко текущи в позорищи вси убо текут?» (1Кор.9, 24). С каким усилием на ристалищах все напрягают свои силы, чтоб перегнать других? И это чего ради? Чтоб тленный получить венец. Не тем ли с большим рвением надлежит тещи нам, чтоб получить венец нетленный? «Смотрите же, – прибавляет, – тецьте, и тако тецьте, да постигнете» (1Кор.9, 24).

Как же это надо тещи, чтоб достигнуть? Надобно от всего воздерживаться. «Подвизаяся же (то есть текущий, как на ристалище) от всех воздержитися» (1Кор.9, 25), – говорит тут же святой Апостол. От всех воздерживаться, или всестороннее иметь воздержание – думаю, понятно, что означает. Означает пост, бдение, уединение, утруждение тела и всякое плоти умерщвление или, как говорили наши отцы-подвижники, суровое и жестокое иметь житие. Хочешь тещи так, чтоб получить нетленный венец, проходи суровое и жестокое житие. Чтоб кто не вздумал как-нибудь увольнять себя от сего, Апостол и себя изображает так же текущим. «И я, – говорит, – так же теку, и я так же подвизаюсь». Как же это именно? «Умерщвляю тело мое и порабощаю» (1Кор.9, 26–27). Апостол, сосуд благодати, умерщвляет тело свое и порабощает. Кому же после сего будет это не необходимо? И не думайте, что у него это есть плод избытка ревности. Нет. «Без этого, – говорит, – мне нельзя быть, опасно». «Да не како, иным проповедуя, сам неключим буду» (1Кор.9, 27). Апостол, устроитель Царства Божия, руководитель всех ко спасению, боится оказаться неключимым, если не будет тело свое порабощать и умерщвлять. Кто же после сего понадеется быть ключимым без умерщвления и порабощения тела?

Я нарочно побольше остановился на сем апостольском месте, чтоб внушить, что общий почти у нас недуг – жаление и поблажка плоти – совсем не к лицу ищущим и чающим Царствия Божия. Хочешь Царства, не жалей плоти. Будешь жалеть плоть – не получишь Царства. Ах! Как нам не по вкусу это строгое и суровое житие, плоть умерщвляющее! И каких уверток не употребляем мы к тому, чтоб уволить себя от него! Вот теперь

пост, а кто постится как следует? Иной совсем ни во что ставит пост, иной так его ведет, что плоть оттого никакой не ощущает жестокости. И чего не наговорят такие в оправдание свое? О тех уж нечего говорить, кои не радят о спасении: те и живут только в плоть. А то и ревнители благочестия всяко склоняются на то, чтоб питать и греть плоть свою. «Я, – говорит, – богомыслием займусь, я в церковь буду ходить, буду заниматься чтением спасительных книг, милостыню буду подавать и другое что готов делать, а телу уж пусть дается всякий покой и довольство – в пище, сне, неутруждении и устранении всяких неудобств». И что еще говорят? Говорят, что это умерщвление плоти есть телесное делание, мы же духовны, духовными делами и будем достигать Царства Небесного – невещественного.

На все сии и подобные рассуждения скажу одно: апостол-то Павел до какой меры был духовен? И кто сравнится с ним в ясном ведении того, как нужно нам действовать?! А видите, что прописал? Указал венец нетленный. И всем, кто захочет восхитить его, предписал умерщвлять и поработать тело. Ничего другого не вставил и никакого другого средства не поместил. Тут умерщвление тела, а там венец нетленный. Хочешь последнего – возмись за первое. Рассуждения же все в сторону. Если б и мне кто стал докучать: «Разъясни и то, и другое в сем деле недоумение», я сказал бы: «Что рассуждать? Понятно, что значит нетленный венец? Конечно, понятно. Понятно, что значит умерщвление и поработание плоти? И это, верно, понятно. Поди же, умерщвляй и поработай плоть, и получишь нетленный венец. А если иначе станешь действовать, не только не получишь венца, но окажешься неключимым, как опасается святой Апостол и за себя, и за нас. О неключимом же знаешь что сказано? Сказано: «Неключимаго раба вверзите во тьму кромешную, ту будет плач и скрежет зубов" (Мф.25, 30). Вот какой неутешительный конец покоя плоти!

И то прибавлю, что ведь мы не поставлены рассуждать и «словопретися ни на какую же потребу» (2Тим. 2, 14), а зачем поставлены? Поставлены проповедовать слово. «Проповедуй слово» (2Тим.4, 2), – заповедует святой апостол Павел

Тимофею, а в лице его и всем нам. Какое слово? Вот я соберу это слово относительно того, о чем мы беседуем.

«Иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми» (Гал.5, 24). Слышите! Стало, кто не распинает плоти, тот не Христов, не христианин. Сего ради ходите «не по плоти, но по духу» (Рим. 8, 4). «И плоти угодия не творите в похоти» (Рим. 13, 14). "Мы должны есмы не плоти, еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умерети: аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете» (Рим. 8, 12–13). «Сущии бо по плоти, плотская мудрствуют... и Богу угодити не могут... ибо мудрование... плотское смерть есть... вражда на Бога есть» (Рим. 8, 5, 8, 6–7). «Да упразднится убо тело греховное... да не царствует... грех в мертвенном вашем теле» (Рим. 6, 6, 12). «Представьте телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богу» (Рим. 12, 1) и «умертвите... уды ваша, яже на земли» (Кол. 3, 5). Ибо есть «ин закон во удех наших, противу воюющъ закону ума нашего и пленяющъ нас законом греховным, сущим во удех наших» (Рим. 7, 23).

Ограничусь этим. Видите ли как? И вот такого-то рода непоощаение плоти проповедуется и заповедуется по всему пространству Божественного Писания! Стало, нечего рассуждать, нечего придумывать разные извороты к поощаению плоти. Кто хочет питать и греть плоть свою, тот не питомец Писания и чужд духа его. Чужд духа, чужд и обетований.

Вот с сей-то стороны усмотрите всю матернюю попечительность о нас Святой Церкви в учреждении святых постов. И вся жизнь у нас должна проходить в умерщвлении и порабощении плоти. Иначе тотчас попадешь в неключимые, а за то потом и участи их горькой подвергнешься. Чтоб самым делом не подпал кто из нас сей участи по забвению или какому увлечению делами, Святая Церковь напоминает нам об умерщвлении плоти каждую неделю – средою и пятком, а в каждое время года – продолжительными постами, особливо же сим Великим постом святой Четыредесятницы, чтоб, когда придет пост, и против воли взялись мы за труд умерщвления и порабощения плоти и вступили на поприще, ведущее к получению нетленного венца. Так, если уж в другое время даем

мы себе всякие льготы, хоть постом несколько потрудим плоть свою. Если же в другое время будут у вас для плоти всё празднества и в пост всякие льготы, то не к нам ли будет относиться следующее укорительное слово Апостола. "Мнози... – говорит он, – ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же... плача глаголю, враги креста Христова: имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют» (Флп.3, 18–19).

Вот уже зашло за половину поста. Блаженны труды умерщвлявших доселе плоть свою и да воодушевляет их на продолжение уверенности в неизбежности сего пути. Но и те, кои лишали себя сего блага, имеют еще время сделаться участниками его. Поприще открыто, виден и светлый венец в конце его. Вступите бодренно в подвиг. Ревностию возревновав, перегнать еще успеете тех, кои так далеко ушли от вас. Что потеряно в длительности времени, то вознаградить можете напряжением сил в воодушевлении и, таким образом, не мечтательным ожиданием, а несомненно и действительно вступите в сонм тех, кои, по Апостолу, "так" текут, что наверно «постигнут» (1Кор. 9, 24). Аминь.

14 марта 1865 года

В неделю четвертую Великого поста (превосходная для всех азбука, или о трех рядах подвигов)

Раза два или три говорил уже я вам о том, как опасно падать в те же грехи по принесении в них покаяния и как потому всеусильно надо заботиться о том, чтоб не впасть в это неразумие и не ввергнуть себя чрез то в крайнюю беду. Думаю, что у тех, кои вняли сему и положили благое намерение не отступать от данного обета, есть желание знать, как удобнее достигнуть сей благой цели, как надо нам устроиться и вовне, и внутрь, чтоб избежать новых падений, и каких правил держаться, чтоб препобедить всякое искушение и устоять в добре. Хочу удовлетворить сему желанию вашему, и не сам от себя, а от лица святого Иоанна Лествичника, которого памяти посвящается нынешнее воскресенье.

Известно вам, конечно, что святой Иоанн написал книгу «Лествица духовная», от которой и прозвание свое имеет. В сей книге он подробно разъяснил, как человек покаявшийся должен действовать, чтоб устоять в добре и не пасть опять в прежние нечистоты. Извлеку вам из нее главное, что относится к сему предмету.

«Трудно, – говорит он, – без труда преодолеть прежние худые навыки. Впрочем, знаю, что Богу все возможно, «невозможно же» Ему "ничтоже" (Иов.42, 2). Так, Бог все может и все готов сделать для нас в нас. Но надо и нам не только прибегать к Нему с молитвою, но и самим употреблять усилия и труды, соответственно намерению своему. И сие намерение и труды должны предшествовать Божией помощи и привлекать ее. Весь успех зависит от собственного нашего желания и собственных наших усилий, хоть не иначе, как при содействии Божиим, однако же, если не предварить первое, то есть, желание и усилие, – не последует и второе, то есть Божие содействие».

Божие содействие несомненно, но на что нам самим надо обратить свои усилия и труды? В ответ на это святой Лествичник указывает столько трудов и подвигов, сколько букв в

греческом алфавите, и называет это азбукой, в той мысли, что как учащимся читать надо наперед выучить азы, так тем, кои хотят отстать от грехов и преуспеть в добродетелях, должно наперед навикнуть подвигам, кои он исчисляет.

«Вот, – говорит, – превосходная для всех азбука: пост, вретище, пепел, слезы, молчание, бдение, стужа, труд, злострадание, сокрушение, отложение мирских попечений, добровольное унижение себя, безмолвие, страх Суда, хранение сердца, нерасхищение помыслов, желание смерти, бегство от тела и прочее». Не перечисляю всех указываемых подвигов потому, что трудно вам запомнить их. А лучше и перечисленные, и неперечисленные разложу на ряды, чтоб Вам удобнее было и запомнить их, и приложить к делу.

Первый ряд подвигов относится к телу. Возьми тело в руки, будь владыкою его, а не рабом. На всякий член его наложи свой подвиг и всего его свяжи. Утончи чрево воздержанием и постом, руки обучай труду, свяжи язык молчанием, не давай воли очам все видеть и ушам все слышать, бегай вольнодвижения, сна и всякого покоя плоти. Вообще, напрягайся умучить плоть и приобучить ее жестокому житию, без всякого саможаления, помня заповедь Апостола «не творить» плоти «угодия... в похоти» (Рим.13, 14) и ту беду, коей подвергся Израиль от плотоугодия, в коем «уты, утолсте, расшире и забы Бога, сотворшаго его» (Втор.32, 15).

Второй ряд подвигов относится к душе. Первое тут – войди внутрь себя и храни внимание к себе и свое внутри-пребывание неисходным, всячески избегая расхищения помыслов по разным делам и предметам. Чтоб успеть в этом, избери себе из следующих двух какое-либо положение и прикуй к нему свое внимание и чувства, именно: утверди ты в мысли своей, что ты или находишься в состоянии смерти, или стоишь на Суде, когда готово быть изречено тебе последнее решение: «Приди, благословенный» (Мф. 25, 34), или: «Отойди, проклятый» (Мф. 25, 41). Но напрягись воспринять сие и в чувство. Как только восприимешь сие в чувство, тотчас отпадут все помышления и будешь стоять ты один пред лицом Бога, в страхе умоляя Его быть к тебе милостиву. Это закон тебе неотложный. Ни одно

чувство доброе так не отрезвляет, как чувство страха смерти и Суда Божия. Почему, как только проснешься, тотчас спеши восстановить сие чувство страха и стать с ним на Суде Божиим и потом во весь день не отступай от него, что бы ты ни делал и чем бы ни был занят. Это будет тебе самым верным оплотом от греховных влечений и искушений.

Третий ряд подвигов относится к учреждению нового порядка дел и занятий. Как прежде, когда работали мы греху, все приспособлено было к удовлетворению страстей наших, так теперь, когда отстали мы от греха, все надо приспособить к противлению страстям. Всюду надо ввести новый порядок: в своих занятиях, в семейных делах, в отношениях к сторонним лицам. Сядь и расчисли и учреди все: как, чему, когда надлежит быть, чтоб не расстроилось твое доброе намерение и не поскользнулся ты опять на старое. И когда будешь упорядочивать дела свои, две мысли держи: устрани все поводы и случаи, могущие возбудить твою страсть, от коей страдаешь, и нисколько не бойся того, что скажут или будут говорить о тебе друзья из-за перемены жизни, которой нельзя теперь скрыть. Бойся же лучше Господа, Который сказал: «Иже... аще постыдится Мене и словес Моих в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми» (Мк.8, 38).

Вот и все! Держи плоть свою в постоянном непокое и озлоблении, душу же свою, вниманием в себе сосредоточив, поставь на Суде Божиим и перемени все порядки жизни твоей, не боясь и не стыдясь никого. Сделай так, и будешь безопасен от падений. Означу это определенными словами: стяжи безжалостность к плоти, несмотрение на людские о тебе мнения и страх Божий, чрез страх смерти и Суда, при внимании к себе. Когда устроишься так, к тебе приступа не будет врагу. Ты будешь как во граде ограждения. А если и подступит когда враг, тотчас отражен и поражен будет. Вниманием заметишь ты приступ его и, схватив его нежалением себя и небоязнию человеческих суждений, поразишь страхом Суда. Нежаление себя, небрежение о том, что скажут, и страх Суда суть три меча

обоюдоострые, против которых не устоит никакое вражеское искушение. Пока целы в тебе и в силе все сии орудия, враг и не пойдет к тебе. Почему, если ты запасся ими и хранишь их, враг не станет тебя искушать ничем, а всю хитрость свою обратит на то, чтоб вырвать у тебя сии орудия, то есть или рассеять внимание, или заставить тебя дать послабление плоти и человекоугодию, или погасить страх Суда и поселить охлаждение в сердце. Успеет в этом – начнет склонять и на грех, а не успеет – отступит от тебя. Зная это, паче всего храни свои орудия, стой неотходно на Суде Божиим, бегай всякого покоя плоти и блюди новый порядок жизни неизменным, хоть бы тебя поминутно бранили и даже били. И несомненно устоишь при содействии Божией благодати.

«При всем том, однако же, – говорит святой Лествичник, – надо зорко смотреть, откуда и как дует ветер, чтоб соответственно тому направить и паруса». Враг не дремлет и всякие будет употреблять хитрости, чтоб обмануть тебя. Сначала он совсем отступит и перестанет беспокоить тебя искушениями, чтобы ты подумал, что уже совсем освободился от твоей страсти, и, предавшись беспечности, ослабил свое внимание. Если просмотришь сию хитрость и ослабишь внимание, враг вовлечет тебя в помышления многие и, прежде чем опомнишься, произведет сочетание сердца твоего с страстными делами, после коего ты сам себе сделаешься наветником.

Если в этом не успеет, начнет подступать с тонкими и мгновенными помышлениями, чтоб выманить тебя из твоей крепости и на просторе обезоружить и пленить. Смотри, как это бывает. Среди какого-либо дела как стрелой пролетит помышление, что ты, чай, уже довольно успел. Пролетит такое помышление, и будто нет его. Но след его, как царапина, остается на душе, и только пропусти это без внимания, начнут тотчас расслабляться силы и возникать в душе позывы: то на послабление себе, то на развлечение, то на отложение обычной строгости в порядках. Поддайся последнему, и недалеко будешь от падения.

Если и это не удастся врагу, то он начнет разжигать тебя на излишние подвиги: или на большой пост, или на долгие молитвы, или на уединение, или на другое что, сверх меры, которую мы сами себе положили в начертании порядка новой жизни своей. Чрезмерности сии всегда расслабляют силы, расстраивают порядок и наводят смятение, в котором врагу легко уже одолеть будет тебя.

Если и тут не будет ему успеха, начнет приплетать он ко всякому твоему добру свое зло, как плющ вьется около хороших деревьев. Ты займешься богомыслием назидательным, а он собьет тебя на совопросничество и пытливость о тайнах Писания, кои охлаждают и развивают пагубное самомнение. Ты будешь заботиться о том, чтоб не оскорбить кого, а он собьет тебя на пагубное человекоугодие. Ты будешь опасаться, чтоб не осудить, а он поспешит наваять на тебя равнодушие и к добру, и к злу. «Так и во многом другом приплетает враг свое, – говорит святой Иоанн, – к страннолюбию – чревоугодие, к рассудительности – суровость, к кротости – двоедушие, к радости – самомнение, к надежде – лень и прочее».

Видишь, сколько подсад, как называют сии покушения врага опытные в брани с ним люди. Видишь, сколько подсад, и усугубь внимание и бдительность. В помощь же к сему вот что сделай: найди себе доброго отца духовного и, поверив ему все свое, моли Господа, чтоб Он влагал ему сказать тебе всегда благое в созидание. Или, если можешь, найди себе единомысленного брата и вместе с ним веди взаимную откровенность и взаимное друг другу вразумление и укрепление. Если умеешь читать, запасись душеспасительными книгами и, изучая их, ищи в них вразумлений себе и разъяснений недоуменных случаев в твоих помышлениях, чувствах и движениях сердца. Сими способами, при искреннем желании избегать худого и молитвенном к Богу обращении, всегда силен будешь распутать хитросплетения врага, увидеть подготовленное тебе зло и отразить его потом духовными орудиями своими.

Сохрани все сие, и спасешься от падений. «Но помни, что венец сему труд тот, – говорит святой Иоанн, – когда во

святилище наше внидет огонь Божий». Ибо тогда не будут уже беспокоить нас прежде укоренившиеся худые наклонности. «Бог наш есть огонь поядаяй» (Евр.12,29) всякое разжжение и движение страсти, всякую укоренившуюся в нас наклонность и всякое ослепление, внутри и вне замечаемое и познаваемое. Тогда не подступят к тебе беспечность, бесчувствие, нерассудительность и слепота – сии производители всякого падения в грехи и греховного состояния. Аминь.

6 марта 1866 года

Часть 12. В неделю пятую Великого поста

В неделю пятую Великого поста (вот нам и урок: не присвоять себе Царствия Небесного)

Зачем это Господь сделал отказ святым апостолам Иакову и Иоанну с матерью их в их прошении? Просили они не худого – именно, места в Царствии Христа Спасителя: «Сотвори, да... един одесную, а другой ошуюю... сядета... в Царствии Твоем» (Мф.20, 21). Ужели же нельзя о сем молиться? Но ведь и заповедано: «Ищите... прежде Царствия Божия» (Мф. 6, 33), и всех нас учит Святая Церковь молиться: «Не лиши нас, Господи, Небесного Твоего Царствия». Что же за причина, что им отказано? После ведь они получили же Царствие и прославлены? Причина та, что они сами себе присвоили право на Царствие, и не только на Царствие, но и на определенное, самое почетное место в Царствии. А присваивать себе не только определенной степени славы в Царствии, но и самого Царствия нельзя, ибо дарование сие состоит в воле Отца Небесного, которой и при строгом исполнении всех условий нельзя нам знать. «Несть Мое дати, – говорит Господь, – но ему же дано будет от Отца Моего Небесного» (Мф.20, 23).

Так вот нам и урок из нынешнего Евангелия: не присвоять себе Царствия и, работая для получения его всеусердно, самое получение предавать воле Божией, чаять его, как милости от Отца нашего Небесного, работать в чаянии без притязаний, говоря себе: «Яко раби неключими есмы», хотя бы сотворили и «все повеленное» (Лк. 17, 10).

Напоминать нам о сем необходимо, потому что мало-мало потрудимся, и начинаем "трубить пред собою» (Мф. 6, 2), высить себя и ставить в ряд святых и великих, и хоть языком смиренно о себе говорим, в сердце же чувствуем иначе, и сами себя тем губим по неразумию и неосмотрительности. «Со страхом и трепетом» надлежит «совершать» нам «свое спасение» (Флп. 2, 12), а не предписывать дерзновенно Богу законов даровать нам его. Бегайте же сей немощи пагубной, а то, на чем можно основывать такое правило и такую уверенность, толкуйте совсем иначе – в видах смирения, а не самовозношения.

Что расположило сынов Зеведеевых и мать их обратиться к Господу с таким прошением? То, во-первых, что они принадлежали к числу верующих, которым дарованы великие обетования; то, во-вторых, что оказывали Господу в продолжение Его пребывания на земле особенное служение, ибо мать служила Ему от имений своих вместе с другими; то, в-третьих, что уже получили от Господа знаки особенного благоволения и близости. Все подобное уместно и у нас. Но во всем этом – не повод к притязаниям, а только побуждение к смирению и большому ревнованию о получении Царствия.

И у нас присвояет иной себе Царствие ради того, что он христианин, а христианам сказано: «Веруяй в Сына, имат Живот Вечный» (Ин.3, 36). Истинно так есть. Христианам принадлежит Царствие Божие. Оно и устроено только для христиан. Но надо быть истинным христианином, чтоб присвоить себе то, что обещано христианам. Но истинный ли каждый из нас христианин, сего мы сами определить никак не можем. А определит то в будущем Сам Господь, одному говоря: «Благий рабе», а другому: «Рабе ленивый и лукавый» (Мф.25, 23, 26). Так, в том, что мы христиане, не основание к притязаниям, а побуждение к смирению, страху и большому ревнованию о том, чтоб явить себя истинными христианами.

И у нас иной присвояет себе Царствие ради того, что совершает какое-либо служение Господу. Попостится иной, походит в церковь, молится дома, милостыню подаст, устроит богадельню и еще как потрудится ради Господа – и начинает думать, что уже попал во святые, и присвоять себе светлые обители Небесные. Похвальны все сии труды и необходимы в деле спасения. Но не ими одними довольствуется Господь, а что говорит? «Сыне, даждь Ми... сердце» (Притч.23, 26). Кроме дел благочестия и трудов доброделания, надобно Господу посвятить еще и все чувства сердца. А посвящены ли сии чувства, сие знать определенно может одно Всевидящее око Божие, от нас же сокрывается сие самолюбием нашим. Так, из того, что трудились, не к тому надо доходить, чтоб дерзновенно присвоять себе достоинство близких к Богу, а иметь в том побуждение к страху, или опасливому помышлению: «Так ли мы

течем, не потрудиться бы нам напрасно?» Чтобы отсюда восходить к ревности тщательно наблюдать за движениями сердца и их стараться исправлять и направлять к Господу, чтоб ничего не любить, кроме Его, и если к чему бываем расположены, быть расположенными к тому только ради Господа.

И у нас присвояет себе иной Царствие ради того, что получает иногда признаки особенного благоволения Божия, или приближения Его, каковы: особенное углубление в молитве, особенное просветление мыслей, сердечная теплота, чувство крепости нравственной и внешнее покровительство Божие в делах житейских и гражданских. Все сие бывает и есть действительно признак особенного благоволения Божия и милости, но не к тому сие должно располагать, чтоб думать: «Вот, уже достигли», а чтобы более распаляться ревностью о достижении, подобясь Апостолу, который и после того, как получил дарование, говорил: «Гоню... аще... постигну» (Флп.3, 12), то есть, стремлюсь более и более – не достигну ли? Когда отец гладит по головке дитя свое или дает ему конфеты за то, что оно начинает разбирать буквы и складывать, значит разве это, что отец считает дитя совершенным? И дитя хорошо бы разве сделало, если б, возмечтав, что оно сравнялось уже с хорошим чтецом, бросило азбуку? Вот то же и у нас. Знаки особенного благоволения Божия подаются не затем, чтоб заявить окончательное совершенство того, кто их получает, а затем, чтоб возбудить его ревновать более и более о начатом – в уверенности, что не «вотще течет» (Гал. 2, 2); но достигнет ли конца, получит ли и что получит, то в воле общего всех Домовладыки.

Итак, нет оснований, по которым бы можно было нам присвоить себе Царствие. «Как же быть? – скажет иной. – Ведь это может расслаблять всякую охоту. Из чего же трудиться?» Трудись в чаянии получить без присвоения себе права и притязаний. Путь, которым течем, верен и прямо ведет в Царствие Небесное. И обрати всю свою ревность на то, чтоб тещи по сему пути верно, без уклонений, – и несомненно придешь во врата Царствия, но наперед себе сего не присвояй.

Отдай сие право Господу, чтоб получить от Него сие как милость. Вот, посмотрите, как в сем отношении действовали святые Божии. Один святой великими просиял добродетелями, но, когда умирал, плакал. Братия спрашивали: «Ужели и ты боишься, отче?» Он отвечал: «Всю жизнь мою я ревновал идти истинным путем, но не знаю, что определит о мне милостивый Владыка». Другого святого сатана всячески старался искусить самоприсвоением себе спасения. Когда умирал он, сатана говорил ему: «Победил ты меня» (а это то же, что спастись и в Царство Божие внити). Святой отвечал: «Ты ложь и лжешь, что я победил тебя. Еще не пришло время сказать сие». При прохождении чрез мытарства сатана опять говорит святому: «Победил ты меня». «Отойди, лукавая прелесть, – отвечал святой, – еще не пришло время говорить так». Когда святой входил в самые врата Царствия, сатана издали кричал: «Победил ты меня». Святой отвечал: «Теперь верую, что ты побежден, но не я победил тебя, а Господь мой Иисус Христос во мне, недостойном, победил тебя».

Вот как надо бегать присвоения себе Царствия при всех трудах о получении его. Но совсем не затем, чтоб расслабляться в ревновании или склоняться на нечаяние получить Царствие, а затем, чтоб, «со страхом и трепетом» содеяв «свое спасение» (Флп. 2, 12), все более и более распаляться ревностью о получении его. Трудись без щадения сил и живота, но не засматривайся на то, что сделано, и не мечтай о том, что следует получить за сделанное, а все внимание обрати на то, что предлежит еще тебе сделать, и бойся пропустить что из того, что надлежит тебе делать. Трудись в чаянии несомненном без присвоения.

А отчаиваться не должно. Смотрите на Марию Египетскую. Ей посвящается нынешнее воскресенье. По обращении от греховной жизни ко Господу, каких не подъяла она трудов? Но до самой смерти все говорила: «Грешница я непотребная, недостойна никаких милостей Божиих». И это тогда даже, как по прозорливости и имя Зосимы угадала. Иначе ведь и нельзя. Кто истинно трудится, тот видит ясно, что, если не помощь Божия, ничего, не сделаешь. Как этот урок повторяется всю жизнь, то и

образуется в сердце одно убеждение, что наше – одно худое, всё доброе – от Господа. А отсюда что остается? Остается одно – вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!» (Лк. 18, 13). Но без всякого движения отчаяния или даже нечаяния. Вот и Господь, когда предложил сынам Зеведеевым условие: «Можете ли пить чашу?», – и они обещались: "Можем" (Мф.20, 22), то есть приняли условие, не сказал им: «Не получите», а только сказал, что «несть Мое дати, а ему же благоволит Отец Мой дать» (Мф.20, 23). То есть: «Пейте чашу, несите все трудности, сопряженные с последованием Мне, но получение за то Царствия и степени славы в Царствии предайте в волю Отца Моего Небесного». А это то же, что: трудись в чаянии без присвоения. Вот «такو тецыте» и вы, братие, «да постигнете» (1Кор.9, 24)! Аминь.

9 апреля 1861года

В неделю пятую Великого поста (как нам поучиться в обращении святой Марии Египетской, или о покрове греха)

Пример покаяния святой Марии Египетской так многообъятен и так многопоучителен, что Святая Церковь хочет особенно напечатлеть его в сердце нашем. Почему, кроме дня ее памяти, ей посвящается нынешнее воскресенье, то есть – пятой седмицы Великого поста, и, кроме сего, ее именем означаетсся стояние, на коем канон ее соединяется с Великим покаянным каноном. Кажется, достаточно побуждения к тому, чтоб остановиться вниманием на ее обращении и поучиться в нем. Послушаем же сего урока.

Не буду разбирать всей жизни преподобной. Остановлюсь на первом действии над нею благодати Божией, пробудившем ее от усыпления греховного. И остановлюсь не затем, чтоб пригласить вас к подражанию, ибо как подражать тому, что не от нас, но затем, чтоб указать, как и каждый может и должен располагать себя к тому, чтоб сподобиться такой же благодати.

Обращение святой Марии Египетской принадлежит к чрезвычайным обращениям. Вы видите, что она вся погружена в грех и думать не думает отстать от него. Но приходит благодать и поразительным своим действием пробуждает ее от усыпления греховного. Пробужденная, она видит гибельность своего состояния и решается измениться на лучшее. С нею было то же, как если б кто был погружен в тину и сторонний кто, подошедши, сильною рукою исторг его из глубины ее и поставил свободным на твердую землю. Таково же было обращение святого апостола Павла и многих других.

Но то, что принадлежит к особенным чрезвычайным действиям Божиим, по тому самому не может быть обще всем. И если б кто, основываясь на сих примерах, отказался от всякой с своей стороны заботы о своем обращении и всякого понуждения себя к тому, говоря как бы благодати: «Приди, возьми – и пойду», тот был бы несправедлив и сам бы себя губил, предавшись в руки падения своего. Общий всем путь

таков: «Ищите, и обрящете: толцые, и отверзется вам» (Мф.7, 7). Хотя и при сем действие благодати обращающей тоже знаменуется поражением и потрясением, но оно готовится личным трудом, выманивается, вынуждается как бы у Господа. Видит Господь болезненный труд и дает по труду. А в первом Он не ожидает сего труда, а действует прямо, труд же последует уже затем. Так действует Господь над особенными избранниками Своими. Нам же надо общим путем идти и самих себя нудить к обращению, когда имеем «время благоприятно» и проходим «дни спасения» (2Кор. 6, 2).

Что же такое надо делать нам над собою, чтоб заслужить сию благодать обращения, чем утруждать себя, к чему нудить, чтоб тем показать Всевидящему Господу, что желаем, и ищем, и жаждем Его в нас спасительного вседействия?

Укажу вам это коротко. Возьмем человека в таком положении, что ему пришла только простая мысль: уже в самом деле не заняться ли собою и не подумать ли об исправлении жизни. Простая мысль, но ни сочувствия ей нет, ни желания последовать ее внушениям. Разум только требует. Но ведь сколько бы ни требовал сего разум, дела не будет, пока не возбудится ревность, энергия усыпленной совести. К возбуждению сей-то ревности и поведем теперь душу, которую каким-либо образом, как гостя небесная, посетила мысль о спасении.

Так, пришла мысль об исправлении себя: совесть ли внушила ее или Ангел Хранитель принес, не бросай ее, а тотчас возмись за нее и начинай производить над собою, так назовем, операции, кои дали бы сей мысли возможность овладеть всеми силами существа твоего. Действуй в сем опыте противоположно тому, как действует в нас грех, противоположно вообще тому порядку расположений, коими задерживается человек в грехе. Грех опутывает душу многими сетями или скрывается от нее под многими покровами, потому что сам по себе он безобразен и с первого раза мог бы оттолкнуть от себя всякого. Покровы сии суть: самый глубокий и ближайший к сердцу покров, составленный из самообольщения, нечувствия и беспечности; выше над ним и ближе к поверхности душевной лежит

рассеянность с многозаботливостью; затем следует покров верхний – преобладание плоти и наружный порядок внешней жизни, пропитанный грехами и страстями. Грех живет в сердце, оттуда овладевает всю душою, проникает в тело и во все наши дела и отношения, или во все поведение.

Итак, начинай снимать эти покровы один за другим с целью разоблачить от них дух, опутанный ими, как снимают с земли пласт за пластом, чтоб открыть положенное там сокровище.

Начни с самого наружного покрова.

Первое. Прекрати на время обычные дела и сношения, особенно те, коими питается владычественная страсть. Глаз, ухо, язык – это самые широкие протоки греховной пищи. Пресеки их уединением.

Второе. Затем возмись за тело: откажи ему не только в удовольствиях, но сократи удовлетворение и необходимых потребностей сна и пищи. Утончишь плоть – душа освободится из связности веществом, станет подвижнее, легче и приемчивее для добрых впечатлений. Это и производит благоразумный пост.

Третье. Уединение и пост облегчают душе обращение на себя самое. Но, входя в себя, она встречает там страшное смятение, производимое многозаботливостью и рассеянием мыслей. Заботы, то об одном, то о другом, то о третьем, теснятся в сердце и не дают душе заняться собою, не дают ей остановиться, а все гонят ее вперед и вперед. Вот и надобно их подавить, выгнать из души и сердца, хоть на это только время. Пока это не сделано, никакие дальнейшие над собою действия невозможны или они останутся совершенно бесплодны. Забота щемит или точит сердце. Но и когда этого нет, пустые мысли бродят в голове одна за другою или одна наперекор другой и производят там такое же смятение, какое бывает в метель или бурю. В таком состоянии ничего прочного и твердого нельзя посеять в душе. Почему надо собрать рассеянных чад своих – помыслы – в одно, как пастырь собирает овец или как стекло выпуклое собирает рассеянные лучи солнца, и обратить их все на себя. Это производится вниманием, или трезвением.

Четвертое. Пусть, наконец, заботы стихли, мысли успокоились, ум собрался в себя и установился на одном. Три

или четыре покрыва уже сняты. Ты стоишь теперь у своего сердца. Пред тобою твой внутренний человек, погруженный в сон беспечности, нечувствия и ослепления. Приступи теперь бодренно и потрудись неленостно. Начнется главное дело – пробуждение от сна.

Прежде всего, поспеши снять с очей ума покрывы, держащие его в ослеплении. Отчего человек не страшится за себя и не заботится о себе? Оттого, что не видит опасности своего положения. Если б он это видел, не мог бы оставаться покойным, как не может спокойно сидеть в доме тот, кто видит, что он объят пламенем. Не видит же человек-грешник опасности своего положения оттого, что по какому-то обольщению видит себя в состоянии удовлетворительно хорошем. Вкрадываются в него ложные льстивые представления, кои, как сетью какою, опутывают ум и закрывают человека от самого себя. Этих представлений, или тонких помышлений, очень много. Иной, например, говорит: «Я – христианин» – и остается покойным, подобно иудеям, говорившим: «Семя Авраамле есмы» (Ин. 8, 33), переносит на себя преимущества и обетования христианские – без христианства или усволяет имени, месту и одежде то, что может лежать и держаться только на силе и внутреннем достоинстве. Иному приходит на мысль видное внешнее состояние или лезут в глаза совершенства телесные: сила и красота и дарования душевные – умственные и эстетические, и ослепляют его тем сильнее, чем резче отличается он ими от всех окружающих. Иной ослепляется какими-нибудь видными делами или даже совершенствами деятельными, каковы: благоразумие и осмотрительность, особенно когда это успело окружить его уважением, даже не от одного простого народа. А иной, наконец, поживает на том, что не он один: и тот-то такой же, и тот-то, даже и вот кто, обольщает себя разливом обычаев греховных, как будто от множества грешащих грех становится меньше грешным. Такие и подобные сим мысли держат в ослеплении. Почему, вошедши в себя и сосредоточив внимание свое, начинай отнимать сии опоры ослепления, разрушать сии пустые надежды, или эти «непщевания вины о гресех» (выдумывания извинений грехам)

(Пс.140, 4), против которых молился пророк Давид. Изводи всякую из сих мыслей на среду и поражай ее здравомыслием христианским. Убеди себя, что твое христианство ни во что, если ты худ, что совершенства твои больше осуждают тебя, нежели оправдывают, если не обращены во славу Божию, что ни уважение тебя от других, ни их худоба не помогут тебе. Рассуждая так, мало-помалу будешь объединяться в мысли и становиться одним пред взором ума и совести, которые сильный подадут голос против тебя, особенно когда, сличив тебя как ты есть с тем, каков должен быть, найдут, что ты никуда не годен. Если вследствие сего начнешь ощущать чувство опасения или робения за себя, то это добрый знак. Это предвестие бегства греха, как колебание рядов воинских предвещает близкое обращение в бегство всего войска.

Так вместе с самовидением пробуждается самочувствие. Почему не отставая от рассуждений, разоблачающих ослепление, вслед за первым движением духовного чувства поражай себя еще более и потрясай сердце свое какими-либо представлениями, могущими отвратить от греха и возбудить омерзение к нему.

Поживее вообрази, что такое грех в себе самом. Это язва, бедственнейшая из всех язв: он отделяет от Бога, расстраивает душу и тело, предает мучениям совести, подвергает бедствиям в жизни, в смерти и по смерти, заключает рай, ввергает в ад. Авось, такими помышлениями разовьется в сердце отвращение к сему чудовищу.

Поставь грех в отношение к диаволу и смотри, какого безобразного друга и деспота ты приобретаешь грехом. У диавола спор с Богом. Он как бы говорит Ему – Всещедрому: «Ты все им даешь, но они отступают от воли Твоей, я же ничего не даю, но делаю то, что они мне одному работают с такою неутомимостью». Он льстец. Теперь, ввергая в грехи, обещает за них некоторую сладость, а там их же с злобною насмешкою будет выставлять в обличие наше, если не покаемся. Он трясется от злобной радости, если кто попадетсЯ в его руки. Помяни все сие, авось, почувствуешь и сам неприязнь к сему ненавистнику нашему и делу его в нас – греху.

Обратись, наконец, к Богу и рассуди, что такое грех пред лицом Его – Всеведущего и Вездесущего, Всеблагого и Всещедрого, Промыслителя и Искупителя нашего. Обличив себя в преступном невнимании к Нему, бесстрашии и неблагодарности, авось, возбудишь в себе спасительную жалость и «печаль... по Бозе» (2Кор. 7, 10).

Когда таким образом мы будем втеснять в сердце свое одно за другим сокрушающие чувства, то отвращение и ненависть ко греху, то страх и ужас к грехоначальнику, то жалость и печаль о Господе, оно мало-помалу будет согреваться и приходить в движение. Как струи электричества сообщают телу некоторую напряженность и возбужденность или как прохладительный, чистый воздух сообщает некоторую свежесть и подвижность, так и сии чувства приведут в движение усыпленную энергию деятельных сил, расположив, наконец, человека встать и действовать во спасение свое в опасном своем положении. Это первые движения попечения о спасении души. Когда произойдет сие, не замедли подействовать на себя и с сей стороны, гони сон беспечности. Понуждай себя всячески привести в напряжение свои силы и теперь же приступить к делу, не отлагая. Отложишь, хуже будет: больше привыкнешь к греху, грех более в тебе оразнообразится и более запутанными соделаются обстоятельства и связи греховные. Так отяготишься наконец грехом, что и не встанешь: зайдешь за черту, из-за которой, может быть, нет уже возврата. Поспеши же! Помяни при сем «последняя твоя» (Сир.7, 39). Говори себе: «Вот смерть», один, другой умирают около тебя, вот-вот и за тобою придет черед. Как меч над головою, готов удар смерти и поразит внезапно. Потом Суд, твоя "тайная" (Пс.18, 13) объявятся пред Ангелами и всеми святыми. Там будешь один с делами твоими. От них или осудишься, или оправдишься – или в рай, или в ад. Смотри, в рай не входят с грехами, а ад запечатлен печатью отвержения Божия. Там мука без отрады и конца. Не пора ли сбросить эту ношу, приготовляющую такую беду.

Чтоб вернее было действие всех сих мыслей, заключи их все в один какой-либо образ и носи его в уме как постоянного

какого возбудителя. «Представь себе, – говорит святитель Тихон, – над тобою – меч правды Божией, под тобою – ад, готовый пожрать тебя, впереди тебя – смерть, сзади – бездна грехов, по правую и левую сторону – множество злобных врагов. Устроясь так мысленно, ты постоянно будешь слышать внутри себя голос возбуждающий: «Тебе ли быть в беспечности?»»

Сими и подобными рассуждениями и действиями снимется наконец и последний покров греха, составленный из беспечности, нечувствия и ослепления. Теперь открыт человек-грешник себе, он не бесчувствен к своему опасному положению и нередко порывается встать и идти, но этим еще не все сделано. Тут недостает, очевидно, главного – благодатного возбуждения. Труд употреблен, искание обнаружено, но все это составляет только опыты, усилия к привлечению благодати с нашей стороны, а отнюдь не самое дело, которого ищем. Ищем и толчем, – дарование же в воле Раздаятеля, Который «разделяет властью каждому, якоже хочет» (1Кор. 12, 11). Итак, при рачительном употреблении исчисленных средств ходи, ожидая посещения Божия, которое, хоть всегда готово, но никогда не приходит с усмотрением. Для сего поставляй себя в тех обстоятельствах, в которых обыкла действовать благодать, иди как бы навстречу ей. Посещай храмы Божии и участвуй во всех священнодействиях, читай или слушай слово Божие, води беседы с богобоязненными людьми, начни какое благотворение или труд, паче же молись. Молись и в храме, и дома, понуждая неотступностию Щедродателя к дарованию тебе, как хлеба насущного, благодатной помощи во спасение. Так трудись, напрягайся, «ищи, и обрящешь». Так «толцы, и отверзется» тебе (Мф. 7, 7). Увидит Господь Спаситель труд сей во спасение и пошлет спасительную благодать Свою, которая, пришедши, разорвет все нити греха и даст душе свободу тещи путем Господним, в пустынном ли уединении или в кругу общежития! Придет, то есть, то, что святой Марии Египетской дано было туне!

Что после подобает сотворить, научит сама посетительница душ, как научила Марию Египетскую, как научает всякого, кто

сподобится ее и покорится ей.

Судя по всему, что необходимо нам совершать над собою, чтоб снискать сию возбуждающую к обращению благодать, видеть можете, что самое благоприятное для сего время – святые посты, тем паче святая Четыредесятница. Это есть сокращенная программа целесообразного говения. Почему и предлагается нам пример святой Марии Египетской теперь, в пределах поста, чтоб привести сие нам на память, обратить нас к заботливому разбору – поговели ль мы, и поговели ль как следует. Поговевший как следует должен чувствовать себя возбужденным, оживленным, напряженным к усилиям в деле спасения. Та цель его, чтоб или стяжать благодать, или возвратить потерянную, или усилить огонь ее, начинавший угасать, а не только, чтоб походить в церковь и попоститься. И внешний порядок сей нужен, но главное – в изменении внутреннего настроения. Сподобился ли кто сего, благодари Господа, не сподобился, есть еще время. Приступи к спасительному поприщу труда над собою – и получишь. Господь близ. Приблизься и ты к Нему, и несомненно произойдет сочетание у любообщительного Господа с душою твоею, созданною по образу Его и подобию, Им искомою и Его имущею. Аминь.

5 апреля 1864 года

В неделю пятую Великого поста (о трех классах грешников, или какой ключ от двери покаяния?)

Сколько недель уже поем мы: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» И всякий раз получаем от Господа утешительный и воодушевительный на покаяние ответ – или в чтениях евангельских, или в воспоминаниях, соединенных с недельными днями. Дело покаяния походит на то, как если Домовладыка сидит во внутренних покоях и какие-нибудь лица, ища входа к Нему, взывают совне: «Отверзи нам, отверзи нам двери!» Домовладыка же изнутри одному отвечает: «Иди, отворена дверь»; другому: «Иди, дверь незамкнута, только притворена, отвори и войди»; третьему: «Ключ там, снаружи; найдя его, вложи в замок, поверни, как требует ключ, отворишь, и войди!» Разные лица, разные им ответы и разные труды при входе в дверь. Но все, вступив в дверь, дерзновенно входят внутрь, приближаются к Домовладыке, повергаются к ногам Его, удостаиваются милостивых объятий Его и поставляются вблизи – утешаться сею близостью Его всеублажающе. Понятна ли вам притча сия?

Домовладыка – это Господь, принимающий кающихся грешников и опять приближающий их к Себе. Из приходящих к Нему кто это первые, находящие дверь отворенною? Это те, кои по предыдущей Исповеди и Святом Причастии сохранили себя чистыми от всякого греха, и мысли и чувства свои не осквернили никакою нечистотою, и огонь ревности сберегли неугасимым. Кто вторые, нашедшие дверь притворенною? Это те, кои иногда ослабевали в ревности богоугождения, поддавались по временам беспечности и нерадению, и хотя соблюли себя от смертных грехов, но не всегда мысли и чувства свои сохраняли чистыми пред Господом. Кто третьи, для коих дверь замкнута и ключ брошен, так что и его еще надо найти? Это впадшие в смертные грехи, поработившие себя страстям и греховным привычкам и впадшие чрез то в окамененное нечувствие, в беспечность и ослепление.

К какому-либо из сих классов принадлежим и мы. К какому же причислим себя? К первому? Найдется ли кто такой? Ко второму? И эти редки. Остается причислить себя к третьему. Блаженны первые. Не совсем худо и вторым. Но не будем отчаиваться и мы, грехами обремененные и страстями опутанные. И нас готов принять Господь, и нас зовет, и нас примет и допустит к Себе. Пусть дверь замкнута и ключ не знать где: поищем и найдем, отворим дверь и войдем к Господу. Ручательство в успехе – вот, святая Мария Египетская, ныне воспоминаемая. Неприступна и невходна была для нее дверь. Даровал же ей Господь умудриться и войти. Пойдемте ее следом и всего достигнем.

Что такое с нею сделалось, что дверь, прежде невходная для нее, стала вдруг входною? Ведь она ничего особенного не предпринимала. Тут же стала к сторонке и стояла, и никто звука из уст ее не слышал. А минуту спустя пошла и нашла дверь прежде невходную – входною. Стало, она в эту минуту и ключ нашла, и дверь отворила, и все препятствия устранила. На эту-то минуту и надо нам попристальнее посмотреть и разумать силу ее. Что же тут такое делалось?

Сами видите, что внешне тут ничего не происходило, а все совершилось внутренним изменением мыслей и чувств. «Узрела, – говорит, – я всю бездну греха, и ужас объял меня от чувства гнева Божия, готового поразить меня за грехи мои. Омерзела мне страсть моя, губившая меня, я отвратилась от нее сердцем и возненавидела ее. И обет дала Господу – не возвращаться к прежним мерзостям и работать Ему Единому все дни жизни моей, Споручницею Ему предлагая Пречистую Владычицу, родившую Его». Вот что произошло! Всмотритесь, и найдете здесь и ключ, и отомкнутые двери, и отвержение ее.

Какой это ключ от двери покаяния? Это суть болезненные чувства покаянные: чувство грешности своей и виновности в ней, чувство гнева Божия за грехи и ужасание от него, чувство сокрушения и раскаяния во всех грехах.

В чем состоит поворот ключа, отмыкающий замкнутую дверь? В омерзении ко греху, в возненавидении его, в

отвращении от него сердца и обращении его к Богу и делам, Богу угодным.

В чем состоит отворение двери покаяния? В крепком и непоколебимом намерении не возвращаться к прежним непотребным делам и в искреннем обете отселе Господу Единому работать все дни остальной жизни своей. Так – сознать грехи, сокрушиться и восскорбеть о них, отвратиться от них и обратиться ко Господу, обещаясь не поблажать страстям и грехам, – вот и отворена дверь.

Что же, если все сделано, тотчас уже и войдем? Нет еще, надо получить дозволение на вход. Дозволение сие покупается чрез Исповедание нами грехов своих, а вручается нам чрез разрешение грехов от духовного отца нашего. После сего остается только войти, приблизиться к Домовладыке и объятия Его сподобиться и близкого к Нему стояния. Сие совершается чрез Святое Причащение.

Вот, показала нам святая Мария Египетская, что за ключ от замкнутой двери покаяния, как его найти, как поворотить им, чтоб отомкнуть, как дверь отворить и, наконец, войти. Идите же этим следом все, кому нужно. А кому сие не нужно? Пойдемте ж все. Никто не отказывайся, никто не отставай от других, никто не отчаивайся. Всех зовет Домовладыка и всех ждет. Пойдемте, друг друга понуждая и друг друга поощряя. Скажем стоящему: «Ты что стоишь, разве вне крова Его блаженного хочешь оставаться, что упираешься ногами и ни с места? Ты разве не взываешь вместе с Церковию или языком только взываешь, а не сердцем: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»? Что же стоишь? Приступи к делу. Всё у тебя под руками. Немного труда, и все найдешь, и во всем успеешь. Вот и ключ, осмотри, как им поворотить, и как дверь отворить, и как попутную получить. Вот, смотри сквозь отворяемую другим дверь в объятия Отца, к тебе простертые и готовые принять тебя. Ужели еще будешь мешкать, беспечно озираясь туда и сюда, бесполезно тратя короткое и дорогое время?»

Да, братие, коротко уже дорогое время! Дорогое время есть время поста и покаяния. А его осталось неделя с небольшим. Пропустил, дожدهшься ли его снова? Говорю сие тем, кои еще

не примирились с Господом и видят себя отягченными множеством грехов. И говорю в предостережение, как бы кто, отлагая неделю за неделю говение, и совсем не отложил его в этот пост. И будет целый год томиться под тяжестью грехов и гнева Божия за них. И хорошо еще, если доживем до следующего благоприятного времени. А то и на тот свет пойдем непомилованными, а там и без нас, конечно, отворят нам дверь, но уже не покаяния, втолкнут в нее и запрут навсегда, за нею же встретят нас не объятия Отца, а огонь неугасимый, червь неусыпающий и духи злобы, ненавистники наши.

Сие приводя на память, поспешим, братие, отворить себе дверь покаяния, по указанию преподобной Марии Египетской, еяже молитвами да умудрит нас Господь в сем столь нужном для нас деле. Аминь.

21 марта 1865 года

В неделю пятую Великого поста (два мощные способа, чрез кои устояла святая Мария Египетская в борьбе и одолела грех)

Ныне прославляется святая Мария Египетская, из великих грешниц – великая праведница. Итак, радуйтесь, грешники! Вам не только отверста дверь покаяния, но и открыт чертог славы. Смотрите, чем была Мария и чем стала, и воодушевитесь к мужественному течению ее путем. Воззвал ее Господь, она встала и пошла и, пошедши, уже не возвращалась вспять. Зовет и нас всех ныне Господь: и кто не отозвался на сие Его милостивое призвание? Почти все уже поговели, исповедались и Святых Тайн причастились, то есть вняли призванию и восстали. Пойдемте же теперь неуклонно и тем путем, каким пошла Мария, восстав от падения, чтоб достигнуть и того, чего достигла она напоследок.

Святая Мария, покаявшись, все оставила и, прешедши Иордан, там, в пустыне, проводя жестокое житие, очистилась от страстей и спаслась. Вот образец! Готовьтесь на подражание.

Так действовать, может быть, никто из нас не давал обета буквально, но все должны поступать именно так, если смотреть не на внешний образ действий, а на их дух и силу.

Удалившись в пустыню, святая Мария отстранилась от прелестей мира и отстранила тем все искушения со стороны их. Грех после сего мог влечь ее только чрез плоть. Но и плоти не было покоя в пустыне. Пост, долулегание, зной и холод истощали ее. И вот два мощные способа, чрез кои устояла она в борьбе и одолела грех: удаление от мира и истощение плоти.

Истощение плоти есть способ, всем нам понятный и подручный. Умали меру пищи, назначь себе побольше труда и поменьше отдыха и сна, вместо мягкости избери жесткое, вместо тепла – холод, вместо распушенности – напряжение, вместо всяких плотских утех – самоозлобление, и будешь истощать и измождать плоть свою и тем замаривать страсти, имеющие в ней свое седалище. Но как от мира удалиться нам, живущим в мире?

Есть удаление от мира телом – это удаление в пустыню. Но есть удаление от мира, не выходя из мира, – удаление от него образом жизни. Первое не всем уместно и не всем под силу, а второе для всех обязательно и всеми должно быть выполнено. И вот к сему-то приглашал нас святой Андрей в своем каноне, когда советовал удалиться в пустыню благозаконием. Итак, брось обычаи мира и всякое твое действие и всякий шаг так совершай, как повелевает благий закон евангельский, и среди мира будешь жить, как в пустыне. Между тобою и миром сие благозаконие станет, как стена, из-за которой не виден будет мир. Он и пред глазами у тебя будет, но не для тебя. У мира будут свои чередования изменений, а у тебя – свой чин и свои порядки. Он пойдет в театр, а ты в церковь; он будет танцевать, а ты класть поклоны; он будет на гулянье, а ты дома в уединении; он в празднословии и смехотворстве, а ты в молчании и богохвалении; он в утехах, а ты в трудах; он в чтении пустых романов, а ты в чтении Божия слова и отеческих писаний; он на балах, а ты в беседе с единомысленным или с духовным отцом; он в корыстных расчетах, а ты в самопожертвовании; он в мечтаниях страстных, а ты в богомыслии. И так начертай во всем себе правила и заведи порядки жизни, противоположные обычаям мира, и будешь в мире вне мира, как в пустыне. Ни тебя не будет видно в мире, ни мира в тебе. Ты будешь в мире пустынножитель. И станешь подражателем святой Марии без удаления в пустыню.

Если, как помянул я, присоединишь к сему и то, чтоб тело свое держать в пощении, трудах, бдении и вообще в лишении всякого покоя, то будешь обладать обоими способами, какими одолела свои страсти святая Мария и спаслась.

Сокращу это в двух словак: бегай покоя плоти и заведи порядки жизни, противоположные обычаям мира, или огради себя благозаконием. Сделай так – одолеешь страсти, и ты и спасешься.

Ибо вот что будет у тебя, как учит святой Исаак, если ты возобладаешь сими двумя способами: покорность чувств, трезвость ума, кротость помыслов, светлые движения мысли, рачительность к делам, высокие и тонкие умопредставления,

слезы, не знающие меры, память смертная, чистое целомудрие, далекое от всякого мечтания, искушающего мысль, таинственные понятия, какие ум постигает при пособии Божиих словес, страх, отсекающий леность и нерадение и погашающий всякое вожделение, а в конце всего – свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом во Царствии. Вот и спасение.

Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, но поколеблет и самое основание добродетелей. И как они, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава Божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу, так, если кто отступит и удалится от них, то придет к противоположным им порокам: плотоугодию и телесному скитанию, то есть хождению по обычаям мира, кои открывают вход в душу всем грехам и всем страстям.

Ибо поблажь только обычаям мира, кои все суть не что иное, как телесное скитание, поблажь только сему скитанию, смотри, что будет от сего! Неуместные и неожиданные сходбища (я продолжаю слово святого Исаака), приближающие к падениям; мятеж сильных ощущений, возбуждаемых видением; быстрое воспламенение, овладевающее телом; неудержимые помыслы, стремящиеся к падению; охлаждение любви к делам Божиим и совершенное оставление правил новой жизни твоей; возобновление забытых худых дел и обучение иным, которых прежде не знал. И страсти, которые, по благодати Божией, были уже умерщвлены в душе и истреблены забвением памятований, хранящихся в уме, снова начнут приходить в движение и понуждать душу к их деланию. Вот что откроется в тебе вследствие одной первой поблажки, то есть скитания тела по обычаям мира и нетерпеливости в перенесении скорбного пребывания в новом порядке жизни. А что произойдет от плотоугодия и, особенно, чревоугодия, того и перечислить нельзя. Отсюда тягость в голове, великое отягощение в теле и расслабление в мышцах, оставление молитвенных правил, леность класть поклоны, омрачение и холодность сердца, огрубелость ума и помыслов, омрачение, густой и непроницаемый туман, простирающийся по всей душе,

сильное уныние и скука при всяком деле Божиим, а также и при чтении неспособность вкушать сладость словес Божиих, мыслей скитание по всей земле, скверные призраки, наполняющие душу и разжигающие похоть, непрестанное и нестерпимое разжжение во всем теле, а отсюда новые обольстительные помыслы, с коими сочетаваясь, душа падает в страсти бесчестия, сначала в себе – сосложением, а потом и вне – самым делом.

Вот горькие плоды от скитания по обычаям мира и всякого упокоения плоти! Знает враг, что кто поддастся им, тот верною ему будет добычею. Почему всячески покушается или расстроить заведенные новые порядки доброй жизни, или склонить к какой-либо поблажке плоти. Поступись в одном, впадешь и в другое, а при том и другом не избежишь падения в грех и возвращения прежних страстей. Поблажь плоти, она приведет тебя к поблажке и обычаям мира. Или поблажь обычаям мира, они приведут тебя к поблажке и плоти. Один враг передавать тебя будет другому, не отставая и сам, и вдвоем потом всякий раз увлекут тебя в падение. Зная беду сию, стой твердо в начатом. За плоть будет стоять животолюбие, за мир – человекоугодие. Противопоставь им ощущение истинного живота в озлоблении плоти и общение с истинными людьми в отвержении обычаев мира. Начнет ныть плоть и тосковать душа, вооружись терпением. Воодушевляй себя тем помышлением, что все одно – смерть впереди. От поблажки плоти и миру смерть чрез падение в грех – смерть истинная и вечная. Плоть и мир тоже страшат смертью тех, кои идут против требований их, но эта смерть – призрачная, не действительная, а выдумываемая врагом для устрашения нас. Обречем лучше себя на сию смерть во спасение, чтоб избежать смерти пагубной.

Трудно, конечно, это, посему и называется путь сей путем "тесным" и прискорбным, только к нему приложено неложным Богом утешительное обетование, что он «вводит в Живот» (Мф. 7, 14). Но ведь только безумные, как говорит святой Исаак, малый, близкий покой предпочитают отдаленному Царству, не зная, что лучше потерпеть мучение в подвиге, нежели покоиться на ложе земного царства и быть осуждену за леность. Мудрым

вожделенна смерть, только бы не подпасть обвинению, что какое-либо из дел своих исполнили без трезвости. Не унывай, когда дело о том, что доставит тебе жизнь, и не поленись за то умереть.

Таковыми помышлениями и такими отеческими наставлениями укрепляйте свою решимость стоять в новых добрых порядках жизни, в противоположность обычаям мира, и «плоти угодия не творить в похоти» (Рим. 13, 14). Сим избежите вы мучительного дела – раболепства греху – и скоро войдете «в свободу... чад Божиих» (Рим. 8, 21), когда, силою Божиею укрепляемые, уже беспрепятственно, без усилий, без особых жертв, начнете ходить в заповедях и повелениях Божиих, как сыны ходят в дому отца своего. Аминь.

13 марта 1866 года

Часть 13. В страстную седмицу Великого поста

Во вторник страстной седмицы (утруждая плоть, потрудите и душу)

«Грядый Господь на вольную страсть, Апостолом глаголаше на пути: «Се, восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет... на пропятие» (Мф.20, 18, 26:2). Приидите убо и мы сшествуем Ему и сраспнемся Его ради житейским слаstem». Так Святая Церковь приглашает нас сшествовать, спострадать и сораспяться Господу в дни сии, посвященные воспоминанию Его Божественных страданий и смерти. Как послушные чада, вы вняли сему материнскому призыванию и вступили в указанный ею путь сшествия Господу. И мне предлежит ныне не убеждать вас к повиновению, а, утешаясь вашим повиновением, пожелать лишь, чтоб вы полнее и совершеннее привели к концу уже начатое вами. И в самом деле, если б кто из вас спросил: «Вот, Церковь приглашает нас сшествовать Господу, идущему на вольную страсть, как же это нам сделать?», то им нечего было бы ответить, кроме разве: «Делайте, что делаете, только делайте как следует – и будете сшествовать Господу». Вот вы поститесь, ходите в церковь и дома молитесь, оставили на время житейские дела и пребываете более с собою, наложили на себя благочестивые занятия и отнимаете для того часть времени у сна – большую или малую. Так и делайте. Пощение до того, чтоб тело ощущало лишение удовольствия в пище и питии, труд молитвенный до утомления плоти, устранение обычных взаимных соотношений с принуждением себя к занятиям душеспасительным, бодрствование, несмотря на то, что клонит ко сну, и многое другое, сопряженное с выполнением говения, составляет первый шаг в следовании за Господом на распятие. Надобно только охотно, без саможаления, поднять тяготу сию. Человек животолюбив. Малое оскудение в пище и лишение сна или утруждение и утомление необычное раздражает вопль плоти и ему кажется, что делают покушение отнять у него жизнь. Кто теперь, несмотря на сей вопль, на это как бы расставание с жизнью, не только не поддается саможалению, а напротив, с желанием самоозлобления нудит

себя на показанные труды, тот всякий раз, как делает сие, делает шаг вслед Господа. И надобно сказать, что только такой и сшествует Ему в сем отношении. Так ли это у вас? Если так, то вы у цели. Если же нет, позаботьтесь приложить к труду, который всё же несете, это безжалостное желание озлобить плоть свою ради Господа. Этим вы принесете Господу в жертву животолюбие, или понесете на сораспятие с Ним плоть свою, подражая хотя мало подвигу Его в саду Гефсиманском.

Начавши так, понудьте себя и еще поближе придвинуться к Господу в последовании за Ним. Я хочу сказать: утруждая плоть, потрудите и душу. Хоть тело и душа составляют одного человека, но, как вам ведомо, нередко тело делает одно, а душа – другое. Приведите же в согласие в трудах, вами теперь подъемлемых, с телом и душу. Постясь телом, заставьте поститься и душу: отсекайте пожелания, подавляйте возникновение страстных движений: гнева, осуждения, возношения, корысти, неуступчивости и прочего. Утруждая тело стоянием на молитве здесь, в храме, или дома, потрудитесь и душою благоговейно стоять пред лицом Господа в сердце, во внимании к поемому и читаемому. Устраняете молву житейскую и уединяетесь телом – приложите к сему нерассеянность ума и сосредоточение в себе самих. Заставляете бодрствовать тело – возбудите и бодренность духа или живое устремление усердия к Господу. Понуждаете себя на занятия духовные – понудьте и душу свою возыметь желание к ним, которым она не всегда может похвалиться. Когда сделаете так, свяжете тем душу. И она, обывшая к вольнодвижениям и вольнодействиям, ощутив на себе узы, начнет томиться, как в неволе, и подымет вопль недовольства. Но не ослабевайте в самопринуждении. Этим вы уподобитесь Господу, когда Его, связанного, повели на суд, и станете, следовательно, еще ближе к Нему в сшествии Ему на вольную страсть. Труд тела и души вместе есть то же, что ступание то на одну, то на другую ногу, и представляет благоуспешнейшее шествие вслед Господа.

Подойдемте еще ближе. Станем на суд, подобно Господу. Вы уже и задумали это сделать. Разумею ваше говение с целию приобщиться Святых Христовых Тайн. К достойнейшему

Причащению приготавливаются очищением души своей от всех грехов в Покаянии. А это вот чего требует: пересмотри жизнь свою и сличи ее с заповедями Евангельскими, отметь все несообразное с ними, познай виновность свою в том и осуди себя без самооправдания, сокрушись сердцем и оплачь все, чем оскорблен Господь, и исповедуйся во всем без утайки с твердым намерением не поддаваться более греховным увлечениям. Кто совершит сие надлежащим образом, тот уподобится Господу, как Его водили для суда и осуждения к Анне и Каиафе, от них к Пилату, от Пилата к Ироду, от этого опять к Пилату. Разница в том, что Господа несправедливо осуждали и озлобляли, а мы себя осудим и сокрушим праведно. Но как Господь несправедливо осужден в оправдание наше, так наше праведное самоосуждение будет нам в оправдание, чрез невинное осуждение Господа.

Хотите ли, наконец, подойти к Самому Господу и идти с Ним на вольное Его страдание, как бы шаг за шагом? Вот что сделайте: пройдите углубленным размышлением весь крестный путь Господа, восприимите чувством болезни Его, сколько сие вместиимо естеству нашему, и спостраждите Ему сердцем. Начните с моления Господа в саду Гефсиманском, в туге и томлении до кровавого пота; идите с Ним, связанным, по крутизнам и ущельям до двора архиереев; побудьте с Ним при несправедливых нареканиях на Него, при издевательствах рабов глумливых, при отречении Петра; последуйте за Ним к Пилату, от Пилата к Ироду и обратно; слушайте крик народа и ярость осудителей и несправедливый приговор; понесите с Ним Крест на Голгофу – тяжелый до падения под ним при шуме народа ослепленного и язвительных речах старейшин торжествующих; перенесите на себя пригвождение ко Кресту, когда в живую плоть вбивали гвозди, поднятие Креста, раздиравшее раны и возмущавшее круговращение жизни, плач приближенных, и в среде их Матери Пречистой, глумление неразумных, крайнее унижение до: "Жажду" (Ин. 19, 28) и преклонение главы с преданием духа Господу. Пройдите все сие мысленно и живее воспроизведите в себе, возбудите сочувствие к тем болезням и так преискренне войдите в сострадание, что как бы сами вы

страдали и принимали раны. И будете подобиться женам, которые, идя вслед Господа, несшего Крест, проливали слезы.

Так, шаг за шагом, все ближе и ближе будете подходить к Господу, грядущему на вольную страсть, и сшествовать Ему. Начав с телесных трудов, перейдите от них к душевным подвигам, а при тех и других совершите самоиспытание: оплачьте и исправьте неисправное в Покаянии, чтоб достойно причаститься Христовых Тайн; наконец же, углубленным размышлением о страданиях Господа войдите в сочувствие и сострадание Ему. Но и только ли? Не замечаете, что этим путь не может быть кончен? Так сшествуют только Господу, грядущему на смерть. Но не сшествовать только надобно, а и сораспяться с Ним. Как же это? Когда вступите на путь истинной христианской жизни и самым делом начнете исполнять заповеди Христовы, тогда поминутно будете распинать себя ради Господа, или спасительно сораспинаться Христу Спасителю. Все указанное прежде есть только приготовление к сему. В страданиях Господа и сострастии Ему имеем побуждение к христиански добродетельной жизни, в подвигах душевно-телесных приемлем пособие к ней, в Покаянии и Причащении положим начало ее и получим силы. Остается теперь, совершив все, начать самым делом жить истинно по-христиански. А как и почему сия жизнь есть сораспятие Господу, уразумеете на первых порах. Сами ощутите, как при исполнении христианских добродетелей то пригвождаются руки и ноги, то поражается сердце, то глава увенчивается тернием, то все тело естества нашего покрывается ранами. Не буду пояснять, как это. Сами знаете или узнаете. И заключу слово мое искренним вам благожеланием. Благослови вас Господи не сшествовать только Ему, но и сораспяться с Ним, ибо иного пути ко спасению нет! Аминь.

30 марта 1865 года

В среду страстной седмицы (как избежать участи Иуды горькой)

На нынешний день приходится, между прочим, вот какое горькое воспоминание: старейшины иудейские собрались в дом Каиафы и рассуждали о том, как бы схватить хитростию Господа Иисуса и предать Его смерти. В эту пору, никем не прощенный, приходит к ним один из двенадцати, Иуда Искаротский, и говорит: «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» (Мф. 26, 15). Они дали ему тридесать сребреников. Когда я прочитал сие место Писания, негодованием исполнилась душа моя и на старейшин, и на Иуду. Куда смотрели эти старейшины, что на себя и на народ навлекли вину и наказание богоубийства? И как мог решиться на такой поступок Иуда, который всегда так близок был к Господу и так ясно видел отпечатлевающуюся на Нем полноту Божества? Потом моя мысль перешла к характеру Иудина предательства и между тем, как я думал об этом, из совести начали возникать одно за другим дела мои собственные, очень похожие на дело Иуды. Чем дальше, тем больше. Тогда, вместо негодования на Иуду, начало возрождаться опасение за себя и внутренний голос сказал мне: «Оставь ты Иуду, обратись скорее на себя и озаботься избежать участи его горькой».

С этим же, братие, выхожу и к вам. Я предполагал изобразить пред вами черноту Иудина предательства. А теперь говорю: оставим Иуду. Пересмотрим лучше свои дела, чтоб вычистить из жизни своей все, что носит какую-либо черту характера Иудина, и тем избежать падшей на него кары Небесной.

Что особенно поразительно в Иуде – это то, что ведь во время пребывания своего с Господом он был по жизни точь-в-точь то же, что и все Апостолы. С ними ел, пил, ходил, проводил ночи, с ними слышал поучения и видел чудеса Господа, с ними терпел все нужды, ходил даже на проповедь Евангелия и, может быть, творил чудеса именем Господа: ни Апостолы, ни другие никакой от себя особенности в нем не

видели. А между тем под конец видите, что вышло? Откуда же этот плод? Конечно, изнутри, из души. И вот, видите, внутри души зрело то, чему во время не было никаких признаков снаружи.

Знал ли даже сам Иуда, что у сердца своего он лелеял такую змею, которая сгубит его наконец? По обычаю врага нашего скрывать узы, коими опутывает он грешника, главную страсть всегда закрывает он разными сторонними благовидностями от сознания и даже совести и только тогда, как рассчитывает на верную гибель человека, выпускает ее – напасть – на него со всею неудержимою яростью. Можно, судя по сему, думать, что Иуда не видел всего безобразия своей страсти и сам себя создавал не худшим других Апостолов. И пал, как бы не предвидя того.

Имея сие в мысли, братие, обратимся к себе и строгое учиним исследование самых сокровеннейших движений сердца своего, не останавливаясь на своей незазорной внешности. По внешности, посмотрите, чем мы худы? А между тем, кто знает, может быть, вокруг сердца увивается такой змей, который готов погубить нас, – и погубит, только представься случай. Припомню вам мысль святого Макария Египетского, который говорит: «Не хвались никакими делами и никакими подвигами. Но если ты сошел в самую глубь сердца своего и убил гнездящегося там змея, отравляющего ядом своим все проявления жизни твоей, тогда воздай благодарение Господу». Это разумел он или живущий в нас грех, или главную страсть каждого, в которую преобразуется тот грех. И вот на что паче всего обратите внимание при подлежащем вам самоиспытании и Исповеди. Ищите главную свою страсть. Ее обличите, ее выбросьте вон. «Не требует от тебя Господь, – говорит другой старец, – поста, когда страдаешь своекорыстием. Дай ему простоту милостынеподаяния. Не требует от тебя Господь знатных и славных дел, когда ты заражен тщеславием. Дай ему смирение и самоуничижение». Так и во всем другом. Господь хочет, чтоб мы ту особенно страсть обличили в себе и победить пообещались, которая нас паче одолевает, и в той особенно добродетели отличились, которая противоположна

одолевающей нас страсти. Когда это сделаешь, тогда и все другие добродетели придут в строй и силу, а страсти ослабеют, ибо они держатся обычно около господствующей нашей страсти.

Но обратимся опять к Иуде. Так носил он занозу в сердце своем. Представился случай – страсть закипела. Враг взял его, бедного, за сию страсть, отуманил его ум и совесть и повел, как слепого или связанного невольника, сначала на злодеяние, а потом и в пагубу отчаяния. А ведь этого не было бы, если б он Господу открыл свою страсть. Врач душ тотчас бы уврачевал болезнь души его. И Иуда был бы спасен. То же и с нами будет, если не откроем духовному отцу своей страсти. Теперь она притихнет, но после, лишь только случай, сейчас падение. Если же откроемся, сокрушимся, положим намерение не поддаваться и попросим у Господа помощи на то, тогда верно устоим, ибо «болий есть, Иже в нас, нежели иже в мире» (1Ин.4, 4). Господь благодатию Своею, в час разрешения, убьет страсть и положит семя противоположной ей добродетели. И тогда приложи только труд небольшой и, при помощи Божией, не будешь уже более валяться в страстях бесчестия и открытым лицом начнешь взирать и ко Господу, и ко святым, и ко всем христианам.

Еще немного времени и Господь придет к вам и сотворит у вас Вечерю Себе с вами. Готовьтесь! Выбросьте из сердца все противное Господу, сметите всякую пыль сердечными воздыханиями, отмойте всякое пятно слезами сокрушения, чтоб, вошедши к вам, Господь нашел храмину сердца вашего убрану, постлану, вычищену. Да не будет между вами похожих на Иуду. И Иуда, как и прочие Апостолы, равно слышал: «По двю дню Пасха будет» (Мф. 26, 2). Но Апостолы подошли ко Господу и говорили: «Где хочещи уготоваем Ти ясти Пасху?» (Мф. 26, 17). А Иуда что? Пошел и продал Господа. А на Вечерю все же-таки пришел наряду с другими. Неужели и между вами завтра будут такие? О, да не будет! Еще есть время. Подите и, всякий по мере сил своих, поусердствуйте достойными явиться принятия Господа в Святых Его Тайнах. Сознайтесь, в чем виноваты, поплачьте и скажите: «Не будем, Господи! Помогите нам устоять в предняя!» Это главное, чего хочет Господь. Беспечных же между вами да не будет. Да не будет и таких, кои

приступают к Тайнам как пришлось, без мысли и чувства и без всякой заботы о приготовлении. Особенно же да не будет таких, кои, не отвергшись своей страсти, не только намерения не имеют воздерживаться от дел ее, но тут же не чужды соуслаждения ими и склонения на них. Такой точь-в-точь Иуда: телом на Вечере, а сердцем в предательских замыслах. И такому, когда по Причащении Христовых Тайн будет он лобзать Чашу, не скажет ли ему в совести его Господь: «Лобзанием ли Сына Человеческого предаеши?» (Лк.22, 48).

Господь и Спаситель наш, Матерь Божия Пречистая и все святые да помогут вам причаститься в оставление грехов и Жизнь Вечную! Аминь.

31 марта 1865 года

В Великий четверг (Господь в нас! Озаботимся навсегда удержать его в себе)

Слава Тебе, Господи! Какой светлый у нас ныне день! Сколько причастников Святых Христовых Тайн! Радуйтесь, блаженные души! Господь в вас! Господь в вас! Ибо Сам сказал: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин.6, 56). Будем все радоваться общему радостию. Нет, думаю, семейства, где бы не было причастников. Нет, следовательно, дома, который бы лишен был особенного Божия присещения (надсматривания). Так весь град наш стал ныне жилищем Богу, и не наш только град, но и всякий другой град и весь (селение), вся Россия, весь православный мир. Ныне у Господа великая Вечеря. Он ликует с душами и есть всюду «всяческая во всех» (1Кор. 15, 28), и как Источник благ, и как Владыка сердец. И вот существо того царства, которое основал Он на земле: исполняя всех Собою, всех благоустраивая, внушая должное, давая силу, ободряя в трудах. О, когда бы помог нам Сам же Господь никогда не лишиться Его в нас пребывания! Тогда, Им направляемые, все мы верно шли бы спасительным путем, по вечным Его о нас преднамерениям.

И вот об этом-то, братие, и должна быть у нас теперь вся забота. Господь в нас! Озаботимся навсегда удержать Его в себе. Сам Он любообщителен. На то и в мир пришел, чтоб быть во всех. И не пошел бы Он от нас, но что делать, если мы при Нем начинаем держать себя так, что Ему нельзя уже более оставаться в нас?

Прошедшие дни мы очищали и убирали храмину сердца для принятия Господа. Ныне снисшел в нас сей Пренебесный Гость и Посетитель душ. Озаботимся же дать Ему покой, доставить утешение, открыть удобное Ему в нас действие.

Озаботимся дать покой. Устранены были у нас житейские суеты и развлечения на это время, и не будем разрешать на них. Назначена уже скромная мера удовлетворения нужд тела, и пусть эта печать скромности и нужды навсегда останется на этой части неизбежной для нас работы тлению. Введены у нас в

порядок дел домашних благочестивые занятия, и пусть это останется всегдашним неизменным законом нашей жизни. К сему присоединим вот что: удержимся от расхищения помыслов, не допустим волнение желаний, не соизволим на движения страстей. Станем всем вниманием своим и всем желанием у входа в сердце, где Господь, и всевозможно будем отрывать все могущее нарушить покой Его в нас, и Он упокоится в нас.

Озаботимся доставить Господу утешение. Господь утешается всем чистым, святым, истинно добрым. Ибо Сам Он есть чистота, святость, добро. Окружите же Его в вас обиталище искренними убеждениями в истинах Его, святыми преднамерениями, чистыми побуждениями, готовностью на всякое добро, указуемое Его заповедями.

Озаботимся открыть угодное Ему в нас действие. Господь вседействующ. Вседействующ бывает Он в нас не без нас. Не насилует Он нашей свободы, но ждет, чтоб мы сами себя предали Ему или Ему отдали власть над собою. Приидите же со всеми силами своего духа и, падши пред Ним, поклонитесь Ему и помолитесь, чтоб Он взял ваши силы, как орудия, и действовал в них, насаждая все благое и спасительное, все же злое и пагубное отрывая и истребляя. Молитва приведет силу Божию во все составы естества вашего и даст Ему простор действовать в вас.

Когда будет все сие в вас, не отыдет от вас Господь, упокоеваемый, утешаемый и нестесняемый в действиях Своих в вас. В настоящее время все вы, конечно, так настроены, что Господу нет причины быть вами недовольными. Все у вас тихо и мирно, и во внутренних действиях ваших, и во внешнем поведении. Думаете вы только о добром, желаете только доброго, и молитва, верно, не отходит от уст ваших. О, когда бы и навсегда было так! А то что последует? Придет Светлый Праздник, и тут же почти – привлекательное время года. И всё забудем. Сначала позволим себе легкие развлечения и легкие парения мыслей и желаний, как бы отдых после труден великопостных; потом незаметно дадим свободу и страстным движениям; а далее попустим внутри согласие на внушения

страстей или сложение сердца с ними, за которым скоро возвращается и жизнь по страстям. А там что? А там что? А там – голова пустеет, сердце в смятении, в делах и начинаниях неустройство, исчезает все, что было приобретено трудом спасительного постничества. Господь забыт, и – отходит. Вот этого-то и поопаситесь! Поопаситесь будущих развлечений и увлечений. Станьте бдительными стражами над собою и делами своими и во все время, от одного Причастия до другого, никак не допускайте того, что может оскорбить Господа и лишит вас Его благодатного присутствия, чтоб всякое новое Причащение было не началом вселения в вас Господа, а все более и более приискреннейшим общением Его с вами и вас с Ним.

Хотите ли, я предложу вам самое простое и действительное средство, чтоб успеть в этом? Не забывайте никогда, что Господь в вас. Как хозяин дома при виде высокого у себя гостя никак не допустит что-либо неприятное ему, так, пока будем помнить, что носим в себе Господа, благоволившего вселиться в нас, совесть наша никак не допустит что-либо такое, что может оскорбить Его. Как никто из нас не решился бы на такие действия, какие позволили себе истязатели Господа во время Его страданий, так, пока пребудет в нас ясною и крепкою памятью о пребывании Господа в нас, быть не может, чтоб мы ослабили бдительность над собою и допустили что-либо могущее возмутить покой Его. Так, мысли ли недобрые придут, вспомните, что Господь в вас, и отстанете от сих мыслей, ибо попускание их походило бы на глумление слуг, издевавшихся над Господом. Придет ли желание, исполнение которого противно заповедям Спасителя, припомните, что Господь в вас, и не попустите совершиться желанию вашему, ибо это значило бы то же, что преклонять колена и говорить: «Радуйся, Царю Иудейский!» (Мф.27, 29). Воскипит ли страсть, вспомните, что Господь в вас, и найдете силу погасить сию страсть, ибо иначе будете походить на тех, кои кричали: «Распни, распни Его!» (Лк.23, 21). Так и во всем. И выйдет, что память о том, что Господь в нас, заставит нас заботливо отстранять все, могущее оскорбить Его, и упрочить Его в нас пребывание. Для того же, чтоб память сия не отходила от нас, бывайте сколько можно

чаще в храмах Божиих, особенно на литургиях, и здесь со всею силою воспроизводите в себе те спасительные расположения, коими исполнялись души ваши в дни сии, и, особенно, ту великую милость, какой сподобились вы ныне. Воспомяна на литургии о Святом Причащении, невольно вспомните и о том благом состоянии, в каком находились вы и находитесь теперь, и восприимите желание держать себя в нем всегда, чтоб всегда иметь в себе и Господа.

Я уже и не указываю вам на то, что когда Господь в нас, то всё в нас: и свет ведения – чистый и невозмутимый ни сомнением, ни ложью, и крепость добродетели – несокрушимая ни внутренними, ни внешними препонами, и мир Божий убажующий, при котором не перестают блаженствовать даже среди мучений. В настоящие минуты кто из вас не ощущает благ сих в большей или меньшей мере? Позвольте же самым сим благим состоянием вашим умолять вас попещись о сохранении его. Сличите то, что вы теперь, с тем, чем бываете, когда предаётесь суете и страстям, и изберите лучшее. Кто теперь выше вас? Не унижайте же себя. Кто блаженнее вас? Не ввергайте же себя в обременительную горечь жизни не по духу Христову.

Но "вся сия весте, блаженны же будете, аще и сотворите я» (Ин. 13, 17). Как близко к нам благо наше и как редко мы умеем обладать им! Помолимся же Господу, Пречистой Владычице Богородице и всем святым, чтоб умудрили нас так все устроить, да Посетивший нас ныне пребудет в нас и, пребывая, отрывает всякий грех, всякую страсть и всякое душетленное слово, дело и помышление и так соделает нас достойными быть всегдашним домом Его, во славу пресвятого имени Его. Аминь.

5 апреля 1862 года

В Великий четверг (Тело и Кровь Господа есть великий дар)

Радуйтесь, христиане православные, что сподобились причаститься Святых Христовых Тайн, и тем паче радуйтесь, что сподобились вы сего ныне, когда установлено самое Таинство. Ныне Господь причастил святых Апостолов и велел им установить во Святой Церкви такое же Причащение. Святые Апостолы установили. Вот мы и причащаемся Пречистого Тела и Пречистой Крови Господа во исцеление души и тела.

Радуйтесь же, сподобившись сего великого Божия вам Дара. Но радуйтесь со страхом. Говорите в себе: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» Но не распускайтесь мыслями и чувствами и со всякою опасливостию храните и душу свою, и тело. Готовились ко Святым Тайнам с благоговением, но не подумайте, что уже все кончено и вам нечего более трудить себя. Нет. И теперь надобно продолжать труд. Потрудились вы, чтоб получить Дар, а теперь трудиться надо, чтоб сохранить его и спасительно пользоваться им.

Зачем, думаете вы, и на Страстной седмице установлено причащаться? Затем, между прочим, чтоб причастники помнили страдание Господа и всячески боялись причинить Ему новые страдания по принятии Его в себя в Святых Тайнах. Ведь Господь и теперь еще продолжает страдать. Только тогда страдал Он от неверных иудеев, а теперь страдает от христиан, кои по Святом Причащении не стараются жить по-христиански. Когда причащаемся, Господа в себя принимаем. Сердце наше становится храминою для Господа. Чрез говение и Покаяние храма сия стала чиста и убрана, и Господу в ней покойно. Но если потом начнет кто думать о худом, желать худого и делать худое, то тем Господу причиняет беспокойство. Ему прискорбно будет пребывать в таком сердце, или Он будет страдать в нем.

Поясню вам это таким примером: представьте, что кто-нибудь позвал бы кого-нибудь из вас к себе и поместил в такой комнате, где сесть не на чем, в окна ветер дует, сквозь потолок течет, на полу сыро, а тут комары кусают. Быть в такой комнате

было бы для вас настоящее страдание. Так и Господь страдает в причастниках, когда они, по Причащении, не хранят как следует храмину души своей, когда у них мысли, желания и чувства, дела и слова – не в порядке. Ибо, когда кто рассеивается и дает волю своим мыслям, тогда это то же, что Господа в храмине души ветер беспокоит. Когда кто о том только и думает, чтоб есть, пить и веселиться, тогда это то же, что Господу в храмине души сыро. Когда кто завидует другому, осуждает его, насмехается над ним, тогда это то же, что он Господа Самого как бы жалит и уязвляет. Когда кто непокорив, ленив и порядков должных не соблюдает, тогда это то же, что Господу в храмине души его сесть не на что. Когда кто держит худые мысли и желания, гордится, чужое себе присвоить хочет, тогда Господь в душе его, как иной в комнате от течи, места Себе не находит.

Вот видите, как и чем можно Господа, по принятии Его в себя чрез Святое Причастие, беспокоить, боль и страдание Ему причинять, и остерегайтесь того. Будьте смиренны, кротки, миролюбивы, друг друга не обижайте, всякому нуждающемуся помогайте, над другими не высьтесь и вообще ревнуйте о всякой добродетели – и Господу будет покойно в вас и радостно. За это и Он вас наградит радостью и всякое вам утешение подаст.

Тело и Кровь Господа есть великий Дар. Надо же и почитать сей Дар, как великое, любовью, благоговением и всяким себя охранением. Расскажу вам один очень поучительный случай. Один раскольник, или молокан (член псевдохристианской секты), по какой-то нужде приступил к Святым Тайнам вместе с православными христианами. Часть Святых Даров он принял, но не употребил, а спрятал ее в платок и, пришедши домой, почему-то положил в улей к пчелам – он был пчеловод. Смотрите же, что сделали пчелы. Они, хоть и неразумные твари, в этом случае оказались умнее человека. Как только увидели частицу Святых Даров, тотчас бросили свою обычную работу, перестали строить соты, а со всею заботою и скоростью начали строить приличное помещение для Святого Тела Господня: устроили малый престол, потом дискос, и на сей

дискос положили святую частицу и все оградили сводом, как бы храм устроили или алтарь. Затем сели кругом в порядке и жужжали потихоньку, будто хвалу Богу воссылали и молились. Хозяин, заметив, что пчелы перестали летать, пошел посмотреть, что бы такое значило. Открыл улей и ужаснулся, видя, как пчелы отдают благоговейное чествование Телу Господа, которое он презрел. Послал поскорее за священником, раскаялся во грехе своем, причастился и стал навсегда благоговейным читателем Христовых Тайн, раскол же, или молоканство, бросил. Вот и вы теперь приняли Пречистое Тело и Пречистую Кровь Господа. Уподобьтесь пчелам тем и всякое благоговение покажите к принятому вами Дару. Станьте, как мед и как пчелы. Мед благоухание имеет, вы же возьмите молитву; мед сладость имеет, вы же возьмите любовь между собою; мед приятный цвет имеет, вы же возьмите благообразное во всех частях поведение. Пчелы трудолюбивы, и вы любите труд; пчелы чисты, и вы любите чистоту; пчелы послушны, и вы будьте послушны, кому следует. И как те пчелы чинно уселись вокруг частицы и жужжали, так и вы установитесь мыслями вокруг Господа и молитесь Ему в нынешний паче день молитвою, какою сумеете. И Господь примет ваше к Нему обращение сердечное и благословит вас.

Вот, я сказал вам, как можете вы Господа, вами принятого, беспокоить и страдать заставить и как можете Его упокоить и усладить. Избегайте первого и попекитесь о последнем. Если успокоите так Господа – и Он успокоит вас и всякое вам дарование подаст и успех в делах ваших. Аминь.

24 марта 1866 года

В Великий четверток (как хочешь, но устройся так, чтоб ты всегда был, как будто только что причастился)

Установив ныне Таинство Тела и Крови, Господь предал совершение его в закон святым Апостолам, а святые Апостолы – Святой Церкви, в которой Он и пребывает, и действует неотложно.

Святая Церковь всех и всегда призывает к Святому Причащению, особенно же во время святых постов, и еще особеннее во святую Четыредесятницу, в которую и все службы и чинопоследования приспособлены к приготовлению верующих к достойному Принятию Тела и Крови Христовых.

Послушные чада Церкви смиренно внимают сему ее призыванию и во время сие исполняют христианский долг свой неопустительно. И это слава Богу! Слава Богу, что хоть однажды в год очищают совесть свою и причащаются! И даруй, Господи, чтоб между ними не было таких, кои самовольно лишали бы себя сего великого Божия Дара! Лишающие себя его лишаются Господа, а без Господа что мы?

"Без Мене, – говорит Господь, – не можете творити ничесоже... Якоже розга не может плод сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете... Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног» (Ин. 15, 4–5). А в Господе кто пребывает? «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56), – говорит Сам Господь. Стало быть, дело Святого Причащения есть дело жизни. Причащаться или не причащаться – значит быть или не быть христианином, жить или не жить во Христе. Почему и прибавляет Господь: «Аще не снесте Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, Живота не имате в себе» (Ин. 6, 53).

Приводя на память сии решительные слова Господа, недоумеваешь – отчего же это у нас не часто причащаются? Пересматривая недавно одну книжку, встречаю в ней наставление тем, кои часто причащаются. Вот, подумал я,

блаженное было время, когда уместны были такие поучения! А у нас если скажешь: «Причастись и еще в какой-либо пост кроме Великого», и то покажется странным, строгим и, пожалуй, неуместным.

Ныне, впрочем, не то у меня намерение, чтобы убеждать вас к частому Причащению, а вот какое. Без Господа, как слышали вы, мы не можем «творити ничесоже» (Ин. 15, 5) и даже "живота" не имеем "в себе" (Ин. 6, 53). Господь бывает в нас чрез Святое Причащение. К Святому Причащению приступают у нас большею частию однажды в год. Так нельзя ли, по крайней мере, если уже не хотим часто причащаться, то продлить силу сего единого Причащения как можно на должайшее время, пребыть в состоянии Причащения от одного Причастия до другого? Или что я говорю нельзя ли? Необходимо так сделать. Как хочешь, но устройся так, чтоб ты всегда был, как будто только что причастился. Ибо это только и будет значить, что ты в Господе и Господь в тебе или что ты живешь христианскою жизнью. А как только потеряешь силу Причащения, потеряешь Господа, перестанешь и живот иметь в себе.

Этим вот что требуется. Сила Причащения есть вкушение Господа. Быть в состоянии Причащения – значит постоянно вкушать Господа, или духовными чувствами ощущать Его в нас пребывание и силу. Спрашивается: как сего достигнуть?

Прежде всего надобно не понудить Господа отступить от нас, а потом изощрять духовные чувства к осязательному ощущению общения Его. Господне обетование неложно. Что Он сказал, то так и есть. «Елика бо обетования Божия, в Том ей и в Том аминь» (2Кор. 1, 20), – говорит Апостол. Сказал Он, что пребывает Сам в том, кто причащается Тела Его и Крови (Ин. 6, 56), так это и есть. У всех достойных причастников Господь пребывает. Порадуйтесь, причастники Божии! И не отрицайте в себе сего великого Дара из ложного смирения или по неясному представлению плодов от Святого Причащения. Пусть не ощущаете вы определительно и не осязаете сего, но Господь в вас, пока не лишитесь Его пребывания по причине каких-либо смертных грехов. Подобно тому, как в природе и в обычный

день солнце светит и силу свою являет, хотя бывает невидимо по причине заслоняющих его облаков; или как во время таяния льда градусник не повышается, хотя бы и много было тепла вокруг; или как при лечении иногда лекарство уже действует к выздоровлению, а больной все еще чувствует себя расслабленным и изнемогающим, так и здесь: Господь в вас, но свет Его не зрится еще ради тумана многообразных помышлений, хотя туман сей разрезается уже Господом; Господь в вас, но теплота Его еще не ощущается вполне ради холода облегающих сердце земных и житейских желаний, хотя они уже истаявают от огня Господня; Господь в вас и врачует уже вас, но врачебную силу Свою для вашего же блага скрывает от вас под видимыми немощами нашими. Другими словами, общение с Господом совершилось уже и действует в вас, но по причине неисправности вкуса духовного еще не ощущается и не различается ясно.

Так утвердитесь в сей мысли, что Господь в вас. Почтите тем и Дарователя, и Дар, и себя самих. В силу же сего сами видите, что подобает творить. Подобает всевозможную заботу обратить на то, чтобы не лишиться как-нибудь Господа, сокровенно в вас пребывающего и действующего. Спросите: «Как сие сотворить?» Отвечу: «Не думайте, чтоб для сего вам надлежало поднять такой труд, как бы горы преставлять. Нет. Средство к сему очень немногосложно и просто». Вот что надобно.

Первое. Хранить совесть свою чистою в отношении к Богу, ближним, всякой вещи и всякому делу; для сего, что ни делаете, имейте на то свидетельство слова Божия и делайте то со смирением и усердием, без всякого движения своеволия и небрежения.

Второе. Ни в словах, ни в делах, ни в чем, мало ли то или велико, ничего не допускайте, что могло бы не относиться к славе Божией и какой-либо наносить ущерб делу спасения вашего.

Третье. Хоть бы вы обладали целым миром, так себя имейте в сердце, как имеют странники – пришельцы на земле,

не имеющие «зде пребывающего града, но грядущего» взыскующие (Евр.13, 14). Вот и все!

Так, заметьте, три вещи надо: быть странниками, все обращать во славу Божию и свое спасение и блюсти совесть свою чистою.

Не буду распространяться в объяснении их. Скажу только, что в этих трех – всё, как сами увидите, когда станете действовать по ним. Настройтесь так и поревнуйте всегда действовать по сему настроению. И Господь не только неотлучно пребудет в вас, но часто будет давать и ощущать Себя. Сие ощущение особенно будет исполнять сердце ваше всякий раз, как для соблюдения прописанного порядка вы должны будете сделать какое-либо самопринуждение и самопожертвование, и вы сделаете то без сожаления, с полною и усердною покорностию воле Божией. Сим утешает и укрепляет Господь Своих, давая им осязательно знать, что труд их нетщетен и путь незаблуден. И чем больше у кого ревности и труда, тем больше бывает у него утешений, или осязательных вкушений Господа – этих духовных Причащений Его. Тут то же происходит, как в мире, когда покажется солнце и спрячется в облаках, снова покажется, снова спрячется, а то разгонит все облака и одно царственно шествует на всей тверди небесной.

Желает ли кто поспешнее взойти в состояние постоянного ощущения или вкушения Господа, употреби труд, намеренно обращаемый к обучению духовных наших чувств. Око ума да напрягает к зрению тайн Божественного Откровения, начиная от Пресвятой Троицы, чрез творение и Искупление, до будущего возустроения всех. Духовное ухо да обучает в слышании и внятии внушений Божиих, непосредственно в сердце печатлеемых или посредственно чрез слово Божие и другие внешние указания сообщаемых. Духовный вкус да упражняет во вкушении истинно святого и Божественного. Да навыкает обонять благоухание Христова в радовании, веселии духовном и осязать прикосновение огня Его в теплоте, согревающей все его существо – и духовное, и душевное, и телесное.

Обучение духовных чувств завершает дело труда в восхождении к непрестанному ощущению общения Господня.

Чрез обучение их падает средостение, разделяющее нас с Ним. Как когда глаза открыты и есть свет, мы естественно видим сей свет, когда есть благоухание и обоняние нерасстроено, мы обоняем благоухание, так, когда духовные чувства наши будут обучены и очищены, мы будем в состоянии принимать посредством их Господа в соответственных им действиях Его на нас, или будем находиться в состоянии вкушения Его, иначе, в состоянии постоянного Причащения.

Сим убо образом "освятите", братие, Господа «в сердцах ваших» (1Пет.3,15). И Он, милостивый, пребудет в вас и вас удержит в Себе и с Собою. Благодать Его да дарует сие вам! Аминь.

16 апреля 1864 года